

РЕИНКАРНАЦИЯ

Руины Богов 1

Сур Шамс

Школьник случайно попадает в параллельный мир — теперь он в теле подростка из Пустынных Племен. После войны Богов континент засыпан песком, под которым остались многие города. Здесь колдуны и цари рыщут в поисках магических артефактов, оставшиеся от предтеч. Интриги и борьба кланов за власть во дворце Солтана. Магические школы Ордена Равновесия скрыты высоко в горах. Встреча новых друзей и старых врагов, контрабандистов и некромантов. А также поиски своей Любви, идущей через многие воплощения. Лишь самый умелый "Игрок" соберёт пазл и сможет выйти из "Системы". Ведь жизнь лишь большая Игра повторяющаяся бесконечно.

Предисловие

После грандиозной и беспощадной битвы Богов, человечество отброшено далеко назад в своем технологическом развитии. Галактический Союз Кольца Федераций выслал к Земле космический корабль, сбросивший на планету специальный комплекс слежения — ИИ на основе кремния в виде черного Куба. Комплекс вступил в контакт с одичавшими аборигенами и сформировал из них группу прогрессоров. Прогрессоры полностью подчинялись воле «Небесного камня», составлявшего важную часть данного комплекса. Позже служители Камня играли роль личной гвардии и являлись координаторами эксперимента Галактического Совета на планете. Другая же история говорит, что это был метеорит, своей радиацией повлиявший на мозги диких людей из местных племен и тем самым заставив их эволюционировать. Согласно преданиям, камень обладает внутренним жаром, излучает сияние и оказывает сильное психическое воздействие.

Как написано в древних текстах, в стародавние времена, когда камень оказался в руках Посвященных, он был расколот на куски. Поскольку они опасались, что если камень попадет в неправильные руки, то может быть использован во вред. В недавние времена одна из его частей хранилась в уединенном горном монастыре, другая же гораздо большая часть, оказалась сокрыта под горой в подземном городе Посвященных. Третья часть была расколота на более мелкие кусочки и распределена среди величайших царей и правителей того периода. Даже самый маленький кусочек поддерживал связь с большой частью камня и наделял своего хозяина просто гипнотизирующей властью над умами обычных людей. Поскольку этот куб имел необычайное свойство видоизменять реальность мира и создавать такие аномалии, как таинственные исчезновения людей, слияние веток реальности и то, что принято сейчас называть «эффектом Манделы».

Ходили легенды, будто «Камень» создает определенную волну энергетической вибрации, тем самым сдерживая физическую реальность в пределах заданных параметров или даже ограничивает умственное развитие и эволюцию всего населения. Может быть потому что люди недостаточно нравственны и человеколюбивы для обладания высокоинтеллектуальными знаниями, которые непременно явились бы при должном уровне развития ума. Или же некие тёмные силы заточили человечество в искусственно ограниченные рамки, надвинув им на глаза целый мирок, навроде виртуальной реальности. Иными словами Система в лице «Небесного Камня», противостоит людям и управляет их намерениями.

Прошла куча времени после создания прогрессорского Центра на планете Земля. Здесь, в недоступном для обычных смертных месте, обитали всемогущие Координаторы, занимавшиеся контролем эксперимента, проводимого на планете цивилизациями Галактики Союза Федераций. Смысл эксперимента состоял в вероятности получения принципиально новых видов ментальных тел, отличающихся от уже известных в Галактике. Новое качество появилось в результате некой генетической мутации людей, произошедшей при крушении одной из цивилизаций планеты Земля. Благодаря полученному новому качеству, планета Земля превратилась не только в интересный объект исследований, но и в полигон, имеющий большое значение для развития всей Галактики, а может быть и Вселенной.

И судя по всему, какие-то таинственные силы начали охоту на артефакты Богов, потому что реальности стали взаимопересекаться и приводить к сопряжению Сфер. В ходе таких

флуктуаций пространства нашего героя забросило в одну из параллельных веток реальностей альтернативного мира. Весьма похожего на обычный на первый взгляд, но только лишь поначалу. Вскоре герою предстоит встать на его вершине и возглавить новую модальность и парадигму мировосприятия.

Глава 1 Караван

«Все что я помню начиная с комнаты и кровати то, что я находился в каком-то подвешенном состоянии в кромешной тьме, где не было ни верха ни низа, а мое тело будто бы представляло точку. Поскольку я не ощущал и не видел своих рук и ног, а только лишь густую и непроглядную тьму. В какой-то период я вдруг обнаружил вокруг себя какие-то светящиеся и кружащиеся точки, проносящиеся со стремительной быстротой. Мне показалось они существовали все время, просто я только что обратил на них внимание. Увлечись их разглядыванием, я не заметил как одна из точек затянула меня внутрь себя. Мои руки и ноги обрели чувствительность, наконец-то начав ощущать свое тело. Но только лежал уже не на кровати, а находился в каком-то другом месте.»

До чего же воняет, и щекочет лицо, веки будто слиплись и не хотят открываться, качает из стороны в сторону, тошнит и в добавок жарит спину как в Преисподней. Неужели это есть адские муки... Итак последние события, помню, как летел кувыркком с обрыва по насыпи вместе с капитаном стражников. Чёртов хрен, так и всёк бы ему, падла дремучая. Как же жалею, что не смог разрубить его самодовольную рожу. Одна утеха — он уже мёртв, а я жив. Надеюсь вернуться к его останкам и растрепать его клепаную броню до самого последнего винтика... Чуть башку мне не отрубил тогда этот секьюрити средневековый. А за что, спрашивается? Никто не говорит, что сразу можно в лоб. Вот я и протянул свой короткий базар несколько секунд. Ну и покатались с горки вниз. Но он то умер не сразу, как я думаю. Я то упал на мягкое, приземлившись на него. Вот это то меня и спасло. Получается спас он меня тогда. Ладно, земля ему стекловатой, а мне о будущем думать надо. И чёрт, саблю то свою наверняка посеял, бестолочь! А теперь я непонятно где, в странном положении и постоянно какой-то ужасный рёв животного пронзает слух. Надо подвигаться, кажется ноги и руки совсем онемели.

«Так стоп, чьи это были воспоминания? Казалось будто бы в одном теле находились сразу два человека. Ясно ощущая мысли еще одной личности в моей голове. Я же помню, как лежал на кровати, а теперь будто кто-то взял и переселил меня в другое тело. И сейчас нам приходится делить одно тело на двоих.»

— О, да ты очнулся, — вдруг раздался голос совсем рядом.

Ни посмотреть ни ответить не нашлось сил. Язык присох к небу и каждое усилие отдавалось такой болью в голове, что ещё немного и он лопнет как перезрелый арбуз. Те самые мелкие арбузы, что во множестве растут в здешних песках. Стало быть если со мной говорят в таком дружелюбном тоне, значит я не в руках врагов. Мне удалось лишь что-то нечленораздельно простонать в ответ.

«Удивительно, то что в моей голове присутствовал опыт жизни не только меня, но ещё и того самого человека, в теле которого я оказался. Я знал его судьбу от начала и до сего момента, так если бы я прожил его жизнь. Это был мальчишка моего возраста, родившийся и выросший в здешних местах. И вот теперь, я и он оказались в одной и той же ситуации. Можно сказать его воспоминания стали моими и теперь я наблюдал за всем происходящим из его глаз.»

— Лежи лежи, не напрягайся, мы нашли тебя по пути, лежащим без сознания, — продолжил незнакомец. — Мы караванчики, и сейчас ты едешь вместе с нами, — в его голосе угадывалось явное соучастие моей нелёгкой судьбе.

Наконец-то мне удалось разлепить глаза, видно лишь песок мерно покачивающийся внизу: то приближающийся то отдаляющийся. И эта вонючая шерсть — верблюд, я лежал на нем перекинутый через его спину. Ноги незнакомца обутые в традиционную для горожан обувь всё, что видно мне с этого положения. Вздох облегчения вырвался у меня из груди, значит меня не поймала стража и не везут на казнь. Солнце неумолимо печет спину, хотелось бы всё таки сменить положение и пить, пить, много пить.

Владелец ног продолжал монолог.

— Должно быть тебе не очень хорошо, по правде сказать мы и не были уверены, что ты выживешь, а тащить мертвый груз, сам понимаешь, каждая тяжесть на счету, — и спустя некоторое время добавил — Нам с Ахрасом еле удалось уговорить нашего хозяина взять тебя с собой. Ахрас мой друг, и если бы не его сокол, что кружил над тобой — мы так и прошли бы мимо.

Оставалось лишь смириться и ждать что будет, другого варианта пока не предвиделось, да и не было сил, чтобы предпринять что-то другое. По крайней мере я жив, а сейчас мне хотелось лишь пить и чтобы эта чертова качка прекратилась. Не помню сколько уже времени прошло, казалось это длилось бесконечно, иногда я проваливался в сон. И приходя в себя опять видел все тоже самое, также изредка доносились переговоры караванщиков между собой. Кажется день клонился к закату и действительно вскоре мы остановились на привал.

Кто-то очень сильный стащил меня с верблюда и посадил прислонив к дереву. Чешуйки пальмы с болью впившись в мое тело напомнили о его существовании, должно быть оно сплошь усыпано синяками и ссадинами. Этот кто-то отошел в сторонку, словно уступая место другому. Другой подошел и присел на корточки передо мной, я открыл глаза и увидел в полутора метрах от себя человека.

Добродушное и круглое лицо, в прищуренных глазах блестели лукавые огоньки. Широкая улыбка на гладко выбритом лице и шапочка, плотно облегающая макушку на его лысой голове, дополняли образ. Он был невысок, коренаст и плотен. Я бы сказал даже несколько полноват, что возможно характерно для его возраста, около сорока пяти — пятидесяти лет.

— Меня зовут Хэиб Баба, можно просто Хэиб, — представился толстяк, и затем кивнув в сторону продолжил — А это Ахрас, мой лучший друг, — фигура справа гыкнула при упоминании его имени — Мы и еще несколько парней являемся охранниками одного из купцов.

Ахрас представлял из себя огромного амбала с невероятно могучим телосложением, он стоял подперев пальму плечом и небрежно ковырялся острием кинжала под ногтями. Да уж, охрана каравана неплохая, если только не считать толстяка — что-то уж не очень он похож на бойца. Заметив мой взгляд, Ахрас расплылся детской наивной улыбкой, сквозь заросли густой темно-рыжей бороды и кивнул в знак приветствия. На плече у него сидела птица с шапкой на голове и резво крутила своим клювом из стороны в сторону. Должен сказать, что несмотря на простой вид, глаза у Ахраса оказались в чем то похожи на глаза хищной птицы, жесткие и пристальные.

— Мы с ним поручились за тебя, — снова привлек мое внимание Хэиб — Пока ты не поправишься, мы присмотрим за тобой, — он похлопал меня по плечу, знаком велел Ахрасу дать мне воды и ушел.

Вода из бурдюка показалась теплой, но тем не менее настолько желанной, что едва

влага коснулась моих иссохшихся губ, я стал жадно пить её не переставая. Она обжигала нутро и кажется я ощущал себя и хорошо и плохо одновременно. Своеобразная мучительная горечь огня и воды, с одновременными приступами тошноты, идущим из самых глубин моего желудка. Ахрас отнял бурдюк, давая знаками понять, что сразу много пить не стоит. Как видно он не мог говорить, может быть он немой, поскольку не сказал ни слова, а лишь объяснялся знаками. И еще у него не хватало одного верхнего зуба, от чего его улыбка выглядела еще более хищной.

Вокруг суетились люди, разгружали и распрягали верблюдов, разжигали костры и готовили места для ночлега. Кроме Хэиба и Ахраса я заметил ещё троих охранников, они стояли неподалеку от нас, зорко наблюдая вокруг. Стоянки на привалы это самые частые места для неожиданных нападений на караваны, подсказало воспоминанием мое альтер-эго, в теле которого я оказался.

Погонщики возвращали животных с водопоя, небольшого озерца в центре этой местности, которая располагалась в небольшой низине между песчаными барханами. Собственно лагерь и представлял собой небольшой оазис с пальмами и скудной зеленью вокруг воды. Защищённый от ветра со всех сторон, он давал возможность отдохнуть, изможденным за день путникам.

Один из людей выделялся тем, что всеми распоряжался и давал указания, видимо это и есть тот самый купец. Увидев меня в хорошем самочувствии, кажется он обрадовался и помахал мне рукой. Купец явно богат, одет в дорогой камзол и все пальцы в перстнях с драгоценными камнями. Но судя по презрительному и едва скрываемому взгляду Ахраса, он ему явно не нравился и его глаза выглядели ещё более колючими.

Вскоре Ахрас ушёл вслед за Хэибом, а я остался наедине со своими мыслями. Судя по всему они направляются в крупный город, а это может быть опасно, ведь если люди солтана ищут меня, то наверняка могут узнать при въезде через ворота.

Только сейчас я вспомнил, что отцовский шамшир скорее всего потерял при падении с обрыва. Так что, из ценного у меня теперь только фамильный перстень, который я успел спрятать в складках одежды.

Наконец вновь появился Хэиб, в руках он нёс тарелку с едой и сверток подмышкой.

— Тебе нужно поесть и набраться сил, — с этими словами он вручил мне тарелку с едой — Ведь не рассчитываешь же ты все время ехать на наших верблюдах? — спросил Хэиб усмехнувшись, затем положил рядом верблюжье одеяло и оставил меня одного.

Поев впервые за столь долгое время, я наконец почувствовал себя в безопасности и вскоре уснул, завернувшись в одеяло там же где и сидел. По ощущениям я проспал довольно долго, беспокойный сон повторялся одним и тем же сюжетом. Раз за разом возвращаясь к тому, как я убегаю от преследователей.

«Я все надеялся, что стоит мне только уснуть, как я смогу вернуться в свое тело на кровати. По крайней мере я успокаивал себя тем, что это всего лишь очень реалистичный сон, который мне снится и очень скоро я проснусь у себя дома.»

Глава 2 Таинственный всадник

«Но проснувшись и обнаружив, что я по прежнему нахожусь в пустыне среди караванщиков, следовало понять, что этот метод не работает. Не оставалось ничего другого, как действовать по сценарию этого очень реалистичного сна.»

Вокруг уже кипела жизнь, люди переговаривались у костров и варили кофе. Его аромат разносился по округе и придавал особую атмосферу утреннему холоду, висевшему над ещё не прогретой пустыней — солнце только начинало свой восход.

Кто-то у костра окликнул меня и помахал рукой, жестом приглашая присоединиться к ним — это был Хэиб. Всё ещё кутаясь в одеяло от холода я поплелся к ним. Мои ноги затекли и онемели, мышцы по всему телу отзывались болью при каждом шаге.

У огня сидели пять человек, Хэиб пригласил меня присоединиться к ним.

— Давай присаживайся, выпей с нами кофе и согрейся, — с этими словами он указал рядом собой и остальные также потеснились, уступая место вокруг горящего очага, — Нет ничего лучше, чем выпить чашечку горячего кофе, что бы вдохнуть жизнь в своё тело, — произнёс он наливая из кофейника с длинной деревянной ручкой. Всё засмеялись и некоторое время с интересом разглядывали меня.

Помимо известного мне Ахраса, наконец удалось разглядеть остальных охранников поближе. Трое напротив меня, все они одеты в тёмные бурнусы, а на головах повязаны тюрбаны тёмно-синего цвета. Помимо сабель по бокам, за поясами у них заткнуты кинжалы и ножи. Будь я разбойником, то только при одном их виде пустился бы наутёк — настолько грозно и сурово они выглядели.

У одного сразу бросался в глаза белый рубец на его лице, проходящий от лба наискосок через переносицу и заканчивающийся в районе правого уголка губ. Второй курил длинную трубку с маленькой чашой, и был поглощён этим занятием больше, чем всем остальным вокруг. И лишь изредка пускал слабые струйки дыма, разлетавшегося сладким пряным ароматом.

Третий же, всё что удалось увидеть из под зарослей волос на его лице — это маленькие сверкающие глаза, постоянно бегающие и скользящие взглядом в каком-то нервном возбуждении. Он то и дело сверлил своими глазами спину одного из людей, сидящих через несколько костров от нас. В группе таких же охранников, но нанятых на службу другому купцу. Холодный блеск ярости сверкал в его черных очах, явно выдавая недобрые намерения.

— Тебе повезло, — протянул мне чашку Хэиб, — я смотрю, твои ноги ещё не так послушны как хотелось бы. Мы в пути уже несколько недель и осталось еще столько же, — он указал в направлении стоянки выючных животных, вокруг которых уже суетились погонщики — У нас как раз освободился один из ослов, на котором мы везли припасы, можешь поехать на нём.

— А куда мы едем? — спросил я отхлёбывая горячую и горькую жидкость из чашки. Отвратительное и несладкое на вкус пойло разлилось теплом по внутренностям, наконец-то уняв дрожь и озноб в теле.

— В большой город Сукильнес, что на побережье моря Мальх, — ответил он внимательно посмотрев на меня, словно изучая мою реакцию на свои слова и огляделся на остальных. Они только усмехнулись, а затем Хэиб выждал паузу и спросил — Слышал о таком?

Я начал копаться в воспоминаниях моего нового тела и нашёл, что так далеко на запад я никогда не забирался. А судя по звездам, которые мне удалось разглядеть вчера вечером под пальмой, направлялись мы именно в ту сторону. Любой житель племени умеет ориентироваться по звёздам, ведь пустыня это всё равно как море. Разве что только наши «корабли пустыни», бороздящие просторы бескрайних песков, крикливы и пахнут не очень приятно.

— Нет, не знаю о таком, — ответил я.

— Ну это может быть и к лучшему, не самое хорошее место. Впрочем сам увидишь, — толстяк подмигнул мне и все засмеялись.

Вокруг многочисленных костерков, топливом для которых служили высушенные кизьяки животных — достаточных лишь для приготовления пищи, небольшими группами по четыре-семь человек сидели караванщики. Дрова перевозимые на мулах, я так понял берегли для вечерних посиделок. Каждая группа сидела отдельно — торговцы, охрана каравана и погонщики верблюдов.

Людей было довольно много, больше сотни или около того. У каждого торговца имелись свои собственные погонщики и охрана. А всяких животных — большим образом конечно верблюдов, коней и ослов в общей совокупности насчитывалось и того больше.

«Моя вторая личность в теле которой я очутился, была невероятно осведомлена обо всех порядках, местных нравах и обычаях. Что не удивительно, ведь он родился в племени Пустынников и его, то есть меня нынешнего звали — Асиф. Я оказался простым босоногим подростком, и в какие-то моменты я уже переставал разделять наши совместные мысли. Словно его и моя души сплавляются и трансформируются в одну цельную сверх-личность, обогащенную знаниями обоих тел.»

Мы шли по направлению называемой «Дорога Специй», берущей свое начало далеко в землях востока и заканчивающейся в областях именуемых «Руинами древних». В тех краях давно поселились потомки скотоводов, некогда пришедших туда с востока, а руины этих городов уже стояли там, полуразрушенные и опустевшие.

Покопавшись в одной из сумок Хэиб протянул мне горсть плодов финиковой пальмы. Их сахарный вкус отлично улащивал горький кофе и питал тело энергией, так необходимой в засушливых землях. При этом они долго хранились и весили немного, что позволяло брать их в большом количестве.

Затем он обратился к своему человеку:

— Ну что, тебе удалось сегодня ночью поговорить с ними? — очевидно имея ввиду кого-то из другого отряда охраны, — Ты говорил, что знаешь из какого они племени и что они легко согласятся встать на нашу сторону в случае чего?

Надо упомянуть, что здесь в караване, жителей племён было весьма много. Представители многочисленных родов и кланов, часто воюющие между собой, прекрасно уживались объединенные общим делом — охраной каравана. И торговцы охотно нанимали их в качестве проводников и охранников. Уж кому как не «дикарям» знать нравы и обычаи местных, ведь это их земли с рождения.

— Пусть только попробуют сунутся шакалы! — вдруг взвизгнув перебил его черноокий бородач, схватившись за рукоять кинжала, — Я их на лоскуты порежу и скормлю диким псам! — процедил он сквозь зубы, по прежнему бросая косые взгляды в сторону соседней группы.

— Тише, тише, — осадил его пыл Хэиб, — ты что хочешь развязать тут войну? Вот

доберемся куда надо, тогда и разберешься со своим кровником, — и озираясь по сторонам прошептал — Тем более он тебя не узнал. Мы еще не получили долю за свою работу, а из-за тебя всё может испортиться и Шерир тогда с тебя шкуру снимет.

Упоминание этого имени сразу же остудило гнев мстителя, он даже как-то переменялся в лице и лишь едва слышно прошипел: " Он мой, слышите, он только мой«.

— Они немного сомневаются, — вмешался с шрамом на лице, которому и был задан вопрос, — но на них можно положиться. К тому же я думаю Шерир их легко убедит, выбрать единственно правильную сторону.

Кто такой этот Шерир я не знал, но судя по всему эта пятёрка испытывала перед ним некий благовейный трепет и уважение граничащее со страхом. Возможно это тот самый богатый купец, с перстнями на каждом пальце, нанявший их для сопровождения своего груза. Никогда бы не подумал, что эти кочевники, с виду напоминающие бандитов с большой дороги, так боялись бы одного человека.

Помимо всех вышеперечисленных, с нами шли ещё несколько путешественников, не рисковавших ехать одни, а предпочитавшие присоединиться к каравану. Тем самым обезопасив себя от грабежа и насилия со стороны разбойничьих шаяк. Остерегавшихся нападать на многочисленные собрания вооруженных до зубов караванщиков.

Один из них высокий и широкоплечий, светловолосый человек с загорелым до красноты лицом. Такой загар бывает у людей от природы имеющих нежную кожу, генетически не приспособленную под сильные прямые лучи солнца. Загар был не просто красный, но и с вкраплениями тёмных пятен ожога на щеках и кончике носа. Такое характерно для людей долгое время пребывающих в высокогорных условиях, где ультрафиолет особенно беспощаден к эпидермису.

«Всё таки я любил читать про альпинистов и кое-что мне было известно из своей прошлой жизни. А вот мое альтер-эго ничего не знало про горы, так же как и я про пустыню.»

Одежда на путнике явно не местная и местами она уже поизносилась, говорящая о том, что странствует он уже давно. А вот головной убор у него как у здешних жителей: двух-трёхметровый отрезок ткани замотанный вокруг головы. Со свободно свисающими концами, которыми можно прикрыть лицо от солнца, колючего ветра и песчаных бурь.

Необычной была только его лошадь, никогда не видел таких, а уж в детстве Асиф их повидал и объездил немало. Она выше осла, но ниже местных лошадей из-за своих коротких ног, но могла идти и идти почти как верблюд. В караванах предпочитали больше верблюдов, чем лошадей, поскольку лошадь в пустыне животное ненадёжное. Она может идти ничем себя не выдавая, а затем упасть замертво и больше не встать.

В дальнейшем в последующих стоянках я замечал, как чужеземец то и дело доставал из своей сумки толстенную книгу и что-то подолгу в ней писал. Он особо ни с кем не общался, а всё больше слушал и наблюдал, присаживаясь к кострам погонщиков или охранников. Спал он отдельно от других в своём шатре.

К слову сказать, свои шатры были лишь у него, у торговцев и ещё у одного странника. Погонщики с охранниками же спали вповалку у костров или рядом со своими верблюдами, прислонившись к их тёплым бокам в холодную пустынную ночь.

Что касается второго путешественника, то он показался мне ещё более странным, чем первый. Нет, одежда на нём была полностью как у местных, и конь тоже. В его гардеробе присутствовала одна вещь привлекающая внимание — перо из хвоста диковинной птицы,

переливающейся всеми цветами радуги от отражённого света. Воткнутая в его головной убор спереди, она придавала ему вид какого-то сошедшего с ума учёного.

В отличие от первого странника, у которого из оружия я видел лишь один единственный нож, с причудливо изогнутым вперёд лезвием. То у этого старика я не заметил вообще никакого оружия. А это был самый настоящий старик, с очень тёмным цветом лица, сморщившимся от времени как изюм. Но он точно не принадлежал к народам «цвета мрака», чьи многочисленные племена жили к югу от этих мест в глубине материка.

Всё в нём казалось обычным, кроме одного — находясь рядом с ним я испытывал некоторый дискомфорт, который нельзя описать словами, как словно что-то отталкивало меня от него с каким-то внутренним приступом тошноты. Нет, от него не воняло как от стада немытых верблюдов, сконцентрированных в двухметровой человеческой оболочке из кожи и кости.

Тут загадка крылась в чём то другом, но в чём именно непонятно. Более того, кажется старик испытывал точно такие же ощущения от присутствия меня рядом с ним. И поэтому всё время пути мы старались держаться подальше друг от друга, кроме нескольких случаев о которых будет рассказано позже.

«Так проходили дни за днями, ничего особенного не происходило. Я уже все реже вспоминал о своем теле, которое я оставил на кровати дома. Теперь всё моё сознание и чувства сконцентрировались на моей новой личности и его теле. И должен сказать, что оно было в превосходной физической форме. Обладая такими мышцами и мускулами, я наверняка занимал бы первые места на соревнованиях, я уж не говорю про пятерки в журнале по физкультуре. А уж девчонки наверно, сходили бы с ума на зависть одноклассникам, увидев мою нынешнюю оболочку. Вот что значит здоровое питание, хорошая экология и физические нагрузки.»

Каждый день в караване стал похож на предыдущий: с раннего утра мы отправлялись в путь, в полдень в самый зной делали привал и пережидали под навесами пару часов, пока солнце перестанет сильно жарить. В это время кто-то дремал, другие пили зелёный чай с финиками и сухофруктами, а третьи курили или играли в шахматы.

А вечером уже становились лагерем, желательно у колодцев, разбивали шатры, готовили еду и общались наслаждаясь вечерней прохладой. Ведь днём особо некогда говорить, все идут строго друг за другом. Животные выстроившиеся цепочкой в одну линию и рядом с ними пешие погонщики. Впереди шли" корабли пустыни«, своими широкими копытами протаптывая тропу в девственно чистых песках, за ними проходили лошади, а замыкали караван ишаки и мулы.

«Немного расскажу поподробнее о колодцах. Крайне интересное архитектурное решение представлял из себя такого рода колодец. Снаружи он напоминал небольшой шатер, выполненный из камня, и имел несколько отверстий. Более половины колодца погружено в землю, а чтобы добраться до воды, приходится спускаться вниз по лестнице.

Благодаря специальной конструкции крыши и боковым отверстиям, через колодец постоянно циркулировал горячий пустынный воздух. Охлаждаясь внутри, он оседал на вогнутой поверхности крыши в виде конденсата и стекал в внутренний резервуар внизу. Дно которого было промазано глиной и в центре стоял большой камень округлой формы. Вот оттуда и черпали воду для себя и для нужд животных.

По крайней мере так мне рассказал мой новый друг Алиф, с которым мы познакомились в караване, он — погонщик верблюдов. Алиф невероятно много знал для его происхождения и

рода деятельности. Ведь он являлся сыном городских бедняков, который решил стать караванщиком. И наверно потому, что по своему уровню развития он сильно отличался от других, мы с ним смогли найти общий язык. Меня звали Асиф, а его Алиф, должно быть здесь у местных распространены такого рода похожие имена.»

И вот в один из ничем не примечательных дней, когда караван шёл как обычно, а вот доверенный мне ослик шел не совсем обычно. Что-то с ним случилось, может съел колючку какую или просто устал. А возможно сыграла роль упрямство, так свойственная его роду в целом. Но периодически он просто отказывался идти, стоял и не двигался.

«Никак решив воздвигнуть памятник себе нерукотворный, возвышаясь в песках благородно, вспомнились мне строчки из уроков школьной литературы.»

— Ну же скотина глупая, — я тщетно бил его пятками по округлым бокам, — Вот сейчас мы с тобой отстанем, ветер заметёт следы и тогда точно скормлю тебя гиенам — возмутился я, но осёл был твёрд и непоколебим как гора.

Тогда мне пришлось слезть с него и я попытался тащить его за поводья, но увы, весовые категории оказались слишком не равны. Тот самый случай когда Макомбет идёт к горе, а не гора к нему или как-то так. А караван всё проходил мимо, вот уже прошли последние выючные сородичи нашего гордого упряма, а он даже не пытался последовать их примеру.

В конце концов обессилев утянуть осла или хотя бы сдвинуть его с места я досадно плюнул:

— Тьфу на тебя упрямое животное! — я развернулся и пошёл пешком следом за караваном.

— Ииаа! Ииаа! — прозвучало сзади.

Хорошо что день уже на исходе и солнце вскоре должно закатиться за горизонт. Значит караван вскоре остановится на ночлег, а к этому времени я доберусь до них. Лишь бы ветер не замёл следы окончательно. Идти по песку долгое время оказалось довольно тяжело, ноги утопали и вязли в этой сыпучей субстанции. Ритм был задан в стиле два шага вперед — один назад, и это меня чрезвычайно утомляло.

Когда уже отошёл от осла на некоторое расстояние я обернулся, что бы посмотреть, не оглянулся ли он... Тьфу, я всего лишь хотел узнать — что же делает мой «скороход». Моему удивлению не было предела — это наглое животное не спеша, прогулочным шагом, точно ступая по моим следам шло за мной. Но как только заметил, что я смотрю на него, тут же встал как вкопанный. Словно это не он только что шагал, посвистывая в свой длинный ослиный ус.

Стоило мне возобновить продвижение вперёд, он ничуть не стыдясь, продолжил искусно притворяться моей тенью. Это я понял, когда вновь резко обернулся, а вот он не успел среагировать столь быстро. А лишь виновато махал своими длинными ушами, изображая смертельно уставший вид. Ладно, идти обратно и пытаться снова влезть на него у меня нет ни желания ни сил. Так и продолжим идти на дистанции, вежливо удерживаемой ослом, что бы я не кинул в него камнем, если бы он только оказался у меня под рукой.

След каравана петлял и уходил теряясь на вершине бархана, идти вверх по сыпучему песку очень тяжело, но выбора у меня нет. И вот пока я обливаясь потом, на четырёх конечностях доползал до вершины бархана, мне привиделось нечто. То что заставило меня пригнуться и лечь вжавшись в песок. Осторожно приподняв голову я выглянув из-за песка и моему взору предстала следующая картина.

Всадник на соседней вершине, остановившийся прямо на следах, оставленных

прошедшим караваном.

Он стоял в пол-оборота спиной ко мне, но меня он не видел. В его руке поблёскивал некий округлый предмет — отражавшийся в лучах предзакатного солнца. Он явно посылал кому-то сигнал. Проследив за воображаемой траекторией пускаемых им лучей, я увидел вдалеке на вершине остаточной горы, едва различимую фигуру на лошади.

Она также просигналила ему в ответ блеском зеркала и исчезла.

Глава 3 Ловец Магов

Ветер, сильный ветер заглушал звуки своим завыванием, но зато отлично доносил запахи до чутких ноздрей Азара. Он рывками взъерошивал его длинную шерсть и дальше, как бы нехотя отрываясь от него, пронесился вглубь пещеры перед которой тот лежал.

Холодный и пронизывающий до костей ветер, но Азару было все равно, ведь его предки поколениями жили в этих высоких и суровых горных краях. Лохматый мех Азара с густым подшерстком, говорил лишь об одном — холод ему нипочем, здесь выживают лишь сильнейшие и наиболее приспособленные.

Азар лежал неподвижно, положив свою по медвежьей массивную голову на не менее мощные передние лапы. Он сэкономил силы, лежал или спал большую часть дня, ведь добыть пропитание здесь трудно, поэтому нечего тратить энергию на пустую беготню и лай. Неискушенный обыватель впервые увидев его огромную квадратную голову с мощными челюстями, на первый взгляд действительно мог бы принять его за медведя, особенно в сумеречное время, если бы не его тёмно-серый окрас с подпалинами белого цвета.

Горный мастиф — одна из древнейших пород собак, бок о бок шагающая с людьми вот уже на протяжении многих веков. Но всё ещё недоступная многим простолюдинам, являясь роскошью лишь для царей, воинов и диких степняков.

Даже горные волки не смогли бы с ним справиться, не только потому, что он им не уступал по силе и ловкости. Но и потому что по своей психике и повадкам он ничуть не был хуже своих серых собратьев, хоть он и напоминал их отдаленно своим видом. И разорвал бы любого из них, кто посмел бы приблизиться к человеческому жилищу, несмотря на дальнейшее родство между ними. Собственно говоря чародеи прошлого, ради этого и выводили их породу, путем генетических мутаций и подбором лучших комбинаций.

Здесь находилась его родина, если бы он только знал, насколько далеко уйдет со временем его популяция, за пределы этого закрытого от всех мира, то наверняка его взяла бы гордость. Если вообще можно применить этот термин к собаке, пусть умной и независимой даже больше, чем некоторые дети Уз-каанов из местных долин.

Он вырос здесь на Снежных Вершинах — когда то бывших земной обителью Богов, названных Крышей всего мира. В тех местах, где спаслись многие люди во время Потопа, найдя приют на этих крутых склонах гор. И они всё ещё оставались дикими и неприступными для многих искателей приключений.

Азар лишь иногда недовольно ворчал ощущая, когда хозяин время от времени подключался к нему, для контроля ситуации и наблюдения за миром через его глаза. Впрочем к этому он привык еще будучи щенком и позволял делать это только своему хозяину. Через оборону его психики мог пройти лишь тот, кому он полностью и безоговорочно доверял.

Такую связь можно наработать не позднее двух появлений Ю-Ла на ночном небе, после рождения щенка и отнимания его от матери. Преданный только одному хозяину, ко всем остальным он испытывал непримиримую агрессию и злобу.

Улуун Сагкх сидел в глубине пещеры, в темноте и относительном тепле. Его закаленное тело в медитации не испытывало какого либо дискомфорта. Он никогда не спал, медитация заменяла ему полноценный отдых. Улуун любил пещеры, здесь всегда тихо, лишь капли мерно падают на каменный пол. Они капают уже сотню лет, а может миллионы, с тех пор

как здесь в долине внизу плескались волны древнего моря.

О древнем море здесь напоминают аммониты — старейшие из морских обитателей. Их окаменелые отпечатки в камнях во множестве находят местные жители и с радостью продают пилигримам и путешественникам. Впрочем и тех и других здесь бывает мало. Запрет соблюдающийся еще со времен Небесного Императора — этот край закрыт для большинства чужеземцев, кроме небольших партий торговцев, одобренных шаманами стоящих во главе кланов.

Этому также способствовали неприступные горы, стремящиеся снежными вершинами ввысь, порой выше облаков. Где уже не способно выжить ни что — ни растение, ни человек. Голые скалы и ослепительная белизна снега, завивающаяся в снежные буруны и иногда сметающая все на своем пути в оглушительном громе лавины. Там живут Боги, по крайней мере так говорят местные жители, никто не рискует туда подниматься, а кто осмелится обычно уже не возвращается. Даже за попытку сделать это наказание — смертная казнь.

Фактически местное население, состоящее преимущественно из неграмотных и диких пастухов, низведенных до полу-рабского состояния, управляемые династиями шаманов и колдунов. Здесь всё подчиняется их воле, ибо они отмечены Духами, а Духи здесь везде, где как не в такой глуши им жить. Но даже шаманы боятся тех, кто живет выше — Высших Неизвестных, проживающих в одном из горных строений на Верхнем плато — известным среди аборигенов как Черный монастырь.

Лишь только единицам дозволено контактировать с обитателями этого мрачного здания, регулярно приносить дань в виде провизии, а также молодых людей по их выбору. Неизвестно, что затем происходит с ними, ведь эти юноши больше никогда не возвращаются. По легендам Черный монастырь существовал еще до Потопа, сложенный из массивных блоков в сотни тонн идеально подогнанных друг под друга. Да так что нет никакой возможности просунуть между ними даже лезвие кинжала из стали Адамассов (первых предков людей)

И уже в те времена жители Черного монастыря правили железной рукой, строго карая непокорных и своевольных. Нет, им не нужна армия для этого, достаточно наслать на несчастных бурю или дождь из лягушек в качестве шутки, для демонстрации своей мощи презренным и суеверным людишкам. Тот кому не положено, никогда не дойдет до них — заблудится в горах, замерзнет в пургу или попадет под лавину.

По словам старожилков они определенно похожи на людей, или когда то принадлежали к их роду. Ходит молва, что это черные маги, культ пожирателей мертвых, иначе зачем бы они требовали к себе всех почивших из нижних долин. Но впрочем это лишь догадки тёмных и суеверных жителей долины, также и раньше особо не отличавшихся критическим мышлением.

Дикий первобытный страх охватывает всех кто пытается приблизиться к Верхнему плато. Жители долин до того запуганы странными и ужасными звуками, ревом доносящихся до них оттуда. Что больше предпочитают думать, будто ничего такого не существует в их реальности. И так было всегда, при их отцах, дедах и прадедах. Они даже в какой-то мере воспринимали это как само собой разумеющееся и неизбежное. Наивно полагали, что если представить, будто этого нет, то это не представляет для них угрозы. Как если бы ребёнок испугавшись шорохов в темноте, накрылся ячьим одеялом с головой и возомнил бы это подходящим укрытием от ночных монстров.

Опасность представляли не столько, вселяющие ужас обитатели монастыря, сколько деградировавшие полу-люди, населяющие все подступы к зловещему плато. Вся система пещер и гротов оказалась заселена ими, темными ночами выходящими из своих убежищ. И горе тому путнику, случайно оказавшегося в их владениях, в столь неподходящее время суток.

Особенно они любят похищать молодых девушек, врываясь под покровом ночи в селения. Их описывают как великого роста существ покрытых шерстью буро-рыжего цвета. С лицами, если это можно назвать так — смесь обезьяны и медведя, глаза пристальные и гипнотизирующие. Отчаянные смельчаки много раз отправлялись на поиски, по огромным следам на снегу, надеясь спасти своих родных. При сравнении, следы оказывались в два-три раза больше, чем стопы самих жителей. Но каждый раз они либо возвращались ни с чем, либо навсегда оставались внутри бесчисленных сетей туннелей уходящих в глубь земли.

Поговаривали об одном, теперь уже немолодом человеке, которому удалось как-то выбраться из этих пещер. Но кажется он выжил из ума и сторонится всякого, кто попытается подойти к нему. Его седые косматые волосы и безумные глаза, нередко пугали молоденьких девушек, при пересечении их путей. Когда те поднимались к кристально чистым ручьям за водой, стекающей с тающих ледяных вершин.

По легендам когда-то эти пещерные твари были людьми, но какая-то катастрофа в далёком прошлом, вынудила их уйти внутрь гор. Спрятаться в глубинах, где они постепенно потеряли свой человеческий облик. Всё это происходило в ходе многолетней деградации, вдали от очагов цивилизации, где на всю округу ни единой живой души. Если не считать Черных монахов с плато, чьи лица закрыты шелковыми масками. Поговаривали даже, что жители Чёрного монастыря, удалось подчинить себе их звериную натуру и заставить охранять территории плато от не прошенных гостей.

Но Улуун Сагкх их не боялся. Не потому, что он такой превосходный боец и мог одолеть в одиночку дюжину обычных крестьян или разбойников. Или из-за того, что в ходе длительных тренировок с самого детства, его слух обострился настолько, что легко мог услышать капли воды. Тихо ниспадающие с потолка пещеры в нескольких десятках метров от него. Нет, он не боялся их потому, что на нём была особая защита. Не то что бы это какая-то броня или одежда, а всего лишь просто рисунок. Невидимый физическому зрению узор, энергетическая сиггила. Наносимая некоторым ученикам Ордена Равновесия, воспитываемых в школах расположенных в труднодоступных и закрытых от посторонних глаз местах.

Таких как Улуун немного, можно сказать, что он уникальный специалист в своем деле. И такие защитные сиггилы Мастера наносили не на всех. А только тем Адептам, работа которых проходила в зонах обитания одичавших и от того опасных и злобных существ. Которые своим неким звериным чутьем считывали энергетический отпечаток и сторонились незнакомца с собакой. Как если бы им явился сам Небесный Император в своем самом ужасном облики.

Но несмотря на свободу передвижения, для Адептов тоже существовали запреты, и это опять же касалось Черного Монастыря. Улуун Сагкху лишь один раз удалось увидеть его смутные очертания, во время своих странствий, оказавшись на вершине одной из гор. Тогда он как-раз преследовал одного из магических ренегатов-отступников. Все скрылось из виду за густым туманом за какие-то мгновения, словно какая-то нечеловеческая сила не хотела, обнаружения окруженного тайнами строения.

Сейчас же он отдыхал от своих обязанностей Магического Ловчего. Именно так официально называлось его ремесло. По бумажной бюрократии она конечно именовалась не иначе как «Хранитель Стабильности и Баланса Магических Сил Священного Ордена Равновесия». Написанная на клочке бумаги, выдающейся после окончания школы, теперь же она представляла собой жалкую замусоленную тряпку. И разобрать, а тем более прочесть что-то из длинного списка слов, для постороннего человека представлялось невозможным.

Но он всегда мог продублировать их любому желающему, правда желающих было крайне мало, и высокая смертность среди них этому не способствовало. Ведь его появление перед ними означало лишь одно, баланс нарушен, а значит кара неизбежна. Конечно, он не всегда применял столь радикальные меры, но как показывала практика, договориться миром со своими «Заказами» ему удавалось крайне редко. Заказом в Ордена Равновесия называли всех тех людей и нелюдей, кто нарушал Законы Ордена, применяя энтропийную магию, запрещенную на Снежных Вершинах и близлежащих землях.

Он всегда удивлялся тому, что даже в такой магической конторе как у них, без бумажки ты букашка. Хотя никто из Ордена Равновесия не посмел бы его так назвать и вообще он стоял на хорошем счету у Мастеров. И ему часто поручали самые ответственные и опасные задания, сложностью отпугивающая многих его коллег. Стоит ли говорить, что за потерю этой бумажки его могли изгнать из Ордена Равновесия. И он мог пополнить ряды тех самых ренегатов, на которых ему иногда давали Заказы.

Ведь даже Послушник из школы, в которой он учился с малых лет, обязан заниматься крайне унижительной и трудной работой, вроде подметания внутренних дворов и работы на кухне. Послушник, конечно, мог усесться в деревянном кресле и потягивая горячий чай со специями, телекинезом управлять метлой, чтобы она мела пол за место него. Но каждый ученик школы знал, что до тех пор, пока Мастера не одобряют и не пронаблюдают внутреннюю дисциплину своих учеников, им не дадут добро и не выдадут лицензию на магию.

Глава 4 Заговор неизвестных

Солнце уже село и взошла луна, жаркий воздух постепенно остыл сменяясь прохладой. Найти тропу при лунном свете не представляло трудности и вскоре я дошёл до ночного лагеря.

— Стой, кто идёт? — окликнула тёмная фигура на посту.

Один из дозорных, которых еженочно выставляли по периметру. Те же охранники из разных отрядов, сменявшихся между собой в течение ночи.

— Это я, Асиф. Тот самый, которого нашли возле пути караванщиков.

— Ладно, проходи малец. Будешь так отставать, мы тебя ждать не будем.

Мне хотелось скорее предупредить людей в караване, но рассказывать о том, что я видел первому встречному глупо. Ведь я не знал, кем на самом деле являлся тот всадник. Единственный человек которому я здесь доверяю это Хэиб. Следовало разыскать его и всё ему рассказать, чем быстрее тем лучше. Мне удалось найти его людей возле костра, но сам он отсутствовал. По их указке я нашёл его неподалеку, он расположился в дозоре, на вершине бархана в другом конце стоянки.

— Хэиб, у меня есть что для тебя сказать, — начал я спешно, не зная с чего начать, — Вначале я сомневался, но кажется здесь, в караване, кто-то не тот за кого себя выдает. По вечерам он подает сигналы разбойничьей шайке.

И я ему рассказал всё про свои вечерние злоключения с ослом и таинственным всадником.

Лицо Хэйба под лунным светом, до того бывшее внимательным, вдруг преобразилось, видно что он весьма удивился.

— Как думаешь ещё кто-нибудь видел его, можешь опознать его? — его напряженное лицо выдавало тревожность внутри.

— Нет, только я видел, — ответил я, пытаюсь вспомнить видел ли кто-то еще.

— Хорошо, я и Ахрас будем начеку, — оглянувшись назад он вздохнул, — Только разбойников нам не хватало. Ладно будь осторожен и не говори больше никому об этом. Кто знает может быть он не один. Ты же не хочешь, чтобы они прознали об этом. Вот будет неожиданность для них. А ты пока постарайся заметить, нет ли еще кого-то подозрительного. Ты молодой, внимательный и смелый, не зря мы тебя тогда спасли. А пока сбегай к костру к моим людям и скажи тому со шрамом, что бы быстро шёл ко мне.

Сделав всё как он просил я пошёл к стойбищу животных. Как я и ожидал ослик уже давно пришёл к тому месту, где погонщики оставили вьючных животных и шатался в поисках еды. У меня в кармане всё ещё оставались финики.

— Если бы не ты, мы бы и не узнали, что среди нас есть предатель, — я ласково потрепал его по голове.

Он лишь молча шевелил губами подбирая еду у меня с ладоней. Иногда несчастье может оказаться счастьем, никогда не знаешь как всё обернется.

Привязав его я почувствовал, что очень устал за день и несмотря на всё ещё возбужденное состояние, сон одолевал меня всё сильнее и сильнее. Поэтому расположившись тут же неподалеку, я закутался в одеяло с намерением хоть немного поспать.

Как же ночью здесь холодно, даже не верится, что днем тут может быть такая жара.

Топливо для костров тут в дефиците и не всегда вокруг них есть место. Погонщики же часто спят возле своих животных, во-первых теплее, а во-вторых в случае какой-либо опасности можно быстро оседлать животных. Верблюды шумно жуют и фыркают, надрывно режут, но тем не менее прижавшись к ним тепло. Если бы они еще не орали с самого утра и не воняли как, орошённые выделениями стада брачующихся котов.

Но впрочем к запаху я привык, за день на жаре от меня самого пахло не лучше, а оазисы для купания встречались не так часто. Воды же в тех крытых колодцах, едва хватало на восполнение собственных запасов и на то, чтобы напоить животных.

«Каждый вечер перед сном ко мне приходили воспоминания моего альтер-эго. События из его жизни, происходившие до слияния наших с ним личностей.»

Племена Пустынников, несмотря на свою прежнюю жизнь в городах, уже не представляли её по иному и недолго любили горожан. Особенно тех, которые появились там несколько поколений назад, заменив собой почти всех прежних жителей. Как оказалось в жизни, изгнанных из городов жителей, возникли даже свои плюсы.

В племени ценили дух свободы, ветер пустынь и звездное небо. И они никак не понимали, как добровольно можно поменять это на жизнь в одном и том же месте, занимаясь нелепыми делами и имея над собой десятки повелителей. Чья воля и указ безоговорочны, а если ты не подчинишься им, то лишат той самой мнимой свободы или даже жизни.

Всё необходимое в племенах добывали в доблестной битве — богатства, оружие, женщин. Они жили вольной жизнью и не признавали никого над собой, никакого владыки или царя. И за этот дух свободы прозвали себя «Амануз» — «Свободный мужчина».

Теперь они не подчинялись никому, как в прежние времена, в их прошлой жизни в городах, со своими же правителями из «благородных». Которых теперь почти не осталось на высших городских постах. А те что есть, не смеют идти против воли новых господ захватчиков.

В городах жителей пустынь считали изгоями, а они наоборот, считали себя вольными и делали что пожелают. И всячески презирали любую работу на земле и торговлю, предпочитая им — набеги и разбой, по крайней мере в более ранние времена. А сейчас Пустынники пасли скот и нанимались проводниками и охраной в караваны. Зачастую оружие обвешанное на «Амануз» являлось едва ли не главным его богатством, если не считать коней и стада верблюдов.

Со стороны властей притеснений больше не предвиделось, набеги кочевников их изрядно утомили. Со времен их последнего противостояния, между ними худо-бедно держался мир и пока обе стороны видели в этом свой интерес.

«Над головой звездное небо рассыпалось мириадами осколков драгоценных алмазов. Кажется я всю жизнь жил так и уже совсем не вспоминал о той жизни школьника, провалившего экзамене по истории. Сейчас моя жизнь гораздо интереснее, чем скучные уроки и нудный бубнёж учителей каждый день.»

Легкий ветерок нежно обдувало лицо и волосы, принося с собой воздух полный приключений и странствий. И я даже не заметил, как вновь провалился в объятия сна.

Кто-то хлопает по плечу, пора уже вставать, а ведь казалось бы я только глаза закрыл. Это Алиф, значит я уснул рядом с его верблюдом Амином. Непонятно только, зачем он дал имя своему верблюду. Но в пустыне от этого животного зависит многое, дойдет ли караван

до следующего оазиса или сгинет в песках. К тому же верблюды стоили дорого, к тому же Амин был куплен Алифом на его личные деньги. И разумеется он им дорожил, холил и лелеял, возлагая на него все свои надежды.

Не каждые торговцы везут грузы из конца в конец на одних и тех же животных, бывает выгоднее нанять их в промежуточных караван-сараях. Где они перегружали свои грузы на свежих и отдохнувших верблюдов. Или же продавали товары и возвращались обратно, курсируя по одному отрезку пути туда-сюда. Ну а для многих погонщиков как Алиф, такая схема являлась прекрасным способом заработать денег. У кого-то имелись десятки животных, позволявших безбедно жить, на доходы получаемые с аренды.

Но все начинали с малого, как любил поговаривать мой новоприобретенный друг. У Алифа была мечта обзавестись несколькими десятками выючных дромадеров. Нанять погонщиков и жить припеваючи, женившись на своей любимой невестке. Но для осуществления своего плана ему требовалась значительная сумма денег. Никто не собирался выдавать её замуж за бедняка с городских трущоб. И это его весьма огорчало.

— Асиф, вставай, лежебока, — он всё ещё тормозил меня, ругая сквозь улыбку на его смуглом лице.

— На вот, возьми позавтракай, — с этими словами он протянул мне сверток с завёрнутым в него черствым хлебом и куском козьего сыра — Пока ты спал все уже поели. А так как ты свалился на нас неожиданно, на тебя никто еды не запас и кормить особо не будут, иначе им самим не хватит.

— Благодарю тебя, что поделился со мной своими припасами, — смущенно пробормотал я — Мне нечем тебе отплатить, кроме своей благодарности, но клянусь звездами на небе я не забуду твоей доброты и непременно постараюсь воздать за твое милосердие.

«Должен признать моё альтер-эго обладало врожденным чувством чести и справедливости, воспитанного и впитанного им с молоком матери.»

— Благодарить будешь потом, — с серьезным лицом сказал Алиф, и чуть подумав добавил — К тому же, здесь не все так добры как я. Ближайший город в который мы идем имеет дурную славу, там торгуют рабами и невольниками. Смотри в оба, что бы кто-то их здешних не посягнул на твою свободу, позарившись на звонкую монету. Особенно не доверяй старому вожатому каравана. Неспроста же он так быстро согласился взять тебя с нами, несмотря на дополнительные расходы на твое пропитание.

— Почему ты так считаешь? — спросил я его.

— Я люблю перед сном уходить в пустыню, посидеть в тишине и поразмышлять, — признался Алиф, — И вчера возвращаясь обратно, я случайно подслушал чей-то разговор.

Что нас объединяло так это то, что мы оба любили побыть в уединении. Смотреть на звезды, слушать ветер и наслаждаться, всем тем невообразимо прекрасным, что может дать мир вокруг, не требуя ничего взамен. В этом Алиф походил больше на «Аманузов» из племен, чем на городских жителей, для которых всё вышперечисленное считалось чуждым. Не был он только суеверным и не верил ни в какое колдовство и духов, в которых души не чаял любой житель племени, всегда знавший сотню историй связанных с ними.

— Ну так вот, — он поднял указательный палец, — сейчас я тебе расскажу дословно, что мне удалось подслушать.

И буквально поведал слово в слов всё то, что он услышал:

Всё испортит, догадаается, — произнес протяжный старческий голос, противно

режущий слух какими-то скрипучими нотками.

— Возьмем его с собой пока, а там видно будет, — предложил второй.

Наступила пауза, казалось заговорщики пребывали в раздумьях. Затем первый, которого Алиф про себя обозначил как «скрипучая дверь» продолжил:

— А чтоо еслии егоо тогоо, — судя по всему он изобразил какой-то немой жест, — Никтоо и нее подумает на наас.

— Н-н-еаа, н-н-н-е, не-анее, н-н-е, — подключился уже третий неизвестный. Похоже на то, что речь давалась ему с трудом, как если бы он являлся больным или умственно отсталым.

Алиф раньше встречал такое, в соседнем доме жил такой мальчик. Все над ним смеялись кроме Алифа, ему это казалось странным, но не смешным. Ведь раньше этот мальчик жил как все. А потом, когда ночью на окраине города увидел трёх чёрных собак погнавшихся за ним, от испуга стал также странно говорить.

— Я позабочусь об этом, — уверительным тоном прошептал второй.

— Лаадноо, у тебя неемногоо времении для этогоо, — неохотно согласился «скрипучая дверь», — Тссс! Тиохоо. Пошлии ужее.

И вся троица удалилась в направлении к лагерю, где сидели или спали остальные расположившись у костра.

С этими словами Алиф закончил свой рассказ о подслушанном разговоре.

— Вот поэтому я и думаю, — он продолжил многозначительно нахмутив брови, — что речь шла именно о тебе.

Мне от этих слов стало не по себе, а что если вчерашний разговор, подслушанный Алифом, действительно про меня. Но тут много разного народа, и все немолодые кроме некоторых мальчишек погонщиков. А всего в караване более сотни человек. Учитывая что они почти весь путь молчат и говорят лишь на привалах, мой новый друг вряд ли мог бы опознать владельцев этих голосов.

Алиф вновь обратился ко мне, пока закреплял тюки и поклажу на лежащего верблюда, когда я уже уплетал последние куски хлеба и сыра.

— Напейся воды у колодца и с собой возьми сколько сможешь, дальше колодцев не будет. По крайней мере кроме засохших или тех, в которых давно обитают Джинны. А к ним мы не подойдем, даже если будем умирать от жажды, ибо они нечестивы и грех иметь с ними дело. Потеряешь не только жизнь но и душу, так говорят караванщики. Но я в это не верю и тебе не советую.

Погонщики вокруг только начали седлать и навьючивать своих верблюдов, а стало быть и разговора нашего не слышали, но поглядывали на нас настороженно, мол, чего они тут шепчутся. Что бы как то увести разговор в другое русло я нарочито громко спросил.

— А разве ты не боишься звуков, издаваемых демонами по ночам? — я начал разговор на тему типичную для суеверных жителей пустынь.

— Ха! Вы жители племен верите во всякую чушь, — усмехнулся Алиф, с ловкостью оседлав Амина и ласково похлопав его по шее, — Мы в городах намного больше вас знаем и я слышал от одного ай-муалима, а он знатный и учёный человек в своих кругах. Ты уж поверь мне. Он сказал, что никакие это не демоны, а всего лишь песок, ссыпаящийся с вершин барханов и от этого слышится такой звук.

Хоть меня и задело немного такое высокомерное отношение Алифа к жителям племен. Но я не стал ему говорить, что не всегда являлся, тем за кого он меня принимает. Молчать о

моей родословной было лучшей идеей, даже в разговоре с таким другом как Алиф.

Такая скрытность повелась с тех пор, как моя мать и я сбежали в пустыню, ещё в дни мои совсем юных лет. Племя Пустынников главой которых являлась женщина — приютило нас с ней. Мой отец происходил из этих краев, но в очень молодые годы уехал в чужие земли, где нанялся на службу к одному знатному господину.

И за исключительные навыки владения мечом, его перекупили к себе вербовщики из личной гвардии императора. Мать моя принадлежала к знатному роду, из страны на Востоке от «Рукотворных гор». Там же они и познакомились с отцом, где он служил наёмным телохранителем.

От матери мне достались изумрудно-зелёные глаза и мирный нрав. Чего совершенно нельзя было сказать о моём отце, что в конце концов и явилось причиной его гибели.

Возвращаясь же к племенам, то главными вопросами семьи и быта занимались женщины, на них же лежала ответственность за принятие решений внутри рода. Авторитет их был продиктован, прежде всего наличием мистических способностей провидения и ворожбы, а также общения с духами и демонами.

А мужчины занимались скотоводством и войной. Особо на этом поприще приуспели кланы «синелицых», из которых и происходил родом мой отец. А уж молва о «синелицых», как о самых воинственных и храбрых жителях пустыни, разносилась от самых берегов «Большой воды» и до «Рукотворных гор» на той стороне, где восходит Солнце. Но в последние десятилетия «синелицые» объявлены вне закона и численность их близка к нулю.

Поэтому мне следовало помалкивать о своем происхождении для своего же блага. Собственно говоря, по этой причине я и оказался на дне обрыва, в обнимку со стражником солтана. В ходе борьбы мы сорвались вниз и я упал на него, отделавшись лишь сильным ударом и большой шишкой на голове.

Я уже не стал говорить, что жители племен бледнолицы и светлоглазы, а люди из родов к которым принадлежал Алиф смуглы и темноглазы. А это что-то да значит в вопросах происхождения и ему ли зазнаваться. Они превосходные торговцы, но воины из них совсем никудышные.

Что бы немного умерить его высокомерность, я решил подшутить над ним и разрядить напряжение от тягостных мыслей, а также успокоить излишнюю подозрительность погонщиков, всё ещё косо поглядывающих на нас:

— Ты так заботишься о своём верблюде, думая, что он поможет тебе разбогатеть, сыграть свадьбу и жениться на своей невесте? — спросил я шутливо — Я слышал люди из вашего народа больше «любят» ослов, а я то думал вчера, почему мой осёл не хочет идти, — разразился я хохотом, — Ха-хах-ха-ха, он наверняка знал, что тут его ждёшь ты со спущенными штанами.

— Да иди ты ко всем демонам пустыни! — гневно процедил Алиф, — Я тебе ещё припомню твою шутку, — и подмигнул обозначая, что он понял мой обманный трюк.

Погонщики вокруг засмеялись и расслабились.

Но только не я, у меня все не уходил из головы разговор подслушанный Алифом. Идти мне всё равно некуда, кто знает, ведь люди солтана могут быть рядом, здесь же уже как-то безопаснее. Как только будет виден город уж я как-нибудь убегу, невежливо, конечно, получится. Ну правда кому есть дело до какого-то мальчишки, и кто будет с ним так возиться, если за этим нет какой-либо выгоды.

Так прошёл день в пути, я был весь во внимании и начеку. Особенно же приглядываясь

к конным всадникам, но как бы не старался, я не заметил ничего подозрительного. Так и не распознав в ком-либо вчерашнюю фигуру с зеркалом.

Глава 5 Проблемы господ

— Скажите мне капитан, можно ли ему доверять? — статный худой мужчина в дорогих одеждах, нервно теребил свой рукав.

По всему его виду можно было предположить, что человек он непростой и наделённый большой властью. Огромные перстни с драгоценными камнями украшали тонкие изящные пальцы. Настоящий аристократ, чьё белое лицо с острой бородкой, редко опалялось солнцем, так богато одаривающее здешний край своими лучами.

— О великий визирь Адил, наши разведчики докладывают, что на много дней пути вокруг, не сыскать кого-либо, кто лучше всего подходит для этого дела, — ответил приземистый коренастый мужчина с фигурой крепкой как скала и объёмной как бочка.

Смольного цвета усы круто закрученные вверх, шевелились при каждом слове так же как и сабля, которую он придерживал левой рукой, в попытках унять предательскую дрожь своих конечностей.

Шем — капитан тайной разведки Солтана. Визирь совсем недавно поручил ему одно крайне деликатное и щепетильное дело. И от его же расторопности зависело его будущее под крылом нового правителя. Поэтому он изрядно нервничал и готовился рыть землю ради исполнения приказа.

— Ну что же, раз вы уверены, то я ожидаю, когда его приведут ко мне, — холодным тоном, едва слышно произнёс Адил и даже не посмотрел на капитана, — И ещё, позаботьтесь о переводчике, я хочу знать всё, что скажет наш гость.

Вообще Адил давно понял, если необходимо привлечь внимание собеседника, надо говорить как можно тише. А то ведь если не расслышал и не исполнил, то голова с плеч, а переспрашивать первого советника каждый раз желающих нет. К тому же стены имеют уши, об этом никогда не стоит забывать.

— Великий визирь, слушаю и повинуюсь! — прогремел капитан краснея от усердия.

— Тише. Капитан тише, — поморщился первый советник, — Вы же знаете об этом не должна знать ни одна живая душа. Всё это только между нами, — визирь взгляделся в глаза капитана, пытаясь понять верен ли он ему, а затем небрежно махнул рукой, — Всё. Идите. Ещё до заката он должен быть здесь.

Капитан Шем молча кивнул, развернулся и вышел.

Адил подошёл к окну и посмотрел на просыпающийся город. Между рядами глиняных домов мелькали факелы стражи. Они врываются в каждый дом и выволакивали оттуда каждого жителя: мужчин, женщин, стариков и детей. Особо никто не сопротивлялся, лишь редкие смельчаки пытались что-то возразить. Но получив ощутимый удар в зубы рукоятью сабли, тут же присоединялись к остальным. Все в общем то уже привыкли к такому положению дел в государстве.

Только в это утро стража лютовала особенно сильно и рьяно. И у них существовала весома причина для таких стараний. Они опасались за целостность своих голов, всё же по их вине сегодня свершилось преступление. Они упустили убийц, тех самых персон, так искусно лишивших жизни их правителя прошедшей ночью.

Но сей факт им был не известен, об этом знали лишь несколько человек — сам визирь, капитан тайной разведки и личный телохранитель визиря под именем Ари'с. Те слуги, что нашли бездыханное тело их бывшего повелителя, скоростижно присоединились к нему, с

лёгкой руки того самого Ари'са. В своём телохранителе визирь не сомневался, а капитан готов снести голову с плеч любому, кто что-то прознает и не донесёт ему в первую очередь. Именно его гнева и боялась стража больше всего.

В любом случае перед визирем встали два непростых вопроса — кто виновен в смерти Солтана и кто будет претендовать на престол. Во-первых именно сегодняшний вечер смог бы пролить свет на главный вопрос. Ибо имелась зацепка, которая могла прийти в голову только Адилу. Ведь неспроста он занимал пост главного советника всё это время.

Пока Солтан развлекался с наложницами, пил д'ихь (эликсир производимый придворными алхимиками) и предавался чувственным удовольствиям, всё бремя государственных дел лежало на советнике. Фактически он управлял всей страной и умело маневрировал, обставляя дела среди знатных родов, во многом благодаря своей прозорливости и таланту интригана.

Спросить самого бывшего правителя, кто виновен в его скоростижном покидании мира живых, не представлялось возможным. Но Адил не был бы тем, кем он является, если бы не держал руку на пульсе всех дел в округе. Он знал, что есть один человек в Мрачных землях. Живут там люди дикие, но зело поднаторевшие в постижении Тёмных искусств. Его интересовал представитель древнего рода шаманов, чья магия презираемая богами, имеет силу над душами умерших.

Поговаривают, они даже могут сделать так, что бы мертвецы восстали и ходили среди живых, словно они и есть живые. Но стоило бы взглянуть им в глаза и тут же стало бы понятно, ужасная чёрная магия привела в движение тело лишённое искры жизни, заменив душу в нём на низших духов и демонов.

Адил вовсе не собирался воскрешать умерщвлённого правителя и снова сажать его на трон. Сотворить такое безумие с его стороны, означало бы совершить в высшей степени безрассудный и глупый поступок. Ведь Солтан и при жизни не считался особо хорошим и порядочным владыкой, а что уж говорить о живом трупе восседающем с короной на голове. Визирь итак долгие годы балансировал на лезвии ножа, разрываясь между безумными указами Солтана и народными массами, готовыми к бунту и мятежу вследствие его бездарной политики.

Спасало лишь то, что владыка не особо беспокоился в дальнейшем о своих постановлениях, изданных им под воздействием д'ихь и сексуальных истощений. Это давало визирю возможность спускать всё на тормозах и сглаживать острые углы. В какой-то мере он даже радовался его кончине, вот только проблем от данного факта меньше не стало.

А во-вторых известие о кончине государя, непременно вызвало бы смуту и раздор во дворе. Так как официальных наследников нет, несмотря на то, что Солтан щедро орошал своим семенем недра многочисленных наложниц и невольниц. Даже хуже того, этих наследников могло быть слишком много. Вот только происхождение их не благородное, да что там говорить, сам солтан являлся узурпатором, тираном и деспотом властвующим над народом не по праву крови.

От чего в его поданных кипела непримиримая ненависть к их новоявленному правителю, не имеющему честных оснований на власть. Вся предыдущая местечковая знать оказалась перебита или изничтожена путём тайных заговоров, подкупов и дворцовых переворотов. И вот кажется Солтану отплатили той же монетой. Но кому это выгодно предстояло выяснить в первую очередь, а потом уже искать того, кто займёт трон по праву.

Поэтому если слухи окажутся правдивыми и шаманы действительно что-то могут. То визирь Адил намеревался с помощью их колдовства, прожить один из предыдущих дней жизни владыки — вернее его воспоминаний об этом дне. И тем самым увидеть и прочувствовать всё произошедшее в тот день. Как если бы он сам оказался на его месте и глядел из его глаз на окружающий мир.

Через секретаря Адил распространил во дворце весть будто Солтан болен и не желает кого-либо видеть. А пока он, Адил — его первый советник, будет управлять от его имени.

В нетерпении, то и дело выглядывая из окна, визирь провёл весь день до наступления вечера. Он волновался, капитан Шем всё ещё не явился с этим проклятым колдуном, а его личный телохранитель Ари'с отсутствовал по делу. Советник оставил его охранять тело безвременно почившего правителя. Если он кому и верил безоговорочно, так это своему собственному телохранителю, везде следующему за ним как тень.

Тени состоящей из бугрящихся мышц, большой и не заметной в сумраке, если только он не улыбался, обнажая белоснежные зубы. Вот только он никогда не улыбался и поэтому врагам визиря никогда не везло с выбором противника. Стражу легко подкупить, а вот Ари'са нет. Его не подкупить ни золотом, ни соблазнить самой красивой женщиной.

Ари'с являлся евнухом, но не тем пассивным и женоподобным евнухом, годившимся лишь для услужения в Солтанском гареме. А таким, что благодаря ему, визиря побаивались во всём дворце и за его пределами. Ведь он мог по указанию Адила прикончить любого. Как тех незадачливых вождей племен, пришедших на переговоры и своей хамской наглостью разгневавших первого советника. Он просто щелкнул пальцами и огромный верзила, напоминающий статую вырезанную из чёрного дерева, до поры неподвижно и безмолвно стоявший в тени, пришёл в яростное и смертоносное движение.

Головы первых двух треснули как перезрелые дыни, на скорости соприкоснувшись друг с другом, они не успели даже вытащить свои сабли. А третьего вождя Ари'с схватил за волосы и настолько сильно дёрнул вверх, что у бедолаги сломались шейные позвонки от рывка. А последовавший за этим удар мощного кулака, оставил мокрое место от того, что прежде считалось лицом авторитетного вождя.

Советник Адил опытным путём установил, что если мальчиков рабов оскопить после их полового созревания, то их чувственность не теряется, а преобразуется не находя выхода в чудовищную жестокость.

Особенно если сперва дать им познать женщину сполна и только потом лишить их мужской гордости вместе со стеблем и орешками. Именно такого раба воспитал себе первый советник Солтана и он знал, что тот теперь ему верен как собака. Поскольку лишь под крылом визиря, у Ари'са существовала возможность утолить свою страсть к садизму и жестоким убийствам. Будь он обычным рабом позволявшим себе такое, то уже давно сгинул бы на «гнилых» рудниках. Известно что никто не жил там более полугода, превращаясь в заживо гниющий труп, поражённый неизвестным недугом.

Наконец-то вошёл секретарь и доложил о прибытии долгожданных гостей.

Шаман стоял перед Адилем, низкорослый худой старик с чёрными курчавыми волосами и кожей такого же цвета. Его тёмные глаза сверкали углём на сморщенном от солнца лице. Из одежды на нём выделялась лишь набедренная повязка, но капитан Шем благоразумно накинул на него плащ, что бы незаметно провести во дворец без лишних подозрений. Рядом с ним стоял молодой и рослый раб. Он принадлежал к той же народности что и шаман и

поэтому выступал в роли переводчика.

Адил в раздумьях перевёл взгляд с одного на другого.

— Я слышал, что среди вашего народа есть искусные заклинатели и чародеи, — визирь сидел положив руку на подлокотник трона и подперев подбородок, — И думаю, капитан уже объяснил, для чего вас привели сюда. Мне нужно узнать, что или кого видел Солтан перед смертью. Мне нужны его воспоминания.

Молодой раб тут же перевёл речи визиря, шаман внимательно слушал не выражая каких либо эмоций. Затем сухо ответил короткими фразами активно при этом жестикулируя.

— Нганга, говорит, — бегло затараторил раб, — это можно. Вы слушать его, — прошептал он опасаясь своих слов и добавил чуть поувереннее, — Надо чёрный бык, жертва для дух.

— Хорошо. Скажи ему, что может просить всё, что ему нужно для дела.

Адил не собирался отступать, и если даже шаман попросит крокодила из реки, он собственноручно готов притащить его сюда, лишь бы разобраться кто виновен в кончине правителя.

Шаман выслушал с довольным видом, затем выдал ещё порцию столь же щелкающих и цокающих фраз на неизвестном Адилу языке.

— Нганга, просит. Вы не есть сегодня, вы не пить сегодня. Вы слушать его, он вас привязать стул, вы говорить с мертвец. Если вы хотите слышать, вы верить ему.

Как бы странно это не звучало, ну да ладно, в конце концов телохранитель Адила будет у дверей. И если у этого шамана что-то на уме, всё равно он не сможет уйти живым, Ари'с быстро открутит ему голову как цыплёнку.

— Скажи ему, я согласен, — затем Адил повернулся к капитану, — Найдите чёрного быка и приведите в купальню к покойнику.

Глава 6 В сладком плену суккуба

Вечером, когда я вновь засыпал среди верблюдов, кажется мне слышалось женское пение — приятный, нежный молодой голос звал к себе песней без слов. Странно, что-то я не замечал среди караванщиков женщин, может это поёт дочь какого-нибудь купца. Зачем он взял её с собой в столь трудный поход, пусть даже для таких закаленных мужчин пустыни. Голос убаюкивал и манил, словно звал к чему-то очень приятному, лишая каких-либо сил сопротивляться. И я не заметил как провалился в сон.

На следующее утро в лагере нашли труп. Молодой погонщик из каравана, помер в полном расцвете сил. На его теле не нашли никаких признаков насильственных действий, ни ранки ни царапины. Только тонкая струйка крови из уха, протянулась вниз по голове, пропитав песок тёмным пятном.

Все стали перешептываться и кто-то пустил слух, мол, это злая демоница Лилли и она высосала из него жизнь. На лице парня застыла улыбка, возможно он умер во сне не просыпаясь. По крайней мере, судя по всему, его последние мгновенья жизни казались счастливыми.

Я же в свою очередь с подозрением смотрел на Хэиба и его людей, но никто не выдавал себя, какой-либо причастностью к данному событию. Может быть они нашли того, кто сигнализировал бандитам и без лишнего шума разобрались с ним. Ведь у него всё ещё могли оставаться сообщники, и раскрываться раньше времени было не разумно.

Парня закопали под песком, больше для защиты от птиц и диких животных, чем от более опасных падальщиков. Он принадлежал к бедному роду и вряд ли у его семьи нашлись бы деньги, для покупки земли на кладбище. А везти его тело с собой означало лишний риск для всего каравана. Ведь все жители племён знали — на трупный запах непременно явятся мерзкие пустынные трупоеды ай-гхули и тогда пострадавших будет гораздо больше.

Быстро покончив с захоронением караванщики поспешно тронулись в путь. Весь день люди хранили молчание и каждый лично гадал, как ему быть и что предпринять для своей безопасности.

Вечером, подкрепившись орешками, которыми Хэиб угостил меня перед сном, я пошёл спать на свое привычное место. В эту ночь мне долго не удавалось заснуть, как и все жители племен я жил суевериями и боялся, что следующим в списке непременно буду я. И если действительно демоница Лилли напала на наш след, будет весьма не просто отвести её от такой легкой добычи. Всё же прошлой ночью мне тоже слышался прекрасный и манящий женский голос, тогда мне стоило быть начеку как никогда.

Вспоминая события вчерашнего дня я подумал, что может зря так подшутил над Алифом. Всё таки он мой друг и всегда делится со мной едой. А может мне просто стало завидно, что у него кто-то есть и ждёт его, а у меня никого нет.

«Что в этой реальности, что в той — посмеялся я над собой, на мгновение припомнив свою прошлую жизнь школьника.»

Как бы не боролся со сном, я всё-таки провалился в блаженную негу и опять услышал едва уловимое женское пение. Будто бы исчезающий и снова появляющийся голос, словно его и нет на самом деле. А всё больше похоже на игру моего собственного воображения, накрученного волнением и страхом на протяжении дня.

Голос все усиливался, а я всё глубже проваливался в сон. Вот уже ничего не стало

существовать для меня кроме прекрасного пения. Возникло ощущение, будто бы я проснулся и открыл глаза, всё вокруг залито ровным мягким светом. Неизвестно откуда исходил этот свет — как если бы он светил отовсюду и со всех сторон. Но самое неожиданное, от чего у меня перехватило дыхание — метрах в десяти от меня стояла женская фигура. Её белая одежда колышущаяся неслышным ветром, являлась настолько прозрачной, что просвечивались все её женские прелести.

Пение же прекратилось одновременно с её появлением. Звонящая тишина и никаких больше звуков. Несколько секунд или минут ничего не происходило. Жуткие мгновения ожиданий вдруг прервались, когда она начала танцевать. Движения сначала мягкие и плавные, начали всё быстрее ускоряться наращивая свою амплитуду. Она вся превратилась в одно движение, я не мог оторвать от неё глаз, настолько завораживающим оказался танец и её пристальный взгляд. Одновременно во мне нарастала к ней непреодолимая тяга и влечение. Мне хотелось слиться с ней воедино не смотря ни на что.

Мне померещилось, что с каждым её периодическим вращением, совершаемых ей время от времени — мои силы начинают покидать меня. Внутри своим естеством я понимал — её танец губителен и пытался оказать сопротивление демоническому наваждению. Но это казалось невозможным, моя животная страсть и стремление овладеть ею, непреодолимо затмевало здравый рассудок.

Нежданно-негаданно я ощутил резкий удар по затылку, всё поплыло перед глазами искрами белого света. В до того звонящей тишине, мой слух прорезал оглушительный, пронзающий до глубины души крик. Крик той самой девушки. В этом вопле угадывалось столько злобы и ненависти, что кровь моя застыла в жилах, а душа ушла в пятки.

И тотчас же пришло недоумение, как я мог только что неистово хотеть её, а теперь на смену этому пришел жуткий страх. От осознания факта, насколько близко я оказался к своей гибели, меня тут же вывернуло наизнанку. Желудок свело мучительным спазмом, высвобождая все непереваренные остатки вечерней трапезы.

Я утерся рукавом и вытер слезы, застилавшие мне глаза. Вокруг всё ещё тёмная ночь и лишь ночное светило освещало окружающий пейзаж. Сквозь мутный взгляд я увидел, как рядом со мной стоит тот старик — бродячий путешественник с пером павлина на головном уборе. Он хватал из чёрного мешочка какой-то белый порошок, мелкий как песок и кидал её в пустоту. Как раз в то самое место, где раньше танцевала девушка, при этом он матерился и ругался на неизвестном мне языке.

Хэиб тоже присутствовал здесь, по его виду стало понятно, чувствует он себя тоже не очень хорошо. Он выглядел потерянным с пепельно-бледным лицом. Должно быть мой видок сейчас не лучше, по крайней мере мое состояние всё ещё ощущалось мутным и слабым.

Все остальные люди из каравана спали, кажется они не слышали пения и не заметили присутствия девушки в лагере. Похоже я снова обязан жизнью своим спасителям. Припоминая события предыдущего вечера, я видел как старик давал Хэйбу и Ахрасу такие же мешочки. Точно такой же он держал у себя в руках. Вероятно, внутри него какой-то оберег от злых духов.

Стало быть я зря подозревал Хэйба и его людей в смерти погонщика и мне стало за это стыдно. Как подтверждение их невиновности, я сам чуть не стал жертвой коварных демониц пустыни. Пока я предавался размышлениям, на шум и крики старика проснулись остальные, прибежали дозорные — люди из отряда Хэйба.

Вскоре обнаружилось, что жертв избежать не удалось. И демоны не ушли без добычи,

кто-то высказал мысль: «теперь на нас объявлена охота». Двое охранников, спавших в свободное от караула время, оказались мертвы. Они лежали ровно, без каких-либо следов борьбы вокруг. Более того, их тела оказались иссушенными как мумии. И на лицо выглядели, как глубокие старики, словно из них высосали всю молодость и силу до последней капли.

Второй случай за последние два дня, взволновал всех до предела. Больше уже никто не спал до самого утра, хотя всё это произошло в самой середине ночи, когда сон наиболее глубок и сладок. Караванщики всерьез обеспокоились, они начали спорить друг с другом, усилились взаимные подозрения о том, кто навлѣк беду на их несчастные головы. Другие же принялись усиленно читать молитвы, оберегающие от зловредных духов, в изобилии населяющие столь пустынные места.

Я и сам не на шутку перепугался и быстро отыскав в толпе Хэиба, мне захотелось получить от него объяснений. Ведь возможно, что сегодня ночью, он видел тоже самое, что я и тот старик с пером павлина.

— Хэиб, скажи мне пожалуйста, что или кто это была вчера, та девушка которая танцевала? Она выглядела такой прекрасной, мне кажется я её любил, и она меня тоже. Если бы не старик, то мы всегда были бы вместе с ней. По крайней мере мне это казалось столь желанным, что я ничего не мог поделать со своим влечением.

— Если бы не этот старик, — Хэиб возмутился, — Ты бы оказался на месте этих двух бедолаг, — он махнул рукой в направлении высохших трупов, — Я всё видел и слышал, сначала слышал, но не видел. И это несмотря на рассыпанный вокруг моей постели соль. Её нам с Ахрасом дал старик. Едва я оказался за пределами круга из соли, как тот час же ощутил на себе её воздействие. Я шѣл словно во сне и ноги сами несли меня в направлении её голоса. Тот старик уже стар и не интересуется женщинами и у него сильная воля. Вот почему на него они не могут повлиять.

Хэиб снял свою шапочку и поскрѣб свою лысую голову, казалось он что-то вспоминал и затем сказал.

— Как ты мог заметить, все предыдущие умершие — юноши или мужчины в расцвете сил. Они больше всего привлекают демоницу пустыни. Если часто думаешь о женщинах и об их прелестях, то она использует твои мысли против тебя. Она даёт тебе то, что ты больше всего желаешь. Дарит тебе неземное наслаждение, но взамен забирает жизнь, всю до последней искры. Если только твое сердце не свободно, тогда ты защищён от её чар.

Холодная волна мурашек пробежала по моей спине, хотя я не припоминал, что бы думал о ком-то, так чтобы привлечь внимание демонов.

— Но мне казалось совсем наоборот, то что ты сказал не соответствовало, тому что я ощущал, — едва смог выдавить я из себя будто не своим голосом.

— В том-то и дело Асиф, она использует самые потаенные желания, все твои страхи и мечты, — возразил Хэиб, — Но оно и понятно ты молодой парень. Ты должен сопротивляться, твоя жизнь зависит от твоих мыслей.

— Откуда вы так хорошо знакомы со стариком с пером павлина? Мне казалось он недавно с вами, и всё время держится на стороне и ни с кем не общается. Но он спас меня и наверно сможет нас защитить в дальнейшем.

— Как же вы ошибаетесь юноша, — неожиданно и сухо прозвучал рядом голос старика, — Та, о ком вы говорите весьма опасна, хотя сегодня вы видели её дочь. Против неё самой я бы не совладал. Единственное, что мы можем сделать, как можно скорее добраться до города, там где нас уже не достанет ни один демон, джинн или гхуль.

Хэиб лишь пожал плечами, давая понять, что ему известно столько же как и мне и он в принципе согласен со стариком.

Тем временем народ разделился на две противоборствующие стороны. Одни из них хотели пойти по короткому пути прямо — через местность называемой Сердце Песков, тем самым сократив сроки на неделю. А вторая группа настаивала, что бы продолжить идти по прежнему направлению, в обход этого места, как и предполагалось ранее. Они боялись, что в Сердце Песков их всех ждёт неминуемая гибель. И люди своими действиями разозлили демонов пустыни. Так как не лучшая затея соваться в самое их гнездо. Поскольку любой житель здешних краев знает, что Джинны, ифриты и прочие злобные существа, так любят селиться в заброшенных и нелюдимых местах.

Многие охранники потребовали повышенную цену, за каждый день их услуг или грозились уйти. И половина каравана, состоящая преимущественно из самых жадных торговцев, не желая нести повышенные расходы, проголосовали пойти коротким путём. Торговец чьи грузы сопровождал Хэиб и его люди, даже слышать не хотел о задержках и вопил громче всех. К тому же, чем дольше они идут до города, тем выше шансы вновь подвергнуться нападению.

Что касается меня, то я последовал бы за Хэибом хоть в Джаханнам (Ад). Поскольку более близких людей, не считая Алифа, я здесь не нашёл.

Глава 7 Голоса предков говорят

Хсаргкхыр уже не помнил, когда он стал Слышащим, кажется это произошло настолько давно, что уже не имело никакого значения. Такие как он никогда не выбирали свой путь сами, по давней традиции их всегда выбирала сама Великая Ма.

Также как это происходило сотни и сотни раз, а может и тысячи, он привычным движением скинул с себя покрывало и остался совершенно обнаженным. Ритуал требовал чистоты тела, мыслей и избавления от всего, что могло бы привязывать его к миру живых людей.

Хоть в темном склепе всегда прохладно, он не ощущал какого-либо холода или дискомфорта. Снадобье которое он принял, согревало и наполняло его необычайной легкостью. Будто бы сквозь все члены текла тёплая томительная нега, тело казалось невесомо и законы земного тяготения ослабляют свою хватку.

В центре склепа располагался тяжёлый саркофаг, монолитом сделанный из камня и состоял всего из двух частей — ложа и крышки. Невероятно ровные и гладкие стенки, буквально кричали о высочайшем уровне мастерства, что даже сегодня не нашлось бы ни одного каменщика, способного повторить и создать что-то подобное.

Отблески огня лампы на его черных стенках, плясали столь же древний танец, как и костры первобытных людей на сводах пещер. И возможно саркофаг, мог бы потягаться возрастом своего происхождения, с любым обиталищем после потопных времен. А в некоторых случаях и превосходить многократно. Для человека он слишком велик, а значит принадлежал к тем зонам, когда людское племя еще не принадлежало к доминантным видам на планете.

Хсаргкхыр обмазался ароматическими маслами и приготовился к чтению «истинных слов», как того требовал ритуал. И он здесь находился совершенно один. Остальные члены культа не имели прав доступа сюда. Только посвященный фангси, мог войти в святая святых — склеп Великой Ма, где на них находило откровение, идущее от ее нетленных останков.

Святылище Великой Ма представляло собой место очень древнее и темное по своей энергетике. Мумии предыдущих первых фангси, что служили до него, мрачно взирали мертвыми невидящими глазами из своих ниш, специально вырезанных в стенах святылища. Двенадцать перво-посвященных и число их было всегда неизменно, они отцы и матери основатели культа Великой Ма. Хоть плоть их мертва, но все они незримо присутствовали здесь, являясь невидимой охраной и смертью для любого, кто осмелится войти без разрешения. Покуда их останки находились здесь и сохраняли целостность — они всё ещё оставались относительно бессмертными, сохраняя свой злобный дух.

И покуда Хсаргкхыр произносил слова, казалось сама тьма сгущается вокруг его тела, не по-мужски гладкого и несколько женственного по своим очертаниям. Ещё в отрочестве он подвергся оскотлению. И часть его плоти была привнесена в жертву, в качестве дара в знак вечной службы во славу Великой Ма. Через такую процедуру проходил каждый из фангси, желающий посвятить свою жизнь в служении культу и претендуя на роль Слышащего.

Это приводило к равновесию мужской и женской половины, так необходимой для вхождения в изменённые состояния сознания. Фангси почти всегда пребывали в мире мертвых, лишь изредка — одним глазом заглядывая в мир живых. Поэтому его роль в культе являлась самой почитаемой. И в обязанности остальных, входила забота и обеспечение

Хсаргкхыра всем необходимым для жизнедеятельности.

Фангси не имели семей и соблюдали обет безбрачия, хотя другие члены культа оставались свободны в нравах, и могли возлежать как с женщинами так и с мужчинами. Последнее особо практиковалось среди лучших служителей культа, тех кто принес в дар больше всего жертв во имя Великой Ма. Раз в году они отправлялись на север, в паломничество по континенту вдоль побережья. Совершая к концу третьего месяца полный круг и к началу лета возвращаясь в убежище. Эта традиция называлась «Радужный мост». И они верили, что совершая ежегодные ритуальные жертвоприношения, они заслужат путь в загробную жизнь на небесах в Обители Богов. Здесь же рождаются лишь грешники и первостепенная задача членов культа — освободить грешные души из телесной оболочки во славу Великой Ма.

Когда Хсаргкхыр уже не сможет в полной мере исполнять свои обязанности Слышащего. Закончив старческую жизнь путём смертельной медитацией от кровоизлияния в мозг. То его похоронят здесь же под полом святилища. Точно также он поступил с предыдущим фангси, когда Великая Ма выбрала его в качестве нового глашатая её вести — откровений всегда несущих смерть.

Главное, он должен услышать. А затем передать её волю остальным членам их тайной группировки, объявленной вне закона во многих землях к западу от их убежища. А уж рядовые служители будут готовы отдать жизнь, но лишь бы не прогневать Великую Ма и исполнить её пожелание.

На его гладко выбритой голове, краской из ядовитых растений, блестели нанесенные знаки и заклинания. Также имеющие продолжение по всему телу — отравляя плоть, но освобождая дух. По этой причине жизнь фангси была непродолжительна, хоть кастрация и делала их долгожителями, по сравнению с обычными людьми.

Наконец закончив с церемониальной частью Хсаргкхыр отодвинул крышку, залез внутрь и задул лампаду, погрузившись в непроглядную тьму. Он закрыл крышку над собой. Каждый раз после этого ему казалось, что воздух внутри становится гуще и плотнее. Он уже не ощущал своего тела и его сознание уносилось в глубины Бездны, где он непременно услышит голос Великой Ма. В святилище воцарилась мрачная гробовая тишина и лишь темные тени кружили над саркофагом.

Глава 8 В Сердце Песков

Караван разделился на две части, одни решили пойти по короткому пути, через Сердце Песков, а другие предпочли продолжить по старому маршруту. Среди местного населения ходила нехорошая молва об этом месте. Так как дневная жара там на порядок превышала среднюю температуру. И так же из-за слухов об ужасных созданиях, подстерегающих людей, рискнувших вступить на территорию джиннов.

Существует легенда, будто раньше здесь находилась цветущая долина, с древним городом в её центре. Настолько древним, что даже самые старые жители племен, ещё не родились, а он уже был заброшенным. Редкие смельчаки того времени, рассказывали о руинах разрушенного города. Чьи стены словно острые зубцы, лишь ненамного возвышались от песков, заметающих следы былого величия.

Место это проклято, ибо сами боги наслали ужасную кару на его горделивых жителей. Возомнивших себя равными богам и отказавшихся подчиняться им. Ныне же никто точно не знает его верное местонахождение. Толщи песков надёжно хранили молчание об истории развернувшейся здесь в прошлом.

Караванчики всегда предпочитали руководствоваться принципом «тише едешь, дальше будешь» и обходить эту обитель джиннов стороной. Но в этот раз караван разделился и первая его часть надеялась за три дня достичь точки назначения. В то время как другая половина продолжила обходной путь в неделю. Но все стремились поскорее дойти до города, так как каждую ночь в лагере стали погибать люди по невыясненным причинам. Уж я то на своей шкуре прочувствовал, кем являлась эта столь привлекательная и столь же смертельная причина. И чем быстрее мы доберемся, тем больше шансов, что хотя бы часть спасется до того, как нас истребят по одному.

— Я говорю тебе это великая Мара разгневалась на нас, — роптал один из погонщиков, — мы разгневали её и теперь она и её дочери не отстанут от нас, пока не изведут каждого, — его кривой указательный палец то и дело сотрясал воздух.

— Мы выставим вдвое больше охраны вокруг и спать будем по очереди, — ответил другой и хлестнул хворостиной осла, поторапливая измученное животное.

— Это не поможет, мы обречены! Да спасёт нас дева Алата! — взмолился первый вздев руки вверх и обратив свой взор к небу.

— Шшшаа! Не каркай, клянусь Алатой, если не перестанешь причитать я тебя прикончу раньше, чем до тебя доберутся демоницы Лилли.

Бескрайнее море песка, ни единой растительности или деревца со спасительной тенью, нет даже камней. До самого горизонта тянулся однообразный пейзаж, даже взгляду не за что зацепиться. Если бы не положение солнца дававшее ориентир, тут можно было бы плутать бесконечно.

Мне же всё равно с какой частью каравана идти, лишь бы мои новые друзья шли рядом. С ними я чувствовал себя в большей безопасности. Поэтому когда Хэиб и Ахрас изъявили желание сократить путь, я без колебаний пошёл за ними. Кажется Хэибу это не очень понравилось, но тем не менее он не стал препятствовать мне.

Также с нами пошёл Алиф — мой ровесник и самый близкий друг. Он конечно не настолько смел, как могло бы показаться. Просто его грела мысль, что чем быстрее они придут, тем быстрее воплотятся его мечты о богатстве. Он всё торопился к своей

возлюбленной и поэтому никакие демоны преисподней ему сейчас не страшны. Тем более он совершенно не был суеверен и считал всё эти легенды какими то предрассудками.

Из тех двух путешественников, к нам присоединился только старик, с пером павлина на головном уборе. Именно он спас меня накануне ночью от чарующего и смертельного танца пустынного суккуба. Это придавало мне дополнительную уверенность, что он сможет нас защитить и дальше.

А другой странник — светловолосый и с красным загорелым лицом, решил идти с другой частью каравана. В последний раз я видел его возле стоянки верблюдов, откуда он поспешно уходил, словно торопился от чего-то убежать.

— Что-то здесь не сходится, — сказал сверху вниз Алиф, поравнявшись с моим ослом на своём верблюде и шагая рядом, — Ты говорил, что эта твоя демоница выбирает лишь тех, кто думает и тоскует по женской ласке?

— Ну это мне Хэиб так сказал, более того я же рассказывал тебе, что сам видел её.

— Вот я каждую ночь думаю о своей невесте, а эта твоя демоница ни разу не пришла ко мне.

— Ну да, — усмехнулся я, — теперь понимаю, зачем ты каждую ночь уходишь в пустыню. Что бы никто не видел, как ты неистово «думаешь» о своей невесте спустив штаны. Ха-ха-ха!

— Ты дикарь! И шутки у тебя дикарские! — огрызнулся Алиф.

— Ну я дикарь, да. Но читать и писать умею, — я вспомнил как меня учила мать, по книгам хранящимся в старом сундуке, — А вот откуда ты такой образованный, если по твоим словам, родился в бедной семье горожанина? — спросил я у Алифа.

— Не знал, что дикари обучены грамоте, — удивился Алиф, — А что касается меня, я прислуживал в доме одного богатого торговца, и к его детям приходил специальный учёный муж. Он обучал их различным наукам. Вот и я между делом, тайком и украдкой подслушивал его речи. Кстати, именно дочь этого торговца...

— Аaaa! Хватит мне уже рассказывать о ней, — в нетерпении прервал я его, — Ты мне уже все уши прожужжал о своей невесте. Ты пока ещё не разбогател и не выплатил за неё выкуп. А пока ты это сделаешь она уже состариться.

— Да ну тебя! Вот увидишь ещё! — раздраженно бросил Алиф и пришпорил своего верблюда.

Стало очень жарко, раскаленный воздух поднимался вверх искажая обзор впереди. В какой-то момент мне привиделось, будто я вижу вдалеке нечто напоминающее черный столб. Позже я понял, остальные его тоже видят, поскольку колонна изменила ход движения, направившись к нему. Массовые миражи явление обычное в пустыне, но они исчезают со временем. Столб же не только не исчезал, но и увеличивался в размерах, по мере приближения к нему.

Прежде чем солнце успело скрыться за горизонтом, караван уже стоял у его подножия. То что первоначально ошибочно принималось за столб, оказалось чёрной скалой, гордо торчавшей из песчаного холма. Высоко уходящий в небо прямоугольный кусок черной породы. На его полуразрушенных матовых гранях отражался блеск лучей заходящего солнца.

Здесь мы разбили ночной лагерь, чтобы завтра ещё до рассвета тронуться в путь. Все расседлали животных и расположились вокруг скалы. Я сидел на склоне холма и наблюдал за диском солнца, постепенно скрывающегося за барханами на западе. В это время ко мне

подошёл Хэиб, в руках он держал длинный свёрток.

Он сел рядом, расположив свёрток возле меня.

— Там где садится солнце находится мой дом, — кивнул он с улыбкой, рассаживаясь поудобнее свернув ноги под себя, — Всего пару дней пути, так близко и так далеко, — вздохнул Хэиб.

Вид у него был печальный, никогда прежде я не видел его таким подавленным. Тогда я решил задать ему вопрос так долго терзающий меня. Развеять мои сомнения вызванные разговором с Алифом о заговорщиках.

— Мне сказали город куда мы идём — гнездо работорговцев, — начал я наблюдая за его мимикой, — Вы же не собираетесь меня продать там, иначе с чего такая благосклонность ко мне?

— Что?! — его глаза округлились, а затем он тихо засмеялся, — Хе-хе, нет, разумеется нет. Да, там город работорговцев, будь они прокляты, — он стиснул зубы, — У меня был сын, ему было бы столько же лет, как и тебе сейчас. Ты напоминаешь мне моего сына.

Мне стало неудобно от моих подозрений на него и как-то пытаюсь сгладить неловкость спросил.

— А что с ним стало, Хэиб?

— Нехорошие люди Асиф, нехорошие люди лишили меня его. Но у меня остались трое дочерей и жена, но я не могу их увидеть.

Хэиб смотрел на запад, на заходящее солнце и в его глазах выступили слёзы. Но он тут же быстро взял себя в руки.

— Тут такое дело Асиф, здесь твоя сабля, — указал он на свёрток, — Мы когда нашли тебя, ты сжимал его в своей руке. Я знаю мастера делавшего подобные клинки. И ковал он их для очень богатых людей. Я не знаю как он у тебя оказался. Но он твой и я возвращаю его тебе, поскольку здесь опасное место.

— Это шамшир моего отца, — ответил я вспомнив события предшествующие его потере.

— Он был знатным человеком? — спросил Хэиб прищурился глаза.

— Он был «синелицом», — тихо признался я.

— Ох, воины-изгой, люди вне закона. Он что ограбил Солтана? Хе-хе! Ты же знаешь, что со времен падения Империи на них объявлена охота? — в его глазах блеснул азарт, — Должно быть ты в большой опасности, ведь рядом с тобой, мы также нашли труп солтанского солдата.

— Я не хотел... он сам накинулся на меня... и мы свалились с обрыва.

— Да ладно, не стоит себя винить, здесь их никто не любит, — он задумчиво водил палочкой по песку, — Но раз тебя ищут, то положение у тебя не завидное. Ты не хотел бы присоединиться к моей команде? — в его голосе звучала отеческая забота, — У нас найдется для тебя место.

— Охранять караваны? — спросил я, — Даже не знаю, честно говоря это кажется мне утомительным, — и здесь я ему ни капли не соврал.

— Но я лучше советую тебе, — он перешёл на шёпот и оглядевшись продолжил, — перебраться по ту сторону моря Мальх. Там тебя не станут искать люди солтана. Сейчас там идёт освободительная война под руководством одного из генералов. К тому же я слышал, что у него есть отряд состоящий из ренегатов-синелицев. Они когда-то осмелились участвовать в бунте против империи. И долгое время скитались изгоями, пока генерал не взял их к себе в

войско. Генерал Тарик, раньше он служил Солтану, но потом изменил присяге. И теперь награда за его голову, больше чем за твою. Хе-хе.

— Спасибо, думаю это хорошая идея.

— Я кое о чём хочу попросить тебя Асиф, — лицо Хэиба выражало беспокойство, — окажи мне услугу, ведь я помог тебе. Ты молод и у тебя нет обязательств. А меня терзают смутные сомнения насчёт сегодняшней ночи. Не мог бы ты отдать это моей семье в городе, — он вытащил увесистый кошель туго набитый монетами — Если вдруг что-то со мной случится. А если нет, то вернешь мне обратно. В городе на площади есть кузнец, он всё тебе расскажет в случае чего.

Очень странно, Хэиб предлагает сделать это именно мне. Человеку пришедшего к ним из другого мира, а что если я сбегу, как и планировал при виде города на горизонте.

Хэиб положил кошель рядом со мной, встал отряхнувшись от песка и заслонил своей фигурой солнце.

— И ещё Асиф, — он наклонился ко мне и посмотрел в глаза, — Что бы ты сегодня ночью не услышал или не увидел, хватай первого попавшегося коня и скачи отсюда, покуда не достигнешь города. Слышишь! Спасай себя в первую очередь, а о себе мы позаботимся, — он похлопал меня по плечу и улыбнулся.

Глава 9 Дикие Маги

Улуун Сакгх вернулся в свою пещеру три дня назад, после очередного заказа от Священного Ордена Равновесия. Если им снова что-то будет нужно от него, то всегда могут отправить гонцом одного из послушников школы. Но сейчас никого нет и он наслаждался тишиной, вспоминая и анализируя детали своего последнего дела.

Вполне обычное поручение по поиску скрывающегося мага, оказалось на редкость интересным и захватывающим. Этот маг действительно отличался от других людей, в которых случайно просыпались силы Хаоса. Но Улуун знал, всегда есть процент людей генетически более склонных к врождённому дару. В Ордене таких называли «дикими магами», те кого Хаос подчиняет себе подавляя их волю и сводя с ума. Дикий маг является опасным существом для социума, если вовремя не распознать и не направить его способности в нужном направлении.

В ином случае безумие постепенно овладевало их разумом, превращая в ходячий кошмар для жителей деревень и городов. Весьма часто они сбивались в ковенy, надеясь таким образом поддерживать друг друга в коллективном безумии. Но очень скоро превращались в пауков в банке, где выживал лишь самый сильный из них. Но до этого, как правило, они успевали натворить немало дел и даже приобрести своих учеников среди наивных деревенщин. Нередко приносимых в жертвы своими учителями, служащими потусторонним покровителям из числа низших духов.

Поэтому такие стаи диких магов оказывались весьма опасными и представляли серьезную угрозу для одинокого Ловчего. Радовало, что вместе встречались они не так часто, а чаще всего поодиночке. И для такого специалиста как Улуун Сакгх, поймать очередного новоиспеченного адепта Хаоса, не доставляло каких-либо трудностей. Всё-таки если проводить аналогию, обученный воин в доспехах и с мечом всегда превосходит другого, одетого в звериные шкуры и вооруженного сучковатой дубиной.

Раньше ими занималось Третье Управление, следящие за общим порядком. Но выяснилось, что «слова закона и железа» недостаточно, для вразумления съехавшего с катушек мага. И потеряв не один десяток своих кадров, Третье Управление отказалось от каких либо преследований диких магов. С тех пор забота об этих порождениях Хаоса, легла на плечи таких Ловчих, как Улуун Сакгх и ему подобных.

Специализация по отлову одичавших безумцев, а также уничтожение тварей порожденных и вызванных из Бездны, намерениями нечистых на руку заклинателей Яту. И многое-многое другое чему их обучали в школе Ордена Равновесия. Не допустить скатывание мира в вакханалию и сумасбродство, от неожиданно получивших силу простолюдинов. Как говорил учитель Улууна: «Сила льва в теле мартышки, способна причинить больше вреда, чем сила мартышки в теле льва».

В тот день гонец разыскал Улууна и принёс заказ на мага-одиночку. Как писалось в сводке, молодой парень обнаружил в себе способности, но то ли у него не хватило ума, то ли не захотел сам, но он не доложил об этом в отдел контроля по магии. Судя по всему его разум уже начал сдавать свои позиции, если верить слухам распространившимся о нём в городе Золотого Серпа — крупнейшего города торговцев на «пути Специй». Также являвшийся важным перевалочным пунктом для караванов собирающихся с местных окраин, для дальнейшего пути по ту сторону Крыши мира. Именно здесь начинался долгий путь

товаров с востока в дальние земли запада.

Парень успел натворить немало бед в богатых кварталах Золотого Серпа, отчего местные купеческие гильдии всерьёз проявляли беспокойство. Так как в первую очередь проблема касалась известных торговцев, вдруг начавших исчезать из рядов гильдии при невыясненных обстоятельствах. Можно было бы списать всё на внутриклановые разборки, за лучшие торговые маршруты и товары. Но кажется уже давно всем стало известно, что худой мир лучше доброй войны. Даже такие глупые торгаши способны понять этот факт, о которых Улуун Сагкх всегда отзывался не лучшими словами.

Все имеющиеся следы и улики, найденные служащими Третьего управления, вели к новоявленному магу. По прежнему месту жительства он больше не проживал, на улицах не появлялся, по крайней мере днём. Очевидцы последнего убийства — знатного торговца в его собственном доме, все как один утверждали, что видели нашего подозреваемого в ту ночь рядом. Не только его, но и еще какое-то человекоподобное существо огромного роста.

Свидетели не смогли дать более полного описания, ссылаясь на темное время суток и плохую видимость. Но скорее всего услышав предсмертные крики купца, они все позакрывали ставни окон в своих домах и выглядывали из щелей, или забились под деревянные кровати сотрясаясь от страха.

По правде сказать нельзя винить горожан Золотого Серпа в трусливости и малодушии. Они продукт своего времени, поколения выросшие в неге и богатстве, никогда не знавшие преступлений страшнее, чем кража на рыночной площади. А тут вдруг такое, один за другим пропадают первые лица города или находят их растерзанные тела. Словно пришедший в бешенство невиданный зверь, обладающий невероятной физической силой. Вот только неизвестно, чем они его прогневали, для проявления жестокости такого рода.

Даже служащие Третьего управления, первыми прибывшие на место преступления, выходили оттуда белыми. Совсем как простыни бордельной девки в первую брачную ночь. А им по роду службы приходилось видеть многое. А также плотно общаться с неприятными и маргинальными элементами социума — накладывающий определенный профессиональный отпечаток, делая их психологически черствыми и с сильной стрессоустойчивостью.

Отсюда они предположили, что имеют дело с необычным убийцей. Явно тут дело не обошлось без применения магии и колдовства. Это уже не входило в компетенцию Третьего управления и они с радостью передали его под расследование Ордена Равновесия, как раз занимающегося различными магическими отклонениями в мире.

Ордену следовало проявлять осторожность, что бы не вспугнуть парня. Они не могли отрядить под это дело целую команду Ловчих. Во-первых, слишком заметно, а во-вторых, как всегда, кадровый голод в рядах давал о себе знать. Поэтому заказ поручили лучшему из лучших, а именно ловчему Улуун Сагкху и его верному псу Азару. Послужной список этой двоицы впечатлял и внушал уважение. В ходе комиссии, собранной мастерами школы Ордена Равновесия, все выразили единогласное решение.

И недолго думая Улууна командировали с важной миссией, в приграничную деревеньку рядом с городом Золотого Серпа. Теперь он должен не привлекая внимания расследовать это страшное и запутанное дело. Первым его связным являлся отставной командир и ветеран Третьего Управления, незадолго до этих случаев вышедший на пенсию по выслуге лет. Вот к нему первым делом и направился Улуун Сагкх.

С завалинки деревенского трактира, где Улуун снял комнату, открывался хороший вид

на городскую стену и крыши домов внутри. Высокие белокаменные стены такой толщины, легко могли дать разъехаться двум повозкам, с запряженными в них быками. Стража патрулировала периметр стен днём и особенно ночью, когда деревенские босяки имели обыкновение выходить — «щипать богачей за бока.»

Естественно, подозреваемый маг и тем более его устрашающий спутник, вряд ли смогли бы пройти мимо ворот незамеченными. К тому же, сразу после череды исчезновений людей, патрули стражников удвоили и набрали отряды добровольцев. Скрытые агенты Третьего Управления, переодетые в гражданскую одежду, также наблюдали за улицами в поисках подозрительных личностей.

Ловчий показал пропускную грамоту у городских ворот и благополучно оказался в городе Золотого Серпа. Весь утопающий в зелени деревьев, благоухающий ароматами. Повсюду кричащая роскошь, начиная от белокаменных мостовых в центре и заканчивая уединенными усадьбами богачей на окраинах города. Отсюда открывался великолепный вид на белоснежные горы на севере.

Улууна всегда озадачивало, почему Уз-кааны в долине по ту сторону хребта, никогда не стремятся попасть сюда. Не может же власть тамошних шаманов быть настолько парализующей, что они готовы всю жизнь прожить под гнетом черных магов и заклинателей духов. Конечно же между городом и долиной, откуда пришел Улуун, существовал соединяющий их перевал. Перейти через него под силу не каждому человеку. Тем не менее, что лучше, погибнуть от холода и недостатка кислорода в попытке взять перевал штурмом. Или всю жизнь влачить жизнь живой куклы, на услужении у духов проявляющихся через шаманов. Эти шаманы являлись самыми настоящими «дикими магами», самоиницилирующих друг друга на тайных церемониях. Но до тех пор, пока они не причиняли большого вреда, Орден Равновесия закрывал на них глаза. Предпочитая сосредоточить своё внимание на более цивилизованных народах.

Улуун Сагкх было легко рассуждать, ведь он прибыл из той долины сюда, через сеть секретных пещер под горами. Ему не пришлось пробираться сквозь метель и ненастье, ежеминутно рискуя упасть замертво от кислородного голодания. Особенно этому радовался Азар, радостно виляя хвостом рядом со своим хозяином.

Наконец они остановились перед приземистым зданием с трапециевидной формой. Словно строители хотели построить пирамиду, но забросили её на половине готовности. Оставив её с усечённой вершиной и наспех соорудив крышу для защиты от дождя и снега. Здесь везде возвышалась подобная архитектура, как способ придать прочности строениям, часто страдающих от землетрясений в горных районах.

Небольшие прямоугольные окна проделанные в каменных стенах здания, напоминали узкие глаза какого-нибудь монстра, приготовившегося к нападению. Из которых порывами ветра выдувало шелковые занавески темно-красного цвета. От чего по вечерам казалось, будто глаза монстра светятся красным огнём в сумраке улиц. Дом Наслаждений — так он назывался среди местных богачей и знатных людей города. Лучшее место для проведения переговоров, обсуждения важных дел и конечно же для ночей удовольствия, с самыми искусными жрицами богини Даргху. Чья благосклонность и благословение никогда не покидало здешних её почитателей.

Улуун сомневался, что старый развратник на пенсии, мог бы выбрать другое место для проведения встречи. В конце концов служба в Третьем Управлении была тяжела и неблагодарна — так что старый ветеран имел право расслабиться. К тому же Улуун Сагкх

никогда прежде не бывал в подобных заведениях. В горных школах для подготовки магических ловчих, никогда не присутствовали женщины, учениками и учителями всегда являлись мужчины.

Раньше он уже выполнял заказы совместно со служащими Третьего Управления, находясь внутри стен Золотого Серпа. Но они всегда осуществлялось неким наскоком, без какого-либо подробного ознакомления с обычаями и нравами царящих в городе. Сейчас же на его долю выпал шанс окунуться в самое лоно и гущу событий в округе. Он оставил своего пса Азара у входа и направился к массивным дверям Дома Наслаждений.

Глава 10 Ночь красной Йу

Вечером у костров, погонщики любили коротать время рассказывая страшные истории и легенды. Любой житель пустыни знал подобные сказания во множестве. И этот вечер, как нельзя подходящий своей атмосферой вокруг таинственной скалы, не обошелся без такой истории. Я проходя мимо заинтересовался и остановился послушать одного из рассказчиков:

"Слышал такую историю, в моем народе очень долгие поколения ходила легенда. Легенда о спящей красавице, лежащей в прозрачном гробу. Гроб тот необычайно крепок и не бьется. А ежели ударишь по нему, только лишь мнетса и заново принимает прежнюю форму. Мертвым сном она спит и ничто не способно пробудить ее.

Как повествуется дальше, предок одного из кланов, поехал на охоту. И вот на своем коне, дойдя до Крайних болот, куда редко кто забредал, он заметил как что-то блестит на солнце. Подойдя ближе, изумлению его не было предела, никогда еще он не видел такого. На земле, а точнее наполовину увязнув в болотной жиже, находился некий предмет напоминающий гроб. Из ослепительно прозрачного камня, но настолько легкого и как оказалось впоследствии очень прочного.

Через прозрачную стенку, он увидел лик девушки и решил вытащить её оттуда. Девушка не была мертва, но и не дышала, словно замерла. Но веки её казалось слегка трепещут и вот-вот она проснется ото сна. Белое-белое лицо будто никогда не видевшее солнце, показалось ему настолько прекрасным и красивым. А волосы как жемчуг на солнце, сверкали и переливались блеском белокурых прядей. Насколько она отличалась от женщин его племени, таких же грубых и примитивных, как и он сам.

Так и не сумев открыть гроб, он спрятал его вдали от чужих глаз, в одной из пещер в центре Болот. И она настолько ему понравилась, что он ещё не раз приходил потом сюда. Щель между крышкой была настолько плотной и идеально подогнанной, что не нашёл никакой возможности просунуть под него нож или топор. И он никак не смог открыть крышку. А красавица по прежнему спала беспробудным сном. Ни один камень или оружие не могло совладать с этим материалом и освободить ее, сколько бы он не старался.

Он обнаружил на его стенках какие-то надписи на неизвестном ему языке. Но куча черточек нагроможденных одна на другую, не давали ему никакой подсказки, ибо был он совершенно безграмотен.

Так шли годы, этот охотник обзавелся семьей, женившись на девушке из соседнего клана. Но никогда не забывал о своей белокурой красавице и иногда приходил к её гробу втайне ото всех. У него родились сыновья и когда пришла пора умирать он никому не сказал о ней, кроме как своему самому младшему. В предсмертном дыхании он прошептал ему тайну и испустил дух.

Надо сказать, что этот его сынок был немного не в себе, глуповатый и безобидный. Но никто не рассматривал его в качестве охотника или воина. Поэтому в племени его не любили и не уважали, лишь старые подвиги его отца, заставляли жителей терпеть слабоумного рядом. Его звали Ван. И с него то и начинается вся эта страшная история, о которой сложили столько песен и сказаний."

Тут погонщик затих и кажется что-то вспоминал, на его лице отразилось сосредоточенное напряжение, словно он в дебрях ума прорывался через заросли мыслей в поисках нужного сюжета. Наконец его лицо озарилось и он продолжил:

"Позже Ван взял себе другое имя и предпочитал чтобы его звали Ай-Ван. В честь того большого камня Йу, многие поколения назад появившегося на небе. И с тех пор неизменно висевшего там дни и ночи. Мало кто знает откуда он там оказался, но его появление в то время принесло людям много страданий. Поскольку те кто жил у моря, ощутили на себе всю мощь волн, а у тех кто жил в горах, земля ходила под ногами. Звезды поменялись местами и ветра освободились из своих цепей, терзая и разрывая тело земли и её жителей. Небесная твердь сломалась и многие дни падала на поверхность земли, оставляя под толстым слоем земли и глины многие города с селеньями.

Воды в реках стали горькими как полынь и несущими мучительную смерть, если кто мучимый жаждой осмеливался испить из них. Запад стал востоком, а север югом. Никто не знал, что есть сейчас, но все знали, что прежнего мира уже больше нет. Много лет солнце светило словно через серый туман и едва согревало, урожаи гибли, дни стали короче, а приходящие зимы длились дольше. Это осталось лишь в летописях и народных сказаниях. То называли днями прихода Разрушителя.

Ну а возвращаясь к нашему Ай-Вану. После смерти отца Ван стал часто где-то пропадать. Даже позабыл своих овец, которые возможно были его единственными друзьями. Ведь никто не хотел дружить с дурачком. А после он и вовсе исчез и никто не знал куда. Его братья предпринимали поиски, но безуспешно, а может они сами не хотели что-бы он нашелся. Впрочем вскоре все быстро забыли про него и очень даже зря.

Прошло несколько десятков лет и в округе начали ходить слухи, будто стали пропадать молодые юноши. Вполне возможно, что их погубили дикие звери, но они не вели себя так уже со времен Долгой зимы. Даже если так, то звери хоть что-то оставляют после себя, одежду или кости

В народе шептались, будто Агглы с камня Йу на небе, вновь вышли на охотничий промысел и истребляют род человеческий. От них возможно скрыться лишь в толщах земли, где их машины не могли засечь тепло людских тел. Многие в ту пору ушли, через старые подземные ходы ведущие в города Древних, найдя там приют и жизнь в безопасности.

И вот однажды случилось нечто. Как в один из дней всё в жизни жителей перевернулось. То, что ранее казавшееся таким обыденным и незыблемым, рухнуло в одночасье. Всё их селение было стерто с лица земли. Предано огню и мечу, войском которое никто прежде не видел. Это были страшные существа, наполовину люди, а наполовину животные. С большими четырьмя ногами составлявшие собой одно целое с телом человека. А головы у них страшные, косматые волосы и вяглядят совсем как морда у собаки. И все говорили потом: это подлый Ай-Ван отомстил жителям. Поскольку выжившие свидетели клялись, как видели мерзкого старика, командовавшего войском. И по воспоминаниям старожиллов это был он.... Ай-Ван собственной персоной»

Да уж, умеют они жути нагнать своими рассказами, подумал я прослушав рассказ погонщика. Впрочем уже поздно и надо идти спать, ведь завтра с рассветом вставать. Я пошёл к своему обычному месту сна, возле верблюда Амина. Свёрток с отцовским шамширом придавал мне уверенности. Всё таки хорошо, у меня теперь есть оружие. Думаю зря Хэиб беспокоится. Как дойдём до города, верну обратно его кошель с золотом. Алифа рядом с Амином я не нашёл, значит он опять ушел в пустыню побыть в тишине.

Алиф же как обычно сидел в уединении. Он прошмыгнул из лагеря мимо своего знакомого охранника. Тот знал о таких вылазках Алифа и надо бы вернуться до того, как его сменит другой охранник. А то ведь в темноте не разобравшись, его и подстрелить могут, поскольку за периметром лагеря ходят только неприятели. Сейчас в лагере итак все особенно напряжены.

Тишина и звёзды очищают ум, настраивают на спокойный сон, но уже пора идти пока не поздно. Алиф встал и побрёл по своим же следам обратно в лагерь. Лишь камень Йу и звёзды освещали их, периодически выныривая из под облаков. Впереди Алиф заметил лежащую фигуру, на том месте, где раньше стоял караульный. Судя по всему он спал на боку, но пока что видно лишь спину спящего.

— Эй, не прошло и часа, как я прошёл тут, а ты уже спишь, — окликнул его Алиф.

Но спящий не отвечал, он продолжал спать.... или.... он не спит. По спине Алифа пробежали мурашки, сердце заколотилось от дурного предчувствия. Он осторожно взялся за плечо спящего и перевернул на спину... Тот был мёртв, его открытые глаза уже засыпало песком, а тело всё ещё хранило тепло. Алиф в ужасе отпрянул назад и упал на пятую точку. По прежнему не отрывая взгляда от трупа он пополз назад, а затем встал и побежал по направлению к лагерю.

Ещё не успев добежать туда, он услышал приглушенные хрипы и возню возле потухших костров. В лагере происходила тихая потасовка, кажется кто-то врасплох напал на спящих и старался не шуметь. Впрочем в мгновение ока всё переросло в драку и резню. С криками и лязгом стали о сталь, треском разрывающейся плоти и воплями умирающих.

«Нет, только не туда, надо бежать отсюда. Где же Асиф? Скорее всего он спит возле моего верблюда Амина». И Алиф не разбирая дороги помчался к стойбищу вьючных животных.

Я не спал и был начеку, как внезапно до меня донёсся звук суматохи и переполоха, со стороны чёрной скалы, где караванчики разбили лагерь. Явно там происходит сражение, кто-то напал на стоянку ночью. Только не это, этого не может быть. Только не со мной. Ведь там сейчас Хэиб и Ахрас. Кто-то бежит сюда. Я обнажил шамшир и приготовился отражать нападение.

— Асиф! Асиф! — мой друг Алиф бежал ко мне, — На лагерь напали! Караульные мертвы! Надо уходить отсюда!

Но как же Хэиб и Ахрас, разве могу я их так бросить. Я вспомнил слова Хэиба сказанные им накануне вечером. Ведь если мы оба погибнем, то некому будет передать деньги семье Хэиба. Алиф уже вскочил на своего верблюда, остальные животные в страхе разбежались, едва слышали шум битвы.

— Ну же Асиф не медли, я слышал, там творится нечто ужасное! — голос Алифа срывался от отчаяния.

Шум сражения потихоньку затихал и кажется близился к концу. Теперь сквозь плотную ткань ночи доносились лишь слабые стоны раненых. Только вот кто одержал победу в этой схватке? На мгновение облака разошлись ненадолго осветив, как на нас из темноты на свет вынырнула фигура. К нам из последних сил бежал мальчик-погонщик. Его ноги заплетались и он безмолвно тянул свои руки в нашем направлении.

В его широко раскрытых глазах отражался невыразимый ужас, а рот открывался и закрывался, как у рыбы выброшенной на берег. Но ни единого слова или звука не

послышалось из его уст. Страх парализовал и лишил его дара речи. Вот он уже почти добежал до нас, оставалось всего пару десятков шагов. Раздался короткий резкий свист и треск разрываемой плоти. Мальчишка лишь шире раскрыл глаза, его ноги окончательно ослабели и он остановился. Покачнувшись он упал вперёд, вытянув перед собой руки. Из его спины торчало древко копья.

— Нууу! — взревел Алиф от страха и протянул свою руку, что бы помочь мне взобраться.

Я тут же ухватился за неё и залез на спину Амина. Едва я успел сесть, кто-то схватил верблюда за узду спереди. Животное заревело и чуть было не скинуло нас обоих с себя. Я посмотрел и увидел — некто очень зловещий стоял перед нами и преграждал путь. Я недолго думая наотмашь рубанул его по голове своим шамширом, от чего он глухо вскрикнул и схватившись за лицо отпустил поводья.

Нам хватило мига, чтобы освободиться и рвануть прочь отсюда. Прочь из этого гиблого места. Верблюд нёсся стремительным галопом унося в ночи нас двоих, подальше от чёрной скалы посреди Сердца Песков.

Мы скакали всю ночь пока за нашими спинами не забрезжил рассвет. И только тогда сбавили ход на шаг и немного успокоились. Погони за нами нет, кажется мы единственные, кто выбрался оттуда живым.

«Просто какой-то кошмарный сон, я должен проснуться у себя в кровати, обычно так всегда происходило, но только не в этот раз.»

— Ты видел то же, что и я? — спросил Алиф сзади, — Ты видел лицо схватившего Амина за узду?

— Я не уверен... — в замешательстве отозвался я, — Ничего не понимаю, он был похож на одного из тех охранников. Один из тех, кого вчера ночью погубили демоны.

Глава 11 Некромант — воскреситель мёртвых

Затем все трое проследовали к той части дворца, где всё ещё лежало убиенное тело прежнего правителя. Гвардия из «Золотых Клинков» по приказу Адилы оцепила эту часть дворца и никого не впускала. Личный телохранитель визиря стоял у дверей купальни и охранял вход.

Визирь и шаман вошли внутрь, здесь царил крошечный мрак и прохлада. Лишь узкий луч света пробивался из вентиляционного отверстия в центре потолка. Адил зажёл лампы на стенах и бледные огоньки заплясали на каменных стенах, скудно озарив комнату мерцающим светом.

Помещение представляло собой большую круглую комнату без окон и с купольным потолком. В центре располагался большой каменный лежак круглой формы, с поверхностью облицованной превосходным белым мрамором. В одной из стен поблёскивали металлом краны из серебра с горячей и холодной водой.

Любимое место Солтана, где он любил уединяться со своими наложницами и рабынями, которые его тут мыли и ублажали. Убийцы могли войти и выйти лишь через одну единственную дверь, но стража стоящая на охране входа ничего не помнила. Их нашли развалившимися без сознания у дверей купальни. А пока что ими занимался палач в подвалах дворца, помогая им вспоминать. Но как доложил капитан Шем, память их всё ещё не прояснилась.

Правда существовала ещё одна дверь, ведущая отсюда в другую залу с большим бассейном. Но оттуда нет выхода, разве только если убийцы забрались по веревкам до окон. Окна были расположены так высоко, что расстояние до их нижнего края, составляло более четырех человеческих тел.

Воздух тут уже остыл, поскольку Адил заблаговременно отослал банщиков из нижних этажей под купальней, в чьи обязанности входило круглые сутки поддерживать здесь приятную и комфортную для тела температуру.

Когда визирь впервые увидел мёртвое тело Солтана, тот лежал абсолютно голый. Странно было бы ожидать в месте для купания одетого человека. Он лежал на спине, раскинувшись на том самом мраморном лежаке для омовений. На его шее выделялся своим цветом дорогой шёлковый платок. Затянутый настолько туго, что скорее всего и послужил причиной его смерти от удушья. Какая ирония подумал Адил, кто-то отплатил ему той же монетой.

Вот только лицо мертвеца выглядело не как у человека бьющегося в конвульсиях предсмертной агонии, а словно он умер от переизбытка счастья. Ну что тут сказать, богачи не только живут в неге и наслаждении, но кажутся и умирают с таким же ощущением. Узнать бы ещё кто явился дарителем такого райского наслаждения так, что Солтан не выдержав — откинул копыта.

Такая смерть вызывала презрение и недостойна правителей, привыкших умирать на поле боя. А не в постели и тем более не в купальне в чём мать родила. Хуже наверно, только быть застреленным из арбалета, с приспущенными штанами в отхожем месте.

Впрочем, лучшего места для нападения не сыскать, голый человек самый безоружный из всех возможных. Если только не считать за оружие его мужское достоинство, которым Солтан пользовался чаще, чем саблей или другим оружием. Поэтому Адил накрыл телс

белой парчовой занавеской, сорванной в коридоре.

Когда все необходимое для ритуала было готово, а чёрного быка ввели и крепко привязали у изголовья труп. Визирь Адил и чёрный шаман остались в помещении одни. Колдун привязал визиря к массивному стулу из столетнего дуба, притащенного телохранителем из общей залы. Затем он бросил в курильню с углями щепотку каких-то трав, в воздухе разлился крайне неприятный дым, отчего у Адила вскоре заболела голова.

После всех этих манипуляций старик начал что-то читать над чашей, с жидкостью тёмного цвета налитой из тыквенной бутылки на его поясе, затем дал её выпить Адилу. Питье оказалось крайне неприятным на вкус, горьким и вяжущим, спустя время у него всё онемело во рту и глотке.

Наконец чёрный жрец стал ходить вокруг лежака и бубнить себе под нос, периодически что-то вскрикивая и вознося руки к небу. Визирь же ощущал себя просто плохо и он уже сожалел, что решился на такую рискованную авантюру и не свернуть ли её раньше срока.

В один из своих многочисленных кругов вокруг труп, шаман поравнялся с быком и внезапно рассекающим ударом снизу вверх, большим ножом ударил под шею животного. От неожиданности тот взревел, закатил глаза и попытался было освободиться, но верёвки притянутые к стенам крепко держали быка. Жидкость вытекаемая из него поливала перед собой в первую очередь тело мертвого Солтана, а затем разливалась по полу. Также она пропитала тёмно-красным цветом всю парчовую занавеску накрытую на труп.

Шаман подставил чашу под струи и наполнил её, затем подошёл к Адилу и приставил её к его губам, намекая, что это нужно выпить. После той горькой жидкости вкус крови уже не так сильно ощущался, лишь оставляя слегка солоноватое послевкусие. Проследив что бы визирь выпил преподнесенную чашу до дна жрец снова подошёл к лежаку.

К тому времени бык уже обессилел и склонившись на коленях издавал последние предсмертные хрипы, выплескивая из себя последние струи жизни. Адил сидел привязанным к стулу и ощутил своими ногами, как его обувь намочла от тёплой жижи. И к вон горелых трав добавился ещё сладковатый запах ржавого железа.

Телохранитель и раб-переводчик были предупреждены, какие бы звуки они не услышали, им запрещалось входить сюда под страхом смертной казни.

Колдун приоткрыл пропитанную кровью ткань с труп и обнажил мертвенно-бледное лицо с синеватым подтёком. В свете пляшущих огоньков лампад и залитое кровью оно выглядело ещё более отвратительным и тёмным. Вслед за этим шаман в одно мгновение забрался на мраморный лежак и возлёг на усопшего. Точно так же как это сделал бы муж, на ложе со своей женой лицом к лицу, глаза в глаза. Только шептать он стал не ласковые слова, а какие-то свои колдовские заклинания и чуть ли не прикасался губами к губам мертвеца.

Неизвестно сколько времени прошло, Адил уже потерял счёт всему. Судя по тому, как отверстие наверху купола становилось светлее, то уже наступили предрассветные сумерки. А чёрный колдун всё продолжал перешёптываться с мертвецом, словно уговаривая его прийти в мир живых. Адил устал, его конечности затекли и онемели, тошнотворный запах вокруг вызывал отвращение. Застывшая кровь под ногами стянула кожу, а он сам уже начинал проваливаться в сон.

Неожиданно чёрный маг вцепился в труп что есть силы, а мертвец ожил и схватил его сквозь ткань за руки. Глаза Солтана раскрылись в стеклянном блеске, а колдун вскрикнул и в страстном поцелуе впился в губы мертвеца. Во всяком случае при слабом свете сверху, Адилу показалось, что тот сделал именно это. Борьба между шаманом и ожившим Солтаном

продолжалась — мертвец пытался скинуть колдуна, а тот в свою очередь, прочно вцепился и не давал ему восстать со своего места. Наконец он с рычанием оторвал свои уста от губ мертвяка, его рот и зубы испачкались в загустевшей крови и слизи. С громким звуком колдун смачно выплюнул что-то в курильницу, и оно зашкворчало на углях, разнося запах жареного мяса.

И тут же мертвяк обмяк и расплылся, словно это не он только что брыкался, как необъезженный скакун под всадником. Колдун слез с него и шлепая босыми ногами, по липкому от загустевшей крови полу, подошёл к курильне.

Адил наблюдал за ним, а краем глаза ему привиделось, что ткань на трупе приподнята в том месте, где анатомически должен находиться мужской член. Но колдун не дал ему рассмотреть повнимательнее, загородив вид своим телом. Затем он подцепил ножом то, что выплюнул в курильницу, подошёл к нему и поднёс это к лицу визиря.

Это был кончик языка, откушенный им у покойного Солтана, пока тот пытался его скинуть, в краткий миг своего оживления. Шаман указал своим крючковатым пальцем в свой открытый окровавленный рот и затем погладил по животу. Намёк понятен — он требовал что бы Адил съел и проглотил кусок мертвечины.

Ох, неспроста этот засушенный чернокнижник, требовал полного послушания от него, неспроста. От одной только мысли о необходимости съесть язык мертвеца, который как минимум за последнее время, побывал в нескольких ртах, накатывали приступы тошноты. Но в конце концов уже столько сделано и если это единственная возможность узнать правду о смерти солтана, то иного выбора просто нет.

— Есть, — произнёс колдун с ужасным акцентом и тыкая обгорелым кусочком в губы Адила.

Ну оно хотя бы немного поджарено и не такое холодное и склизкое — успокоил себя первый советник. Он приоткрыл рот и шаман тут же вложил в него обгоревший кусочек мяса. На вкус оказалось как курица, если только не знать всю предысторию.

— Есть, — повторил он и кажется не собирался уходить, пока Адил не проглотит мёртвую плоть. Затем поднёс к губам визиря чашу. Он уже успел налить в неё своё зелье, пока советник морщился, пытаясь справиться с внутренним отвращением.

Адил решил не разжёвывать язык, дабы не вызвать приступы тошноты от соков, непременно просочившихся под натиском зубов. И поэтому отхлебнув жидкости как можно больше сделал один судорожный глоток. Кусок с трудом, но прошёл через пищевод и вместе с жидкостью спустился в желудок. Всё. Он сделал это. Теперь оставалось ждать, подумал он и тут же ощутил невероятный приступ тошноты. И его без сомнения согнуло бы спазмом пополам, не будь он сейчас привязан к стулу.

Казалось всё его нутро взбунтовалось и хотело вывернуться наизнанку. Вот почему этот проклятый колдун просил не есть и не пить перед ритуалом. Он всё знал с самого начала, несомненно надо будет его казнить, как только лишь закончатся эти мучения и он сможет заговорить. Нужно только позвать телохранителя Ари'са — пусть схватит негодяя.

Но пока что вместо каких либо слов, визирь лишь непрерывно издавал рыгающие звуки, в попытках исторгнуть из своего чрева кусок мертвечины. Конвульсии были столь сильны, что не удержавшись Адил рухнул вместе со стулом на каменный пол. Не будь этот стул таким крепким, он тотчас же развалился бы. А советник получил бы долгожданную возможность придушить этого колдуна, обрёкшего его на такие невыносимые страдания.

Из глаз лились слёзы, а живот ныл от бесконечных болезненных спазмов. Наконец

обессилен и кажется от того снадобья, которым он запил, его сознание расплылось и изменилось.

Адил уже перестал ощущать, где он находится, какой сейчас день и который год. Ему уже всё равно что он первый советник Солтана, валяется в своих роскошных одеждах, связанный в луже бычьей крови. Совсем как последний бродяга, из касты неприкасаемых на скотобойне, напившийся опьяняющей сомы и закусивший мертвечиной.

Всё кружилось и падало, вернее он ощущал, как проваливается сквозь каменный пол всё глубже и глубже. Сначала перестав ощущать тело, затем слышать звуки, осталось лишь дыхание, которое вскоре тоже исчезло. Наконец всё померкло и осталась лишь пустота. Полное ничего.

Глава 12 В городе работорговцев

Верблюд Амин ускорил шаг, я и Алиф переглянулись. Тем самым это могло означать лишь одно — животное почуяло воду. Мы шли рядом с ним ведя его под узду. Поскольку всю предыдущую ночь и утро ехали на нём вдвоём без остановки. Алиф слишком беспокоился за своего верблюда и его здоровье, опасаясь как бы не загнать его до смерти.

И действительно стоило нам перевалить через бархан, как вдали перед взором предстали крыши домов. Портовый город Сукильнес, город контрабандистов, пиратов и работорговцев. Вид домов и зданий в нём, говорил о роскоши былой жизни. Как если сравнивать его с элитной куртизанкой, пользующейся спросом в молодости, а теперь состарившись, вынужденной работать за еду.

Высокие колонны древних храмов, ныне уже полуразвалившиеся, в большинстве своём хаотично валялись на земле. В целом архитектура, несмотря на разрушенный вид, всё еще внушала ощущение чего-то нездешнего. Словно люди, живущие здесь сейчас и их постройки, являлись какими-то чужеродными элементами, не вписывающимися в общий ансамбль.

Ко всему, что ещё имело уцелевшие стены и потолки, местные умельцы достроили хибарки из глиняных кирпичей и подручных материалов. Внося этой безвкусицей ещё больший контраст в архитектурный стиль. То, что ранее выглядело гораздо более технологически развитым, как по материалам так и по способам укладки камней, отличалось от них как небо и земля. Мраморные колонны, стены из базальтовых и гранитных валунов, с потрясающе ровными поверхностями, вполне соседствовали с пристройками из бутовых камней и навозно-соломенных мазанок.

Но здешних жителей кажется не волновал столь разительный диссонанс. Первыми этот город нашли и облюбовали разбойники с пиратами. Превратившие его в своё надёжное убежище, благодаря удобно расположенной бухте в форме подковы. Форма бухты не только оберегало корабли, стоящие на рейде от северных штормов, но также защищало сам порт от нападений со стороны моря. Поскольку по обоим концам подковы, выступающей в море, стояли оборонительные форты, обстреливающие противников ещё на подступах к заливу. А толстые и крепкие цепи, натянутые между крепостями перед входом в бухту, не давали возможности вражеским кораблям причалить к берегу, для высадки штурмового десанта.

В порту возвышались мачты множества кораблей, мерно покачивавшихся на волнах. Большинство из данных судов являлись перевозчиками рабов, во множестве сгоняемых сюда охотниками за головами из самых глубин материка. И где их тут же продавали, а вот уже за морем цена на них была во много раз выше. Хотя существовал и обратный промысел, когда пленных с той стороны моря привозили сюда. И многие здешние семьи, сделавшие работорговлю своим ремеслом, сколотили огромные состояния, нажившись на чужих страданиях и горе.

«Мой альтер-эго прежде никогда не бывал в городах, если не считать одной единственной поездки со своим дедушкой. Но тогда он был слишком маленьким, что бы запомнить в деталях. И его выросшего в пустыне, немного пугал вид большого города, выражаясь в приступах тревоги и беспокойства. Но и ему и мне необходимо попасть туда. Во-первых, нужно исполнить последнюю просьбу Хэиба — найти его семью и передать им деньги. А во-вторых ближайший порт, откуда можно уплыть по ту сторону моря Мальх, располагался именно здесь. Я уже потерял всякую надежду на возвращение в свое родное

тело и смирился с фактом пребывания меня, в новом для меня обличии и соседства с моей второй личностью. Можно сказать, мы уже стали с ним чем-то одним целым и я знал о нём всё, начиная с самого его детства. Но у меня всё ещё оставалась надежда, что в каком-нибудь большом городе, я смогу найти учёного или колдуна. Способного объяснить мне, как вернуться в мое тело, оставшееся в том мире.»

— Нас с тобой туда не пустят, — произнес Алиф глядя на город вдаль, — Нам нужно придумать план.

— Ты житель городов, тебе лучше знать, — отозвался я задумчиво почесывая голову.

Алиф дёрнул поводья Амина, верблюдов послушно последовал за своим хозяином. Животному уже не терпелось восполнить свои запасы воды, должно быть жевать колючки и пить свою кровь ему порядком надоело.

— Я здесь сойду за своего, — продолжил Алиф, — а вот ты нет, — он иронично оглядел меня с ног до головы, — Ты больше похож на тех, кто является здесь товаром. Так что ты вызовешь подозрения со стороны местных властей.

— И что же ты предлагаешь? — честно говоря слова моего друга не вызывали во мне оптимизма.

Алиф не ответил, он пребывал в раздумьях. Мы почти приблизились к городу, так что уже стали видны остатки входной арки в город. Он остановился и направился к арыку с текущей водой, Амин тут же последовал за ним и начал жадно пить из него.

И пока верблюд утолял жажду, Алиф присел на корточки над водой и что-то мял в руках.

— Асиф! Подойди сюда! — позвал он не оглядываясь назад, — Я придумал план, как нам попасть в город.

Подойдя я увидел, как он зачерпывает с берега ил и растирает её в руках.

— И чем нам поможет эта грязь?

— А вот чем, — воодушевленно произнес Алиф и пока я не успел опомниться, тут же вымазал мне лицо своими грязными руками.

— Тьфу! Ты что с ума сошёл! — от удивления грязь попала в рот и я уже готовился поколотить наглеца, как он на своё счастье начал излагать суть своего плана.

— Значит так, смотри, ты беглец, — продолжил он деловито растирая грязь по лицу, — Я давно понял, что ты не тот, за кого себя выдаешь, уж слишком ты подозрительный, — он явно любовался результатом своей работы, — А так тебя не узнают и это натолкнуло меня на одну интересную затею.

Стало быть Алиф догадался, что меня ищут люди Солтана, пронеслось у меня в голове.

— Но ты не бойся, я тебя не сдам, — успокоил меня Алиф, увидев мою гримасу, — В город имеют право входить лишь хозяева рабов и охотники за головами, — указал он в направлении ворот, — Но никогда рабы не могут покинуть пределы города по своей воле.

— Так что же ты предлагаешь, — я протёр глаза от излишков грязи.

— Мы разыграем стражу, притворимся будто ты беглый раб, а я поймал тебя и веду к твоему хозяину, возвращаю его собственность так сказать. Стража каждый день видит такое и для них это обычное явление. Поэтому я свяжу тебя и положу на Амина, а ты будь послушным рабом и много не вякай. Все разговоры со стражей буду вести я.

— А что другого варианта нет? — такая перспектива мне не очень нравилась.

— Ну придумай что-нибудь, только побыстрее, а то скоро вечер и придется ждать до утра, что бы нас впустили за стену.

— Ну ладно, я согласен, только ты не слишком крепко привязывай.

Алиф начал рыться в сумках висящих на боку верблюда в поисках веревки.

— А это что такое? Твои дикарские штучки? Тяжелая какая, а я думал чего Амину так тяжело идти, — с этими словами он вытащил из седельной сумки статуэтку.

Чёрную, длиной не больше локтя, по форме она напоминала человека с руками сложенными на груди. У него была непропорционально высокая голова и уши, какие могут быть разве что у южных племен, растягивающих себе мочки ушей с помощью камней.

— Нет, это не моё, — запротестовал я, разглядывая статуэтку выброшенную на песок.

— Вы дикари можете молиться каким угодно божкам, — во взгляде Алифа сквозило недоверие, — Лучше бы воды взял побольше вместо этой ерунды, ты посмотри какая она тяжелая.

Я поднял статуэтку с земли, весила она явно не соответствуя своему размеру. Действительно тяжелая, даже удивительно для такой маленькой вещицы. Судя по всему её когда-то вырезали целиком из дерева и она имела непроницаемо чёрный цвет с лакированной от времени поверхностью. Лучи заходящего солнца сверкали на её гладких изгибах и если присмотреться внимательнее, можно заметить множество мелких царапин на её поверхности. В ней было что-то притягательное и завораживающее, будто бы чем дальше на неё смотришь, тем больше она притягивает и приковывает к себе внимание.

— Ну я же говорил, что это твоё, — Алиф утвердительно тоном вытащил меня из оцепенения.

Я встрепенулся и конечно понятия не имел, откуда статуэтка оказалась в седельной сумке верблюда. Возможно её туда по ошибке положил тот молчаливый странник, везде ходящий со своей книжкой и записывающий в неё что-то. Во всяком случае что-то таинственное и притягательное таилось в ней. Может быть удастся вернуть её хозяину, когда их часть каравана дойдёт до города. Я завернул её в тряпку и положил в свою поясную сумку, где хранил разные мелочи и припасы.

— Повернись и подставь руки, — скомандовал Алиф, наконец-то найдя веревку.

Он связал мне руки сзади и подвёл к верблуду. Амин уже напился воды, а теперь лежал и отдыхал. Аккуратно поддерживая меня, Алиф помог мне лечь на спину верблюда, перекинув через седло. От постукиваний палочкой по бокам, Амин неохотно привстал и на мгновение мне показалось, что я сейчас с высоты упаду головой вниз, соскользнув с его спины.

Но всё обошлось, напомнив мне первые дни в караване, когда меня обессиленного, так же везли верхом на корабле пустыни. С этого всё начиналось и этим всё закончится подумал я с горечью, вспоминая Хэиба и Ахраса. Ведь скорее всего они погибли при нападении на лагерь и теперь нужно сдержать слово, данное мной Хэибу, насчет передачи денег его жене и дочерям.

Алиф взял верблюда под узду и медленно повёл по направлению к городским воротам. Его опасения были обоснованы, так просто их пропускать не намеревались.

— Стой! Кто такие? Куда идёте? — окликнул нас один из стражей.

— Я поймал раба моего господина, и вот везу его обратно, — ответил Алиф.

Надо отдать ему должное, он действительно вошёл в роль и даже не волновался.

— К какому господину? Может мы сами его отведём и получим за него награду, — усмехнулся второй стражник.

Алиф оказался не готов, что его будут спрашивать имя конкретного владельца и

ситуация явно начинала оборачиваться не в нашу пользу.

Послышались шаги — первый из стражников приближался с целью взглянуть на пленника.

— Да как же вы не знаете моего господина, — Алиф тщетно пытался припомнить хоть какое-то имя, известное среди здешних работорговцев, — Этот раб очень ценный для него и не советую нас задерживать, иначе мой хозяин рассердится на вас.

— Ха-ха, слышал? — обратился первый стражник ко второму, — Он нам угрожает. Ну раз ценный, мы просто отберём твою добычу и сами сдадим кому надо, — я из своего положения видел лишь его сандалии с кривыми ногтями на уродливых пальцах.

— Точно, хе-хе-хе, — отозвался второй, — остается узнать кто этот раб и к кому его вести, а тебя скинем в канаву, — судя по звуку он вытаскивал из ножен свою саблю.

Такого не ожидал ни я ни мой друг Алиф. И как назло я связан, а свёрток с шамширом приторочен к седлу.

— Да вы, да вы знаете... у меня есть тот, кого ищут во всем Солтанате, — с едва скрываемой дрожью произнёс Алиф, — Да, его все ищут и никто не может найти.

«Что?! Неужели он решил сдать меня, вот же шкура продажная, говорил мне дед не доверять им. Наверняка решил отомстить мне за мои шутки, ведь он предупредил об этом. Лишь бы самому вывернуться, друг называется ещё, жаль у меня руки связаны. Как же я мог тебе поверить?»

Стражники застыли на местах, предложение их определенно заинтересовало.

— Его ищут все: солдаты, крестьяне, вы тоже его ищите и даже девки в борделях, — Алиф продолжал свою речь словно сам не свой.

«Что?! Какие девки в борделях? Что-то я не припомнил такого интереса, по отношению к своей персоне. Неужели бедолага сошёл с ума от страха и несёт всякую чушь.»

— Вы же любите девок, а я могу вам помочь, — лицо Алифа сияло от радости, — Вернее Солтан может вам помочь, а ещё точнее его лик, открывающий любые двери.

— Что ты несёшь полоумный? — второй стражник начинал терять терпение, — Кого мы все ищем? Какой ещё лик Солтана?

— А вот такой! — Алиф вскинул руку вверх и в воздухе прозвенел металлический звук подкинутой монеты, а затем прозвенел ещё раз.

Стражники рефлекторно поймали подкинутые перед ними монеты.

— Я говорил о деньгах с ликом Солтана, хе-хе, — нервно хихикнул Алиф, — Их ищут все в Солтанате, а теперь пропустите нас, ведь девки вас уже заждались.

— Латно фропуфти их, — прошамкал стражник, пробуя на зуб золотой с изображённым на нём профилем владыки. Убедившись в подлинности монеты, он обратился он к своему коллеге — Ты постоишь тут один, пока я отлучусь?

— Вот ещё чего! — возмутился второй, — сам тут стой, а я пока сбегаяю к моим кошечкам. Тем более я слышал там с кораблей привели новеньких.

— Ну ладно мы можем пойти вместе, никто не заметит, что мы отлучались ненадолго, — предложил первый, — А ты давай проходи! Не задерживайся! — крикнул он Алифу.

Чем Алиф тут же воспользовался, не заставляя стражников повторять дважды, пока они не одумались. Быстро пройдя за ворота внутрь города, Алиф поспешил затеряться в закоулках среди людей. Наконец остановив верблюда в неприметном месте и слегка ударив

палочкой по сгибам коленей, заставил верблюда лечь на землю. Всё это время я лежал на нём не издавая звука и еле сдерживая смех. Алиф помог мне встать со спины Амна и развязал веревки на руках.

— Ну что перепугался дикарь? — в его голосе проскальзывали издевательские интонации, — Я видел как ты задёргался. Боялся, что испортишь весь спектакль, поэтому мне пришлось поторопиться. Наверняка в штаны наложил, ну-ка проверь, ха-ха-ха! — Алиф согнулся пополам от смеха.

— Я уже хотел тебя придушить, если бы у меня не оказались связанными руки, я бы непременно сделал это. Ха-ха-ха!

Смех невозможно было остановить, наверно больше от нервного напряжения и усталости, пережитых накануне, чем от нашего ловко удавшегося плана. Наконец-то мы за стенами города, среди множества людей, мы могли почувствовать себя здесь в безопасности.

— Ну что же, Асиф, наверно здесь наши пути разойдутся, — Алиф хитро прищурил один глаз, — У нас разные цели.

— Но я думал, что ты покажешь мне город, — я не предполагал, что останусь один в неизвестном мне месте.

— Ты же знаешь, я оставил в лагере все свои товары и у меня теперь только мой верный верблюд Амин. Мне снова предстоит навёрстывать упущенное.

— Да, ты прав. Я же собираюсь уплыть отсюда, не знаю, сможем ли потом встретиться, но мне будет не хватать такого друга как ты.

— Нууу, меня найти будет нетрудно. Просто спросишь, как найти самого богатого человека в округе и тебя направят ко мне, хе-хе.

— Я уж надеюсь, кхе-кхе, — я хотел было подколоть его, но передумал, — Ты женишься на своей избраннице и у вас будет много детей, ты же позовешь меня на вашу свадьбу?

— Ааа, не сомневайся, мой дом — твой дом, правда пока, что мой дом это улица. Но и ты ведь не во дворце живёшь. Ладно я рад, что у меня есть такой друга и ты всегда можешь на меня рассчитывать. Не будем прощаться так что.

Алиф взяв своего верблюда под узду и зашагал прочь, затерявшись в гуще сумерек, накрывших город перед закатом.

Глава 13 Кошелёк, какой кошелёк?

Я остался в городе один. Со мной лишь отцовский шамшир обёрнутый в шкуры; перстень отца, спрятанный в подкладке одежды и таинственная статуэтка из чёрного дерева.

Только сейчас оказавшись в безопасности, я почувствовал как на мне сказались бессонные ночи и все те испытания выпавшие на мою долю. Предстояло найти место для ночлега, благо погода позволяла не искать крыши над головой. И я устроился тут же неподалёку, на куче соломы возле стены. Пристроив свёрток с шамширом на солому я прилёг, подложив руки под голову. Звуки города уже затихли, наступила тьма и звёзды падали с неба в эту тихую ночь. Спать хотелось настолько сильно, что я уснул сразу же, едва стоило прикрыть глаза.

«Каждый раз засыпая я всё ещё надеялся, что следующее моё пробуждение произойдёт в моей родной комнате на кровати.»

По ощущениям прошёл всего лишь миг, как меня разбудил шум. Вокруг всё ещё темно, я осознал, что по-прежнему лежу на соломе у стены. Шум разбудивший меня, принадлежал телеге крестьянина с запряженным в него быком. Проезжающей громко грохоча деревянными колёсами по каменной мостовой и перемешиваясь с криками петухов, надрывными голосами возвещающими о скором наступлении рассвета. Ну ещё чуть-чуть поспать бы, ведь я только прилёг, но эти проклятые птицы уже разбудили всю округу, совсем как у бабушки в деревне.

Ещё не рассвело, а на улицах всё больше стали появляться люди, лавочники и торговцы, мясники и рыбаки — все спешили на городской рынок. Что бы продать свои товары и может быть что-то приобрести. Кто-то шелка и ковры из Тахристана, кому-то больше нравились специи и приправы из речных долин Индха. Ну а другие надеялись продать или выгодно купить невольников. И надо сказать это был самый ходовой товар в здешних краях, градообразующее предприятие, обеспечивающее работой проходимцев и негодяев всех мастей.

В утреннем воздухе повеяло запахом свежей еды и желудок урчал от голода, требуя обратить на него внимание. Я вылез из своего укрытия, поёжившись от прохлады и пошёл вслед за людьми, редкой цепочкой тянувшихся к центру города. Солнце только-только вставало за горизонтом, окрашивая окружающие здания в багряно-красные тона и откидывая длинные причудливые тени.

И чем дальше я шёл, тем больше людей вылезало из своих примитивно сложенных жилищ, так ярко контрастирующих на фоне гигантских руин из гранитных стен и колонн. И вскоре уже я шёл в плотном потоке толпы. Вернее сказать меня несла река из людских масс, вдоль узкой улочки оканчивающейся большой и просторной площадью. И где эта река рассыпалась в такое же широкое озеро из людских голов. Сдобренное бесконечным шумом и гвалтом голосов, сливающихся в одну единую какофонию, так что приходилось напрягать слух, дабы расслышать ближнего своего.

Я решил осмотреться и с трудом пробившись через потоки всё прибывающих людей, отошёл в сторонку и встал спиной к колонне, во множестве возвышавшихся по периметру площади. Да, именно их я видел вчера, когда мы с Алифом стояли на вершине бархана и наблюдали за городом. А вон и та небольшая, но высокая башня с купольной крышей, значит если пройти за ней дальше, то будет уже порт и море.

Есть хотелось всё больше, я уже чувствовал подступающую тошноту и головокружение, вызванное голодом. Конечно же у меня были деньги, у меня имелся целый кошель, туго набитый золотыми монетами. Но это не мои деньги, они принадлежали Хэибу. Вероятно его уже нет в живых и кажется из всех, живыми оттуда ушли лишь двое — я и мой друг Алиф.

Конечно никто не узнает, что я должен передать кошель четверым дочерям Хэиба и его жене. И я вполне могу оставить его себе, вместе со всем его звонким содержимым. Но я не мог себе такого позволить, осквернить светлую память своего друга. Спасшего меня от неминуемой гибели, когда я лежал без сознания и обессиленный, под палящими лучами солнца на дне оврага.

Без капли воды и какой-либо еды, проваляйся я там чуть дольше, моё тело давно уже растащили бы голодные шакалы и хищные грифы. А у меня не хватило бы сил, даже оказать им хоть какое-то сопротивление. К тому же Хэиб и Ахрас могли забрать себе мой отцовский шамшир. Так богато украшенный, сделанный из такой превосходной стали и продав, выручить немалые деньги за него. Но нет, Хэиб не только вернул саблю, но и доверил мне возможно всё своё богатство, предчувствуя опасность, сбежать от которой ему не позволила бы честь воина.

Поэтому я не мог его подвести и поступить так подло, я не мог взять из кошеля даже одну монетку, что бы купить себе еду. Честь среди жителей племён ценилась превыше всего, и хоть здесь не было никого из моих соплеменников, внутренний стержень не позволял мне поступиться с нею.

И теперь предстояло найти того самого кузнеца, через него я передам кошель дочерям Хэиба. Он говорил, что его лавка должна быть четвертой, у левой стены от той самой башни с куполом. И сориентировавшись, я решил по диагонали пересечь рыночную площадь кишашую людьми, по направлению к углу противоположному от меня.

Проходя через ряды с лавками торговцев и многочисленных снующих туда-сюда людей, то и дело вынуждавших меня маневрировать в потоке. То уступая, то ныряя в образовавшуюся щель, что бы как-то продвинуться вперёд. И это постоянно сбивало меня с намеченного курса, так что приходилось находить какие-то свободные островки, для определения в каком направлении предстоит идти дальше.

Люди толкались локтями и вжимались друг в друга, теснимые повозками проезжавших в междурядьях. Многие лавки представляли собой просто расстеленные на земле ткани и ковры, с разложенными товарами рядом восседали сами торговцы. Некоторые торговали прямо с телег не распрягая животных, щедро удабривающих площадь своим навозом.

От чего в душном и многолюдном месте, ограниченном стенами вокруг, стоял невыносимо стойкий запах. Перемешанный с ароматами специй и пряностей, а также вонью потных толкающихся тел, не соблюдающих никакой личной дистанции. Рыбы привозимые рыбаками, пока что ещё были свежими и некоторые даже бились в корзинах, судорожно хватая ртом воздух. Но с каждым мгновением времени, сменяющего утреннюю прохладу на дневной зной, рисковали омрачить всё вокруг духом разлагающейся плоти. Меня уже, итак, тошнило, не сколько от голода, сколько от невообразимой плотности всех этих запахов.

«Думаю мы с моей второй личностью сошлись во мнении в этом вопросе. Поскольку я не ощущал какого-то внутреннего сопротивления, когда я пожалел, что сунулся на эту площадь. Затхлый город, где сновали толпы людей с несвежим дыханием, то и дело добавлявших градуса в окружающий смрад, представлял собой средоточие всех неприятных для меня мест.»

И мне стоило больших трудов, что бы не облевать тугой струёй, чьи-нибудь ноги или впереди идущую спину. Если бы мой желудок оказался полон, то я непременно совершил бы сей постыдный поступок. А пока из желудка поднималась только желчь, которую я стремился запить водой из тыквенной фляжки.

Когда я в очередной раз приложился к фляжке, с целью убрать жжение от желчи подступившей к горлу, кто-то из встречных легонько меня толкнул. Вода из фляжки немного расплескалась и намочила одежду, поспешно убрав её я оглянулся, кто же этот бесцеремонный хам. Но определить точно было невозможно, обезличенная масса тут же скрыла грубияна. Хотя это мог быть вон тот юноша в цветастой шапке на вихрастой голове. Если бы я не поленился вновь продираться сквозь толпу, то обязательно надавал бы ему тумаков. Моё новое и физически сильное тело позволяло избить хоть самого дьявола. Но я уже так устал, а до нужного места я не прошёл ещё и половины пути.

Надо наконец таки преодолеть эту площадь, отдать деньги и быть спокойным за свою совесть. С этой мыслью я пощупал кошель за полой своей одежды — его не оказалось на месте. Мысль о том, что я потерял не свои деньги, молнией пронзила мой мозг. Я лихорадочно ощупал всё карманы, куда мог бы положить мешочек, но нигде не нашёл его. Ни за одеждой возле груди, куда я точно помнил, что положил кошель именно туда, ни в боковых карманах, ни где-либо ещё. Так и есть я потерял его, хотя ещё перед пересечением площади ощупывал его и он был у меня.

И тут меня осенило, тот самый ублюдок, толкнувший меня, когда я пил воду из фляжки. Это он украл кошель с золотыми монетами!

Волна ярости поднялась из самых глубин и заполонила всё моё тело, от кончиков пальцев на ногах и до корней волос. Ну если я его найду, пусть мне для этого придётся перерыть даже весь город, отрублю ему руки по самые локти. Полный гнева и злости я отправился на поиски с неутолимой жаждой мщения.

Глава 14 В доме Наслаждений

Улуун Сагкх прислушался к звукам снаружи пещеры — ничего постороннего, только завывание ветра. К тому же его верный пёс Азар, предупредил бы в случае появления неизвестных у входа. Не найдя ничего, что могло помешать его покою, Улуун вновь углубился в воспоминания предыдущего заказа.

В тот день, едва он дошёл до дверей Дома Наслаждений, как путь ему молча перегородил здоровенный вышибала. Его объемной туши хватило бы на нескольких таких как Уллун Сагкх. И поэтому он встал так, что двустворчатые двери оказались за его спиной и полностью стали недоступны снаружи. Степной богатырь вскормленный молоком кобылиц, никак не показывал высоких навыков общения, а лишь молча смотрел своими узкими глазами на него. Давая понять, что его здесь не ждут и войти ему он не позволит, разве что только через его труп.

Но магическому ловчему вовсе не хотелось устраивать кровавый замес, на пороге одного из лучших публичных домов во всей округе. Точнее сказать одного единственного, на многие недели пути отсюда. Не хотелось портить людям отдых, к тому же адепты школы Ордена Равновесия работают лишь в пределах своих контрактов. И не трогают тех, кто напрямую не угрожает целостности их жизни. О том что угрозы нет, подсказывал и Азар, разлегшийся неподалеку и не выказывающий каких-либо признаков агрессии к этому молчаливому истукану у дверей.

В связи с этим Улуун решил обратиться к его голосу разума, пытаясь объяснить цель своего визита:

— Я вижу вы не очень разговорчивы, но мне тут назначена встреча.

Дитя степей лишь хмыкнуло в свой чёрный ус и продолжило стоять, скрестив руки и надменно взирая сквозь Улууна, словно его не существовало в данном срезе реальности. Хотя откуда этот остолоп может знать такие понятия. Так что он просто цинично игнорировал магического ловчего.

— Послушайте, у меня очень важное дело и многие знатные люди ждут, когда они смогут лицезреть результаты, ведь это касается их жизней.

— Пропуск! — цыкнул сквозь зубы вышибала по-прежнему не глядя на него.

Гонец из Ордена Равновесия снабдил его всей необходимой информацией по делу, но никто почему-то не подумал, что в такое значное место нужен пропуск. Хотя оно понятно, в такое элитное заведение запрещен доступ всяким погонщикам мулов и другим малоденежным классам общества. Право расслабляться здесь имеют только богатые торговцы и знатные горожане. И судя по виду вышибалы, он своим наметанным глазом, причислял Улууна как раз таки к неплатёжеспособному слою населения.

Разумеется никакого пропуска у него не было и в помине и впускать значит никто не собирается.

Тогда Улуун решил упомянуть имя того самого ветерана из Третьего Управления, назначившего ему встречу в столь охраняемом месте.

— Вы знаете внутри меня ждёт уважаемый Васур-Ла, он назначил мне встречу здесь, вам должно быть знакомо данное имя?

Вышибала на мгновение задумался напрягая все свои извилины и припоминая все имена известные ему из здешних посетителей. Но факт в том, что члены этого кружка по

интересам, являлись анонимными и имён никто не знал. Ещё бы чуть-чуть и от перегрева у вышибалы лопнула бы голова, но на его счастье сверху вдруг отворилась створка окна и сверкнула чья-то загорелая лысина.

— Аааа, Улуун-Ла, должно быть это вы, признаться я вас уже заждался.

Улуун поднял взгляд вверх и увидел широкое и красное от загара лицо, сверкающее белоснежной улыбкой. Совершенно лысая голова создавала странное впечатление, лишённое напрочь даже бровей и ресниц.

— Эй, ты амбал, быстро впусти моего друга! — и вновь лысая голова сменив командный тон на дружелюбный голос продолжила, — Поднимайтесь сюда Улуун-Ла, я жду вас здесь, — и она так же неожиданно исчезла внутри здания, как и появилась до этого.

Мордovorот у дверей отошёл в сторону и даже открыл перед Улууном дверь, пропустив его внутрь заведения. Внутри царил полумрак и пахло благовониями. Глаза магического ловчего ещё не успели привыкнуть к темноте, как его со всех сторон обступили соблазнительные женские тела, словно хищники поджидающие свою жертву в тени деревьев. Они начали дерзко ласкать и гладить его в самых сокровенных местах, отчего он даже несколько опешил и не знал, что предпринять по такому случаю, сопротивляться или поддаться искушению.

— Отойдите негодницы, не видите что ли, это мой друг и он пришел ко мне, — снова прозвучал голос Васур-Ла сверху.

Его фигура стояла оперевшись на лестничные перила второго этажа. Его лысина и широкая улыбка на неясном лице, сверкали при свете красных фонарей.

— Прошу вас Улуун-Ла простить этих обольстительных кошечек, они всего лишь исполняют предписания госпожи Сунь-Вынь, — лицо ветерана засияло в полумраке, затем он обратился к женщине в красной одежде, — Госпожа Сунь-Вынь, будьте любезны принести в мою комнату чай и угощения для нашего гостя.

Затем махнул ему рукой и не дожидаясь его, проследовал в свою комнату в дальнем конце коридора на втором этаже. Женщина в длинном красном платье и чёрными как смоль волосами, собранными в высокую причёску, сложила руки на груди в знак приветствия и молча кивнула. И так же молча не говоря ни слова скрылась где-то в неосвещаемых глубинах залы.

Наконец глаза Улууна привыкли к полутьме, слегка освещаемого свечами за красными бумажными абажурами. От этого вокруг создавалась интимная атмосфера таинственности и загадочности. Девушки окружавшие его, тот час же потеряли интерес к его персоне и рассыпались по своим местам, ожидая очередного клиента заведения.

В слабом освещении он увидел восседающего на кресле мужчину в маске, тот не обращал на него внимания, сосредоточив свой взгляд на юной особе, удобно устроившейся на его коленях. При более внимательном осмотре вокруг, можно было обнаружить похожую картину по всему первому этажу. Вся разница представлялась лишь в количестве девушек, окружавших того или иного посетителя Дома Наслаждений. Но он пришел сюда не для того, что бы наслаждаться обществом любвеобильных красоток. У него нет времени на развлечения и Улуун поспешил подняться по лестнице.

Старые ступеньки деревянной лестницы скрипели под шагами магического ловчего. Поднявшись на второй этаж он понял, что скрип раздается не только из-под половиц под его ногами. Равномерный скрип слышался также из небольших комнат, в которых роль дверей исполняли шелковые занавески, неплотно задернутые у входа. Хоть он и не смотрел

специально, но в просветах ткани смутно виднелись очертания извивающихся тел, сплетённых воедино в порыве страсти. И пока он шёл по направлению к комнате своего информатора, уже успел наслушаться сладострастных стонов и вздохов: женщин и мужчин, сливающихся в один сводящий с ума хор голосов. И уже сторел бы от вожделения еще не дойдя до конца коридора, если бы в школе их не обучали контролю и усмирению своих чувств. Ну и местечко выбрал этот старик пенсионер для проведения тайной встречи.

Он постучал в дверь комнаты арендуемой Васур-Ла, она оказалась не заперта и Улуун отворив её вошёл внутрь. В ноздри тут же ударил характерный приторный запах истлевших кусочков «моми». Как нигде в мире именно здесь, останки соскребаемые с ископаемых мумий, пользовались большой популярностью. Контрабандный товар продаваемый на чёрном рынке за огромные деньги.

Существовали целые кланы сколотившие себе состояние на разграблении древних захоронений и продаже останков, принадлежащих неизвестной допотопной культуре. Искатели древних курганов постоянно конкурировали между собой. И в связи с уменьшением доступных захоронений, претензии друг к другу заканчивающиеся смертельным исходом, все чаще и чаще попадали в своды хроник Третьего Управления.

Соответственно ценность на «моми» росла в геометрической прогрессии. Самая высокая стоимость на него установилась на западе, куда «моми» попадал вместе с восточными караванами. Где цена на него подскакивала просто до неприличия и была по карману лишь самым богатым и обеспеченным людям. Несмотря на строгий запрет раскопок и тем более вывоза останков за пределы долины Ланг, тем не менее многие мужчины промышляли разграблением древних курганов. За это полагалась смертная казнь. Но та высокая цена, за которую продавался «моми», толкала многих смельчаков живущих за чертой бедности, идти на риск стремясь прокормить свои семьи.

Стало быть отставной ветеран живёт на широкую ногу, раз может не только снимать номер-люкс в лучшем публичном доме, но и позволить себе дорогостоящий и контрабандный товар для своего собственного удовольствия.

Васур-Ла сидел на кресле с высокой спинкой, расположившись у дальней стены напротив окна. Темно-красная штора трепетала и надувалась от ветра, дующего из открытого окна, напоминая собой стяг королевского рода Цан-По, установившей в стране власть диктатуры и насилия. Но даже они дрожали и теряли дар речи, при одном лишь упоминании об обитателях Чёрного монастыря. Разговоры о них среди местного населения строго карались, может от того, что монаршеская семья не хотела терять свой авторитет. А может они настолько их боялись, что всяческое напоминание о Чёрном монастыре вызывало у них приступы панического страха. Получалась забавная ситуация, что люди утопившие страну в крови и держащие своих подданных в ежовых рукавицах, так же были подвержены страху, как и простолюдины. Возможно даже больше, так как последним обычно нечего терять, в отличие от первых.

Честно говоря Улуун Сагкх даже не знал, живут ли здешние люди более свободно, чем обитатели его родной долины, по ту сторону горного хребта. Вся разница заключалась лишь в большей доступности цивилизации и сопутствующим ей благам. А люди что там, что здесь всё также жили под игом тиранов и самодуров.

Васур-Ла молча кивнул ему на соседнее кресло приглашая присесть. Он уже успел набить трубку и не спеша пускал порции сладковатого дыма, направив взор на снежные вершины, проглядывающие из окна сквозь развевающие шторы.

— Присаживайтесь Улуун-Ла, разговор предстоит долгий, — ветеран вновь затянулся из трубки и предложил, — Не хотите ли покурить прах мертвецов?

Приставка «Ла» являлась традиционным жестом уважительного обращения к собеседнику в здешних землях. И знатные свободные граждане обращались между собой, не иначе как добавляя в конце имени слово «Ла», что примерно означало «Приближенный к Небу». Может быть, таким образом стараясь польстить самолюбию собеседника, причисляя его к небожителям прошлого.

— Нет, спасибо, вынужден отказаться, — Улуун улыбнувшись отмахнулся рукой, присаживаясь в удобное кресло, — Я слышал от них люди дуреют и совершают странные поступки.

— Ну что же как хотите, мое дело предложить, — Васур-Ла не рассчитал порцию вдыхаемого дыма и закашлялся, — Кх, кх, кх... прошу прощения, — наконец приведя дыхание в норму он продолжил, — Но не так страшны курильщики мертвой плоти, как те кто её поедает.

Ему не хотелось вести беседу о сумасшедших поедателях мумифицированных тел, поэтому он поспешил перейти к делу, по которому собственно и явился в это гнездо разврата.

— Мне сказали, что у вас имеются сведения о некоем диком маге, чьи действия обеспокоили многих граждан города.

Глаза Васур-Ла загорелись, кажется ему есть что поведать и Улуун приготовился слушать.

Глава 15 Львы и Шакалы

И теперь у меня всего одна возможность, найти того самого воришку в толпе и вытрясти из него все свои деньги. Но скорее всего не сегодня, ведь в кошеле Хэиба монет очень много. И будь я на месте воришки и сорви такой куш, точно не стал бы светиться на площади. А скорее убежал бы подальше, праздновать удачу в более безопасном месте.

Вероятность встретить его гуляя по узким улицам города, так же минимальна, как встретить девственницу в квартале красных фонарей. Теоретически возможно, но сложно выполнимо проще говоря. Самая большая концентрация людей именно здесь, на рыночной площади, где кипит жизнь. А значит рано или поздно он должен объявиться. Таким образом я решил набраться терпения и выждать время. Как говорил дедушка, тот кто терпелив и ждёт момента, подобно леопарду затаившись в ветвях, всегда достигнет своей задачи.

Я внимательно осмотрелся вокруг, на восточной стороне площади возвышались полуразрушенные стены, выложенные из неровных камней. С одного конца она была более развалившейся и давала возможность взобраться по ней, как по импровизированной лестнице. Рассудив, что оттуда будет легче наблюдать, я медленно пошёл к ней, ведь сегодня мне уже некуда спешить. К тому же стоило поберечь силы, ведь я по-прежнему был голоден и ничего не ел со вчерашнего вечера. Алиф по дружески разделил со мной пищу, оставшуюся после нашего побега.

Мысль о том что бы незаметно украсть с прилавков что-либо из еды не давала мне покоя. Раз уж я теперь обворован, то почему бы и мне не сделать то же самое, но только по отношению к другим. Из размышлений меня вывел чей-то гневный окрик.

Торговец возле чьей телеги я рискнул остановиться в раздумьях гневно смотрел на меня. — Что стоишь? Не собираешься покупать, так вали отсюда, — толстяк с крючковатым носом, эмоционально взмахивал руками, — Только людям мешаешь. Или ты щенок, замыслил что-то украсть у меня?! Я сейчас стражу позову!

Я ему ничего не ответил, должно быть своими мыслями я слишком выдавал свои намерения. И поспешил удалиться, пока действительно не пришла стража. Ведь я итак в розыске и привлекать к себе лишнее внимание мне ни к чему. Если бы меня поймали на воровстве, то кто знает, может быть люди Солтана уже осведомлены о моём побеге, когда я навещал своего отца в тот день.

«Медленно, но верно я выудил воспоминания своей второй личности. Надо же как были похожи наши с ним судьбы. Мальчишки школьника родившегося в 21 веке и подростка-пастуха, выросшего в пустыне в древние времена. Я так и не смог определить в какой век я попал.»

В тот день, когда ему исполнилось пятнадцать лет, его мать рассказала ему о его отце. Он был из племени „синелицых“, чьи представители слыли самыми известными воинами во всей округе. Если быть точнее, то никто не знал откуда они появились в здешних краях. По рассказам старожиллов племени Асифа, впервые их заметили после того, как дошли слухи о восстаниях в Империи.

И вот в тот самый день, когда Асиф узнал правду о своём отце, он отправился на его поиски. Вот с того самого момента, как он нашёл его и начинается вся история Асифа. Полная приключений и путешествий, приведя его и меня в этот город Сукульнес. Где он теперь сидя, на вершине полуразвалившейся стены, выискивает в толпе воришку,

умыкнувшего у него кошель с золотыми.»

Сколько бы я не вглядывался в массу людей копошащихся внизу, мне так и не удалось заметить вихрастую голову в пёстрой шапочке, посмевшей украсть у меня все деньги. Тем временем солнце уже взошло, осветило своими лучами всю площадь и народ начал расходиться. Сперва рассеялись покупатели, а затем стали сворачиваться и торговцы. Они собирали свои товары, не успев продать их до полудня и гремя колесами по мостовой, исчезали в многочисленных проулках, отходящих от площади во всех направлениях.

Это огорчило меня, обозначая то, что попытки найти воришку на сегодня закончены. Наверняка он уже пирует и где-то отмечает свой сегодняшний богатый улов. С этими мыслями я вновь погрузился в воспоминания Асифа.

«По словам его матери он знал, что «синелицых» практически уже давно не осталось никого в живых. Последние из них оказались истреблены, по указанию нового правителя и оставшиеся в живых теперь скрывались от власти. Никто не знал откуда они появились, ещё в те давние времена после падения Империи, когда произошло великое переселение народов. Везде разгорались пожары и вспыхивали войны между родственными народами. И многие из них, спасаясь от царившего ужаса, бежали туда, где на закате дня садиться солнце. И дойдя до самого края земли у моря, либо оставались здесь, либо строили корабли и уплывали ещё дальше в неизвестность.

И все те племена в число которых входило и племя Асифа, являлись такими беженцами, изгнанными из своих же городов. Выбравшие путь вечно скитающихся по бескрайним пескам кочевников. Пустыня была большая и в ней всем хватало места, в то время как в их родных городах царила власть перевернувших мир с ног на голову.

Раньше, когда «синелицые» считались более многочисленными, они убивали любого, кто по неосторожности обнаруживал их место обитания. Всё-таки за них назначена огромная награда. Поэтому было бы неразумно отпускать такого путника, осведомленного об их присутствии в этом месте. Ведь если бедолага решил бы получить свою награду, на которую мог бы жить безбедно до конца жизни, то по следам «синелицых» тут же направлялись отряды карателей.

Так что никто не знал, где они живут на самом деле и никто не стремился их намеренно искать, зная об их славе не оставлять свидетелей своего существования. Но теперь он точно знал, где находится его отец. Одна из пещер к востоку, в трёх днях пути пешком от их стойбища. Его отец вёл отшельническую жизнь, скрывая своё истинное лицо и маскируясь под не мирского человека.

Асиф вошёл под свод пещеры, повсюду валялись разбитые горшки и пустые амфоры из-под дихь.

— Отец, это я Асиф! — крикнул он в уходящую вглубь пещеры темноту. Никто не отвечал и он прошёл ещё дальше, разбитые черепки громко хрустели под ногами.

Внезапно чьи-то сильные и крепкие руки схватили его, а на своей шее он ощутил холод прижатого к горлу лезвия.

— А ну признавайся, кто тебя подослал, — прохрипел сзади пропитый голос и сильнее вжал лезвие, — Ты здесь один или ещё кто-то есть?

— Я ищу своего отца, меня зовут Асиф, — испуганно затараторил он, — И моя мать сказала, что я могу найти его здесь в этой пещере.

— Хмм! Асиф, Асиф, — будто пытался вспомнить, тот кто схватил его, — Аааа, ну да,

мы с твоей мамой назвали тебя так, когда бежали из города, — наконец то он отпустил его.

Асиф потёр чуть порезанную шею и оглянулся назад. Перед ним стоял мужчина среднего роста с осунувшимся лицом, его длинные и спутанные косматые волосы свисали с головы. В своих коротких мощных и толстых руках, покрытых буграми мышц, он держал тот самый шамшир, который позже подарит ему. Каждый его кулак был размером с голову Асифа и напоминали собой кузнечный молот. Он улыбнулся и на мгновение в его тусклых глазах блеснул огонёк.

— Давно я тебя не видел, прошло уже десять лет с тех пор, — он оглянул Асифа с ног до головы, — Посмотри только, весь в отца вырос. Но я должен тебе кое-что сказать...

Асиф очень плохо помнил своего отца, последнее воспоминание связанное с ним то, как он нёс его ребенком, усадив на свои могучие плечи. Тогда от долгой ходьбы у Асифа устали ноги и он больше не мог идти.

— Значит тебе уже исполнилось пятнадцать лет, — от отца разило перегаром, — подумать только как быстро летит время.

— Да, и моя мать сказала, что у тебя есть кое-что сказать мне, — Асиф представлял себе увидеть его совершенно другим, таким же сильным и крепким, как и прежде, — Сказала, что ты вручишь мне на день рождения особый подарок и ещё я хотел тебя увидеть, после стольких лет разлуки.

— Да, конечно Асиф, я помню про этот уговор, — по его морщинистым щекам текли слёзы, он похлопал себя по карманам, — Вот перстень, это твой подарок, — сказал он доставая его, — Я хранил его всё это время для тебя.

— Почему ты оставил нас отец? — спросил Асиф.

— Так надо было Асиф, вынужденная необходимость для вашей же безопасности, — он пригубил из бурдюка и продолжил, — К тому же тебя зовут не Асиф.

— Это не моё настоящее имя?

— Мы назвали тебя так, что бы скрыть твоё настоящее имя и никто не нашёл тебя, — после некоторой паузы он добавил, — Асиф, я должен тебе кое-что сказать, — он тяжело вздохнул, — Мы не могли сказать тебе раньше, потому что это подвергло бы твою жизнь опасности...

У входа послышался треск глиняных черепков, отец Асифа молниеносно выхватил свою саблю из ножен и развернулся. Выглянув из-за его спины Асиф увидел пять фигур, они заслонили свет, проникающий снаружи в пещеру.

— Так, так, — гнусным голосом произнесла одна из фигур, — мы столько за тобой охотились и наконец-то нашли.

— Вам нужен только я, — весело усмехнулся отец Асифа и обернувшись подмигнул ему.

— Ну этого мальчика мы может быть и не тронем, — промолвила фигура.

Скорее всего говорящий и есть самый главный, все остальные стояли с оружием наготове.

— Да, не трогайте его и я обещаю, что сдамся вам, — он опустил саблю вниз, — Это всего лишь деревенский мальчишка, он приносил мне еду.

Все пятеро переглянулись между собой и заерзали, они никак не ожидали, что «синелицый» вдруг сдастся им без боя.

— Вот смотрите я даже уберу оружие, — он вложил шамшир в ножны, а затем обернувшись передал его Асифу и спросил шепотом, что бы они не услышали, — Ты умеешь

драться?

Асиф незаметно кивнул и принял у него из рук оружие.

— Ну, подойдите и свяжите меня, — он протянул свои мощные руки вперёд, сложив кулаки вместе, — Или вы боитесь даже безоружного «синелицего»?

Четверо робко шагнули вперёд, оцетинившись своими саблями и выставив их вперёд.

— Ну-ка свяжи его, — кивнул главный одному из своих солдат, тот достал веревку и с опасением, не отрывая глаз шагнул вперёд.

Когда он уже готов был наложить верёвку, на сложенные и вытянутые руки «синелицего». Тот вдруг резко и неожиданно для его комплекции, схватил солдата за руки и провернувшись вокруг своей оси, увлёк его за собой и швырнул, словно молот в Солтанских солдат, стоящих ошалело разинув рты. Пока они все смешались в кучу и пытались встать, отец обернулся и крикнул Асифу.

— Беги! И не оборачивайся! Беги, что есть силы, а я с ними справлюсь. Я выполнил свой долг и умру достойно в бою.

Асиф некоторое время колебался и тогда отец схватил его в охапку и просто перешвырнул через солдат, по-прежнему дезориентированных и суматошно пытающихся встать. Асиф сжимая в руках шамшир приземлился на пол пещеры и кубарем покатился по черепкам. Когда он наконец сумел встать на ноги, между ним и отцом уже стояли солдаты, четверо из них кинулись с оружием на его отца.

Всё это происходило за какие-то мгновения, но Асифу они показались вечностью. Он видел как его безоружный отец расшвыривал солдат как шакалов, напавших на льва, но те снова вставали и атаковали его. Асиф заметил, как позади него свет перекрыла тень, он обернулся — шестой солдат, что стоял у входа, привлеченный шумом бежал сюда.

— Схватить мальчишку! — проорал главный не рискуя нападать на «синелицего», он видел как его собственные солдаты бессильны даже против безоружного.

— Беги же! Беги отсюда! Приказываю тебе! — прокричал охрипшим голосом его отец, в очередной раз отбивший атаку псов Солтана.

Главный направился по направлению к Асифу, с целью не дать ему сбежать, солдат у входа принял боевую стойку и угрожающе шёл к нему навстречу. Асиф не смел послушаться отца, он стремглав помчался на солдата и когда тот уже замахнулся, что бы произвести удар, его сабля со звоном ударилась о потолок низкой пещеры. Этого секундного замешательства хватило и Асиф не снижая скорости, резко проскользнул у него между ног, попутно полоснув лезвием шамшира по ногам. Солдат взвыл, выронил саблю из рук, схватился за промежность и стал кататься по полу усыпанному черепками. Тёмно-красная кровь фонтаном била сквозь его пальцы орошая потолок и стены.

— Ах, ты чертово отродье! — взревел командующий и уже готовился нанести колющий удар, как поскользнулся на луже крови и упал на раненого солдата, от чего тот хрустнул и взвыл ещё сильнее.

Сабля командира со звоном высекала искры в каких то сантиметрах от головы Асифа. Главнокомандующий всё ещё лежал чертыхаясь, когда Асиф встал и последний раз оглянулся назад.

Перед его глазами предстала ужасная картина, его отец побежден, четверо псов остервенело кромсали и тыкали саблями фигуру, вздрагивающую при каждом ударе. На его глазах навернулись слёзы и он побежал прочь, не в силах вынести этого зрелища. Он бежал изо всех сил и ревел, бежал настолько быстро насколько позволяли ему его ноги. Его слёзы

разлетались по щекам от ветра, а сзади слышался топот погони. Он бежал не разбирая дороги просто вперёд, слезы застилали ему глаза. Пока он не обнаружил, что бежать некуда, перед ним простирался глубокий и крутой обрыв.

Шум догоняющего уже близок, и юноша едва успел обернуться. Главнокомандующий Солтанских псов уже заносил саблю для удара. Асиф едва успел выставить свой шамшир и отразить атаку. Завязалась борьба и последнее, что он помнил то, как его нога скользнула в пустоту. Падая назад, он успел схватить своего врага за одежду, и они вместе полетели вниз. А затем его без сознания нашли и подобрала караванчики."

Глава 16 Яблоко от яблони

Пока я в размышлениях сидел на стене, то и не заметил, как на опустевшую площадь начали прибывать новые люди. Те места, где раньше стояли телеги торговцев фруктами, рыбой и мясом, занимали воины при оружии. Не то что бы они выглядели как солдаты или войско, скорее наемники, всем своим видом напоминаящие пиратов и разбойников. Вскоре со стороны порта потянулись многочисленные шеренги людей, закованных в единые цепи, соединенные на шеях. На их руках и ногах я также заметил кандалы с цепями.

Невольники и пленники, захваченные пиратами на северных берегах моря Мальх. Обычные крестьяне и рыбаки, не сумевшие или не пожелавшие убежать, во время одного из налётов на прибрежные деревни и городки. Среди них к тому же виднелись и кочевники из пустынных племён, а также народы южных пределов. В начале и конце каждой колонны рабов, шли вооруженные наёмники и концы цепей прикреплялись к их поясам, не давая пленным возможности сбежать.

Выглядели они жалко, одетые в разорванные и грязные одежды, многие из них хромали, ступая босыми ногами по раскалённой от полуденного зноя мостовой. По сравнению со своими надзирателями — огромного роста и силы, пленные выглядели невзрачными и маленькими.

«Я никогда прежде не видел таких больших и сильных воинов, как если бы они принадлежали к другому подвиду человека. Кажется в школе, в учебниках по истории, их причисляли к некой ветви приматообразных обезьян, не доживших до нашей современности. По крайней мере по картинкам они были очень похожи на них.»

На их грубых лицах с выпирающими челюстями и покатыми лбами, не проявлялось ни капли сострадания, когда они со свистом обрушивали свои хлысты, на спины не слишком расторопных пленных. Они выглядели слишком сильными, для того чтобы оказать им хоть какое-то сопротивление, несмотря на их численное меньшинство. К тому же большинство пленных представляли собой женщин и детей, с очень малым количеством мужчин. Да и те выглядели ранеными и не способными к ведению боя. Ужасная и неприятно бесчеловечная картина разыгралась на площади города Сукильнес.

Солнце нависло в зените, желтым диском над башней с купольной крышей, от чего она бросала длинную тень по центру торговой площади. Я почувствовал себя неуютно и поспешил укрыться за ветвями старого оливкового дерева, чьи раскидистые ветви нависли над частью стены. За густой листвой я был незаметен, но всё происходящее на площади, видел как на ладони. Когда всё свободное пространство заполнилось рядами невольников и их надсмотрщиков, в нижней части башни отворились ворота. Сначала оттуда вышли воины вооруженные щитами с длинными копьями и выстроились в коридор из двух шеренг.

Затем появились троё человек. Впереди выступал широкий и невысокого роста жирдяй в богато украшенной одежде. Не совсем понятно, как его толщина могла превышать его длину и со стены он мне больше казался шаром на ножках. С трудом переваливаясь из стороны в сторону, на своих коротких ногах, жирдяй прошёл десяток шагов и остановился, что бы вытереть пот со лба.

За ним выкатился такой же шар, только меньших масштабов, судя по всему — его сын. Так как выглядел он почти также. Разве что, только более резвый и подвижный.

Замыкал всю эту процессию сухонький и сторбленный мужчина с залысиной.

Подмышкой он зажимал большую книгу, в кожаном переплёте и с металлическими уголками. А под другой подмышкой такие же большие деревянные счёты. Скорее всего казначей или бухгалтер, ведущий записи расхода и прихода.

Воины с копьями двигались в такт с этой тройкой, постоянно обеспечивая безопасный коридор между ними и пленниками. Отсюда я слышал только обрывки фраз, но прекрасно видел, как тройка методично прохаживалась от одного ряда пленных к другим. Толстяк то и дело размахивал руками и шлёпал своими толстыми губами, судя по всему давая какие-то указания.

А его маленькая копия, сновала туда-сюда вокруг да около, и повторяла то же самое. Сгорбленный мужчина лишь кивал головой, вёл подсчёты и что-то записывал в большую книгу. Всех тех невольников, на кого они указывали своими толстыми пальцами, тут же уводили куда-то в неизвестном направлении, через узкие улочки отходящие от площади. Но в любом случае их участи можно было только посочувствовать. Вряд ли их повели отмывать в бывших имперских банях и кормить деликатесами с господского стола.

Постепенно они приближались всё ближе и ближе к рядам пленных, ожидающих своей участи у старой стены, на которой я спрятался. Я смог разглядеть важного господина получше: большой мясистый нос обрамлял его рыхлое лицо, с взглядом тупых по рыби выпученных глаза из-под нависших век.

И когда они в очередной раз остановились перед заинтересовавшими их невольниками, ветер донёс до меня их разговор.

— Ну, папа! Ну купи мне новую игрушку! — канючил мелкий пацан, дёргая отца за непомерно длинный рукав свисающий до земли.

— Кудафс тсебе ноффую игрусффку, — отмахнулся руками толстяк с трудом дотягиваясь до своего лба платком, а затем выжав его от пота на мостовую, — Ифсщё фстарая фсойдет.

— Ну я хочу новую и белую, а то старая уже плохо играет со мной, — не унимался мальчик.

На вид он выглядел младше меня, с головой напоминающую большую круглую тыкву вставленную на узкие плечи. Я старался не издавать ни звука из своего укрытия и мои ноги уже затекли находиться в одном положении. Ещё немного и я упаду прямо на эту раздутую жабу в дорогих одеждах. Наверняка ведь даже по нужде не может сходить из-за такого живота и таких коротких рук.

— Нфу латно, фсыбирай, — утомлённо прошлёпал варениками пузан, сдавшись под натиском своего отпрыска.

Мальчишка тут же обрадовался и кинулся щупать своими толстыми пальцами полуголых девушек, порой трогая их за самые неожиданные места. Пока наконец-то не остановил свой выбор на одной из них и довольно посмотрел на отца. Тот молча кивнул, а писарь тут же записал расходы, озвученные работорговцем за невольницу.

— Ну ффсё, я уфстал, — прошепелявил толстяк махнув рукой и пошёл по направлению к башне. Вслед за ним подпрыгивая от радости шёл его сын, ведя на цепи свою новую игрушку.

Воины двинулись вслед за ними и вскоре, после исчезновения последнего из них внутри башни, ворота захлопнулись. Непрístupная крепость, лучшее жилище для тирана, опасавшегося за свою шкуру. Наверняка они выходят только, когда прибывают новые партии пленников с кораблей и галер работорговцев.

Недолго погода на площади появились новые покупатели. Они пришли из глубин города. Смотрелись они не столь колоритно и богато, как покупатели из башни. Богачи и господа более мелкого пошиба, но все как один, лишь немного не дотягивали по толщине до городского правителя. За недолгое время всех невольников разобрали, за исключением некоторых, показавшихся им слишком большими или непригодными. Всех, кого не купили, работорговцы свели в одну кучу и погнали в направлении одной из крепостей над заливом.

Наконец убедившись, что больше никого не осталось, я осторожно спрыгнул со стены. Солнце уже близилось к закату и надо успеть пока светло. Так как ещё до полудня, я успел заметить, как в одном из углов площади, торговцы скинули перезрелые и подгнившие фрукты. Есть хотелось очень сильно и я ещё днём собирался пойти туда. Если бы мне не пришлось наблюдать за торговлей живыми игрушками.

Осторожно пробравшись к куче я принялся выбирать, что-то пригодное и съедобное, как услышал чей-то старческий голос. Испуганно оглянувшись я увидел неподалёку от себя старика сидящего на земле. Он был до того незаметен за обломками камней, что мне не сразу удалось определить откуда исходит голос.

— Напрасно ищешь молодой человек. Там уже ничего не осталось, ты же не думаешь, будто о них знал только ты, — усмехнулся старик, — Тут до тебя уже побывали другие страждущие и голодные.

Старик смотрел прямо перед собой и даже не взглянул на меня. Из-за куска обвалившейся стены я видел лишь его верхнюю половину.

— Но если ты подойдешь, то я смогу поделиться с тобой, тем что я успел выбрать из кучи.

— Кто ты? — спросил я настороженно и несколько раз огляделся по сторонам.

— Кх-кхе-кхее! — засмеялся старик обнажив беззубые дёсны, — Я правитель этого города, юноша, — прошамкал он по-прежнему не глядя на меня.

Ну вот ещё сумасшедшего бездомного мне тут не хватало, пронеслось у меня в голове. Что это за город такой, ничего позитивного за последнее время, просто какой-то затянувшийся кошмарный сон. Но в куче действительно не осталось ничего, кроме полностью сгнивших остатков. Так что я решил подойти к старику, раз уж он так настойчиво приглашает.

Как только я обогнул завалы камней, мне удалось увидеть его полностью. Вернее половину старика, так как у него не было ног до самых колен. И он сидел на самодельной тележке с приделанными к ней деревянными колесиками. Выглядел он очень худым и сморщенным, словно все страдания и тяготы его жизни отпечатались на его лице.

— Должно быть ты не веришь мне? — спросил он и наконец посмотрел в мою сторону.

Посмотрел это сильно сказано, так как смотреть ему было нечем. На месте его глазниц зияли заросшие шрамы, старик оказался полностью слепым.

— Возьми, не бойся, — улыбнулся он протягивая фрукты в своих засохших и скрюченных руках.

— Я бы взял, но мне стыдно брать у вас, мне нечем вам заплатить, — попытался отказаться я.

— Кхе-кхее! Ты молод, а я стар, мне много не нужно. Да и зачем старику твои деньги, — он всё также держал протянутую руку с фруктами, — Просто поговори со мной, это и будет твоей платой. Ведь уже давно никто не разговаривал со стариной Аэйли.

Я подумал, что он так и будет держать свою протянутую руку. И я не стал утомлять

старика, взяв у него еду с ладоней.

— Ты сказал, что ты правитель этого города, наверное ты пошутил? — спросил я, пытаясь поддержать разговор со стариком.

— Нет, я не шутил, — он вновь улыбнулся, — Я действительно являлся правителем этого города, — затем выждав паузу добавил, — Если хочешь, я могу рассказать тебе свою историю.

Глава 17 Благородство «Благородных»

История старика Айэли из касты Высокорожденных, рассказанной Асифу на площади города работорговцев.

«Когда-то я полноправно жил и царствовал в данном городе. И в тот период он не являлся гнездом работорговцев, пиратов и разбойников. То были славные времена, когда люди не знали вражды между собой, все жили в мире и согласии. Я же справедливо вершил свой суд в спорах и распрях, даже по самым неразрешимым вопросам.»

Как-то ко мне пришли два брата и попросили рассудить их, по вопросу земли полученной ими в наследство. Каждый из них опасался, что один у другого при делёжке, заберёт себе лучшую и более плодородную часть земли. И тогда я сказал им, пусть один из братьев разделить землю ровно пополам. А второй из братьев получит право, первым выбрать себе свою половину из этих поделённых земель. Надо ли говорить, что первый брат справедливо поделил её, ведь тогда второй брат в любом случае выбрал бы более хорошую часть земли.»

А сейчас, те кто находятся у власти, они любят говорить о себе другим, будто они томилась у нас в качестве рабов и служили нам. Но на самом деле они занимали социальную нишу вполне заслуженную их поступками. Они представители низших слоев из числа «неприкасаемых».

Высокородным запрещалось к ним даже прикасаться, а не то, чтобы разговаривать с ними. Своими греховными помыслами и действиями они могли осквернить тех, кто соблюдал высокие моральные принципы и поэтому заслуженно занимали высокие посты во главе народа. Как тебе уже известно, я как раз один из Высокорожденных, именовавшихся в то время «Благородными».

Нам запрещалось проливать любую кровь, даже если это кровь животных. Также под запретом была и мясная пища, ибо она считалась оскверненной. Отведав её мы рисковали стать такими же как «неприкасаемые», подверженные своим животным страстям, пагубным привычкам и велениям похоти. Крайний аскетизм и умеренность во всём, всегда представлялись нашими основополагающими принципами. Будь то в еде, развлечениях или любовных утехах, везде требовалось соблюдать чувство меры.

Мы жили в крайне справедливом обществе, поскольку пути вверх нет, если ты не смог побороть свою животную сущность. Ведь чем больше богатств и власти, тем сильнее соблазны утолить свои инстинкты, невзирая на нужды других. Так что любой находящийся на низших ступенях, должен был тяжело и много трудиться. Для того чтобы через страдания своего животного тела, преодолеть себя и взрастить в себе человеческие качества.

Но как мы оказались наивны, слепо полагая, будто всё будет так же, как нам завещали наши отцы, а им в свою очередь завещали их отцы. Пока не осознали, как «неприкасаемые» недовольные тем, что им не дают возможности владеть властью утолять их животные потребности, решились поднять бунт. И у них ничего не получилось бы, если бы им не оказали помощь со стороны. Так называемые рабы, захватившие трон в столице, перерезали всю высшую знать и устроили погромы по всему граду. Началась междоусобная война, и никто не знал с кем воюет, казалось словно все против всех.

Вскоре пожар гражданской войны охватил и все остальные города Империи, включая и

наш город, называвшийся в ту пору иначе. Ещё вчерашние «животные» врывались в дома «Благородных», разбивали камнями головы своим благодетелям, хватали и насиловали женщин всех возрастов. Грабили, воровали и убивали, будто звери обезумевшие от рек пролитой крови. Дорвавшиеся до власти проходимцы объявляли себя новыми правителями и хозяевами здешних земель, создавая условия ещё более невыносимые, для тех кто вдруг оказался в самом низу социума.

Став новыми хозяевами, они издавали новые законы и проводили чудовищную политику геноцида. Получалась забавная ситуация, что бывшие «изгои», принадлежавшие к низшим слоям отверженных в силу своего происхождения, оказались ещё более жестокими и бесчеловечными по отношению к тем, кто прежде значился выше их «по линии крови». Больше всего они ненавидели высшие касты, поскольку в отличие от них, они представляли собой ум и образованность, продвигая науку и просвещение в массы.

Низшие касты никогда не стремились развиваться и лютой звериной злобой ненавидели тех, кто по их мнению незаслуженно потребляет все блага жизни, а самих заставляют горбатиться на тяжелых работах. Не понимая, что всё это для их же блага, для возвеличивания их духа через физический труд. Как писалось в наших священных книгах, так называемое «умерщвление плоти во благо духа.»

Охваченные ужасом жители городов бежали прочь, спасая свои жизни и жизни своих родных. Теперь все они известны как племена Пустынников, ведущие кочевую жизнь в бескрайних песках. Я стар и слеп, но я чувствую, ты как раз один из них. От тебя веет свободой и ветром пустынь, иначе зачем тебе побираться тут, выискивая гнилые фрукты из кучи. Ведь известно, что псы служащие свиньям, всегда живут в достатке и сытости.

Как законный правитель города, я не мог бежать из него. Такой поступок лёг бы пятном бесчестья на меня и моих воинов, защищавших город вместе со мной. В отличие от меня они не были связаны обетами и могли применять насилие в случае нужды. Но силы оказались неравны, противников оказалось слишком много. К тому же в последний момент, когда мы уже были уверены в своей победе и в том, что мятеж будет подавлен. К ним на помощь пришли орды косматых дикарей-наёмников, прежде обитавших на побережьях озера Расса и промышлявших разбоем и грабежом. Обладающие великой физической силой, но очень малым умом и мудростью.

Тогда мы и поняли, что «неприкасаемые» никак не могли сами устроить переворот. Они слишком глупы и недалёкие, что бы справиться со всей организацией бунта. Кто-то очень хитрый и подлый использовал их как орудие. Прикрываясь за их спинами как за щитами, выставив их «козлами отпущения», на которых возляжет вся кармическая тяжесть вины.

Башня, что ты видишь здесь на площади, была взята — последний рубеж обороны пройден, а значит пал и город. Мои воины сражались до последнего вздоха и последней капли крови, и это означало лучший исход для них. Поскольку всех, кому не повезло погибнуть в бою, ждала ужасная участь и мне пришлось лицезреть её своими глазами. Ты ведь видел наверно этих громил с плоскими лбами? Думаешь почему они такие большие и сильные? По их поверьям если одолеть в бою сильных противников, а затем съесть их плоть, то вся их сила перейдёт к ним, и они станут ещё более сильными.

Посмотри на площадь, когда-то она называлась «белой», из-за цвета мрамора выложенного на ней. А теперь в народе её называют «красной». Тела убитых разделялись прямо здесь, разводились большие костры и их зажаривали словно дичь. А затем эти дикари

ели, разрывая плоть тех, кто когда-то считался моими соратниками и приближенными.

Я же не мог ничего поделаться, привязанный к столбу. Ноги мои они отрубали, раскаленными на огне топорами. Они хотели, что бы людоедское зрелище осталось последним, что я увижу на этом белом свете, а затем мне выкололи глаза. И оставили меня в живых, оставив мне память до конца своей жизни о том, как они обошлись с моим народом.

Не все жители захотели уйти в негостеприимную пустыню, часть из них убоялась тягот и лишений в дикой природе. Смалодушничали испугавшись врагов и покорно приняли их правила и даже стали прислуживать своим новым хозяевам. Но как ты понимаешь, большинство населения здесь — это захваченные пленники, среди них мало действующих по своей воле.

Незримые хозяева «неприкасаемых» устроили тут перевалочный пункт, по отлову и накоплению пленных, во множестве пригоняемых сюда ордами дикарей-наёмников. А затем их перевозят на кораблях по ту сторону моря Мальх, где по слухам их сгоняют на стройки фальшивых городов.

Добрые люди сделали для меня эту тележку с колесами и они же меня кормили, не забывая о том, кем я жил в своей прошлой жизни. Я ничего не вижу, но у меня чрезвычайно острый слух и я могу услышать многое. Никто уже не обращает внимания на старого и немощного старика. Очень много лет прошло с тех пор, всё это время я обитал на площади, я не могу никуда уйти.

Но проходят поколения и уже мало кто знает, что раньше жизнь текла иначе. И что принимать нынешнее своё положение, как должное очень неправильное решение. Уже мало кто помнит обо мне и никто не разговаривает со стариком Айэлом. Считая будто я местный сумасшедший, тешащий свою жизнь, рассказами о выдуманных временах. Ведь мне уже очень много лет, не считая того, что я уже давно сбился со счёта на первой сотне."

От рассказа старого нищего у меня пробежали мурашки по спине, когда представил всё то, что происходило здесь. Действительно мраморные плиты уже не белоснежные, в лучах уходящего солнца, они отсвечивали слабо розовым цветом. Об этом я не знал, возможно потому, что бежавшие в пустыню не любили вспоминать такое. А может время и смена поколений стёрла из их памяти травмирующие события прошлого.

— Так что же привело тебя сюда? — неожиданно прервал молчание бывший правитель.

— У меня украли деньги и... и мне нужно отдать их, это не мои деньги вообще-то.

— Кхе-кхее-кхее, — засмеялся Айэл, — не скажу, что я против них, — старик поводит носом словно нюхая воздух, — В этом городе крайне мало честных людей, но я знаю, они приходят со стороны Восточных ворот. Я бы на твоём месте сторожил их там, если ты конечно запомнил воришку.

— Да, я помню этого гадёныша, — прошипел я сжав кулаки и предвкушая месть.

— Ну ладно, пожалуй тебя не должны видеть возле меня, — Айэл развёл руками вокруг, — Это может плохо для тебя кончиться.

Встав со своего места я протянул старику свою руку.

— Благодарю вас благороднейший из благородных, несмотря на тяжесть своего положения, вы по-прежнему остались им.

Старик с уверенностью пожал поданную ему руку. Если бы он мог плакать, то слезы побежали бы по его сморщенным щекам, размывая слои пыли и грязи. Но по иронии судьбы

ему нечем плакать.

Я отметил про себя — бывший царь даже сидя, находится на одном уровне со мной по росту. Наверно он был очень высок, когда ещё имел свои ноги в целости. Распрощавшись с ним я поспешно удалился в темноту узких пропахших мочой улиц.

Надеясь где-нибудь поспать и завтра с самого утра вернуться на свой пост. Та стена, облюбованная мной сегодня в качестве своей наблюдательной позиции, как раз стоит рядом с Восточными воротами. От ворот протянулась одна из четырех широких улиц, уходящих от площади по сторонам. Именно, оттуда должен явиться мой долгожданный и ненаглядный воришка.

Глава 18. Кто съел Богов?

Васур-Ла потянулся и отложил докуренную трубку на низкий столик перед собой. Некоторое время кажется он собирался с мыслями, размышляя с чего начать излагать. Наконец отставной ветеран Третьего Управления протяжно выдохнул:

— Послушайте Улуун-Ла, вы же знаете, я уже давно отслужил свой срок в рядах блюстителей порядка, — Васур-Ла пригладил свою лысину, словно припомнив о чём-то, — Я многое повидал за время своей работы, еще в то время, когда всем происходящим в городе и в округе занималось наше управление.

— Именно поэтому я здесь, — Улуун поправил ткань прикрывающую его лицо, — орден Хранителей Равновесия направил меня сюда, чтобы во всем разобраться.

— Да, конечно же Улуун-Ла, — пенсионер сверкнул всеми своими зубами.

Благодаря лицу абсолютно лишенной какой-либо растительности, улыбка приобретала черты несколько жутковатой гримасы.

Но этот пухленький розовощекий коротыш буквально источал из себя флюиды силы и здоровья. Никогда бы Улуун не подумал, что старики могут иметь вид живчиков такого типа. Неспроста же он тут корни пустил, пожалуй каждый день по несколько девок пробует здесь. Вон как его лицо светится и сияет от счастья, как отполированные яйца горного барса на солнце.

Васур-Ла прокашлялся очищая легкие и продолжил:

— Теперь я очень рад, что контроль за явлениями такого рода передан вашей организации. Как видите, после того как я имел неосторожность вступить в борьбу с одним из диких магов, — старый вояка провел рукой по своему лицу, заостряя внимание на его необычайной гладкости, — Мои волосы так никогда и не выросли, ни ресниц ни бровей. Моя голова гладкая как куриное яйцо.

Хоть комната ветерана и находилась в конце коридора, а окно всегда открыто, до слуха Улууна всё ещё доносились приглушенные стоны удовольствия за дверью. Непонятно как Васур-Ла вообще выдерживает круглосуточно находиться в данном месте.

Кажется Васур-Ла заметил по глазам смущение магического ловчего. Все таки годы работы с преступниками научили его разбираться в психологии людей.

— Хоть ваше лицо всегда закрыто, но ваши глаза выдают вас, — он прищурил свои глаза, радуясь сохранению своих профессиональных навыков, — Это лучшее место для переговоров, посторонний человек здесь всегда заметен, если он пришел сюда за чем-то иным, как не за женской лаской. К тому же трудно подслушать разговор, когда сладострастные крики терзают слух и воспаляют пожаром плоть.

— Признаться честно я восхищаюсь вашим профессионализмом, — Улуун откинулся в кресле, пытаясь расслабиться и сосредоточиться на разговоре, — Много изменилось с тех пор, как мы работали с вами в последний раз.

Тем временем Васур-Ла встал со своего места и пройдя до старинного комода династии Чинь, взял в руки резную шкатулку и вернулся на свое кресло рядом.

— Кхе-кхе, точно. Много воды утекло с тех пор. После того случая меня списали в досрочную пенсию на фоне нервного потрясения, теперь только это мне помогает, — он открыл шкатулку и достал оттуда мумифицированную руку, — Но я всё ещё продолжаю работать, если вы понимаете о чём я, — ветеран отломал кусочек пальца и положил остаток

руки обратно в шкатулку, — Все слухи и свежая информация первым делом приходят ко мне. На выходное пособие по выслуге лет, я приобрёл часть данного борделя. И теперь мы с госпожой Сунь-Вынь являемся бизнес партнерами, если можно так сказать. Вы же знаете, мужчины после хорошего расслабления с девкой, становятся самыми разговорчивыми и болтливыми существами на свете, — Васур-Ла раскрошил мумифицированный палец и забил его в трубку.

Раздался стук в дверь и секунду спустя она распахнулась, впустив в комнату усиленную порцию волнующих звуков и госпожу Сунь-Вынь, несущую на подносе две чашки и чайник.

— Аааа, вот и наша госпожа Сунь-Вынь, — прошамкал пенсионер втягивая сладкий дым разгорающегося пальца, поднеся уголек из курильницы к камере своей трубки, — Я как раз говорил моему другу, какие большие dividend приносят мне мои вложения.

Улуун отметил про себя, кажется наш старый вояка любит почитать раритетные книги. В равной степени входящие в число контрабандных товаров, так же как и «моми». Кто знает, может рука тлеющая в его трубке, вполне принадлежала автору книг, из которых теперь разбрасывается умными словечками наш отставной служака.

Пожилая женщина поставила поднос на столик и принялась разливать чай по чашкам. Судя по всему она уже давно не «работала» в своём заведении, а лишь присматривала и обучала более молодых подопечных. Наверняка её опыт в искусстве, почитаемой ими богини Даргкху, намного превосходил знания всех девок борделя вместе взятых. Закончив разливать чай, она поклонилась сложив руки на груди и вышла из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

— Ахх, какая женщина, — цокнул языком Васур-Ла, — В свои лучшие годы я часто «гостил» у неё, вот же времена были. Эхх, а сейчас я уже стар. И больше предпочитаю молодых, знаешь в них есть огонь жизни, некая неугасимая энергия оптимизма. Именно то, чего мне так не хватает в моем возрасте.

— Мы отклонились от темы уважаемый Васур-Ла, — Улуун немного поторопил, болтливую пенсионера, иначе он ещё долго будет тянуть резину, прежде чем начнёт излагать по делу.

Но похоже старый хрен пропустил мимо ушей его замечание или хитро притворился будто не расслышал.

— Ах, да совсем забыл, в вашей школе женщины под запретом, мол, влияет на магическую силу, — он взял чашку со стола и замер над ней, принюхиваясь к аромату, — Лучший чай с зеленых склонов Тцалана — родины Первых Людей.

— Я смотрю вы хорошо живете на государственную пенсию, — усмехнулся Улуун Сагкх отпивая чай из фарфоровой чашки.

— Не смешите мои брови Улуун-Ла, — съязвил ветеран и сделал большой глоток чая, — Ахх, хорошо! Если бы я жил на одну пенсию, дорогой Улуун-Ла, то давно побирался бы на улице, — он многозначительно поднял указательный палец с длинным ногтём, — Информация друг мой, вот что стоит настоящих денег. Именно за ней вы пришли ко мне сегодня. Когда богатые торговцы устают от долгих дорог, они заходят в Дом Наслаждений. И мои девочки делают всё для выщезживания из них всего, что они в состоянии им дать.....

Улуун Сагкх сидел в кресле и разглядывал виды открывающиеся из окна, сквозь трепещущее полотно шпор. На снежных вершинах гор разыгралась метель, и она казалась такой далёкой и отстраненной от мира. От всей этой суеты здесь внизу в долине, от города и людей живущих в нём. Всё находящееся тут, показалось ему таким несущественным. Когда он сидит здесь, в самом гнезде похоти и разврата, в царстве мимолётных и скоротечных

удовольствий. А горы, что горы? Они стояли еще до его рождения, и после его смерти они будут стоять точно также, являясь молчаливыми наблюдателями всего происходящего вокруг них.

— Вы меня слушаете Улуун-Ла? — ветеран щёлкал пальцами у него перед лицом, — Вот я и говорю, как нищие пройдохи научились подделывать «моми».

Как видно Улуун также пропустил мимо ушей приличный кусок разговора, так как Васур-Ла вещал уже на другую тему. Отплатил ему той же монетой в общем то. Но зная натуру отставного пенсионера из Третьего Управления он не сомневался, что пока ничего существенного и важного не прослушал. Так как Васур-Ла любил только две вечные темы для разговоров, и как раз сейчас он поставил одну из своих пластинок.

— Представляете, что делают старики желающие оставить своим потомкам последнюю пользу после смерти? — Васур-Ла смотрел на него немигающим взором, — Они чувствуя приближение своей кончины, начинают питаться одним мёдом. Целый месяц или больше, пока не отдадут душу от такой диеты. Затем их дети и внуки, помещают этого «медового деда» в каменный саркофаг и заливают до верху жидким мёдом. Закапывают под землю и по прошествии нескольких лет достают высохшего деда обратно. Весь мёд впитывается в усопшее тело и превращает его в настоящего сладкого зайца, наподобие тех печенек, выпекаемых мамами для своих деточек.

По виду его очень легко спутать с настоящим «моми», особенно если покупатель неискушенный. Но вот только эффект совсем не тот. Если от настоящего «моми» прибавляются силы, здоровье и энергия, то от такой подделки можно отбросить копыта и отправиться к праотцам, от дикого отравления организма. Стоит ли говорить, когда им удастся провернуть такую аферу, то они становятся богачами. Продав всего пару-тройку десятков килограмм подделки, по цене в несколько раз ниже рыночной стоимости оригинала.

— Так что же делает настоящий «моми» таким уникальным? — брови и глаза Улууна раскрылись в удивлении, выдавая мимику лица закрытого под тканью, — Те люди захороненные под курганами, обладали какими-то необычайными свойствами?

Васур-Ла отложил допитую чашку на столик и закинув руки за голову, удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

— Я долго думал и наверно дело не столько в этом, сколько в том, что при бальзамировании тел, использовались какие-то особые масла и смолы растений, так долго сохраняющие останки нетленными. В одной из контрабандных книг, запрещенных вашим орденом я прочитал — захоронения подобного рода были широко распространены еще до Великого Потопа. А затем резко спали на нет. Думаю этим и объясняется тот самый дефицит товара, столкнувший лбами добытчиков «моми» и ввергнувший в отчаяние покупателей. Истинный целительный эффект существует лишь у оригинала и как не прискорбно, его количество все время уменьшается. Настоящие технологии и знания оказались утеряны, а может быть современные люди уже не чета, жившим тут прежде до них. И лучше не стоять есть их останки, в надежде на долгую жизнь. Как написано в книгах они жили по двести-триста лет, а сколько живёт нынешний обыватель а? От силы дотягивают до сотни самые удачливые из них, несколько сотен на десятки тысяч душ.

Улуун устало ждал, старик уже давно должен был выговориться и выдохнуться, прежде чем соизволит выдать информацию. Все таки они не один год сотрудничали и вели общее расследование. И его нередко заносило в город к своему старому знакомому. Но кажется

именно сегодня он в особенном ударе находясь на вершине словесной диареи. Дефицит общения, настоящее страдание для людей в пожилом возрасте и скоро по идее, Васур-Ла начнёт рассказывать суть да дело. Просто он пользуется своим положением, пока может и тянет время до самой вкусной части информации.

— Ну что же я не хочу занимать много вашего времени, — пенсионер протер платком капли пота со лба, выступившие от изрядного количества выпитого чая, — Тот парень которого вы ищете, я знал его родителей. И очень странно, поскольку он принадлежал к богатому роду. И по всем признакам должен был продолжить дело своего отца, возглавив торговую компанию, после его смерти несколько лет назад.

— Пойдите Васур-Ла, вы хотите сказать, что его мотивы вовсе не корысть и алчность? — магический ловчий приподнялся на своем месте.

— В том то и дело, все очень запутанно, — ветеран потер подбородок, а затем наклонившись поближе прошептал, — Поговаривают будто бы это древнее проклятие на голову купеческой гильдии наслали шаманы, проживающие в долине по ту сторону хребта.

Глава 19 Крысиные бега

Ещё не рассвело, как я уже направлялся к рыночной площади и мне хотелось добраться туда раньше всех. Но видимо для осуществления данного плана, мне пришлось бы ночевать там, поскольку несмотря на раннее время, некоторые торговцы уже стояли здесь. В основном — рыбаки, они всю ночь ловили рыбу в море и спешили продать улов до начала солнцепёка. Как я понял, утром сюда приходят слуги и кухонные служанки, что бы купить продуктов к завтраку для своих хозяев.

Устроившись на своем посту на стене, за веткой оливкового дерева, я начал внимательно всматриваться во всех прибывающих со стороны Восточных ворот. Если бы не наводка старика, то вероятность найти воришку стремилась бы к нулю, кстати самого старика Айэла на площади я не видел. Постепенно людей стало прибывать всё больше и больше, кто-то приходил, другие уже уходили и становилось всё труднее отследить каждого из них.

Видимо судьба сжалилась надо мной и удача сегодня на моей стороне. Когда сквозь листья я увидел вихрастую голову с шапочкой на макушке, то едва усидел на месте, от нахлынувшего на меня волнения. Теперь оставалось только одно, не упустить его из виду во что бы то ни стало.

Воришка даже не подозревал, что за ним следят и не особо таился, изображая из себя праздного покупателя, подходя то к одной, то к другой лавке. Наверняка попутно выискивая себе подходящую жертву на сегодняшний день. Да и у кого тут красть, ведь все богачи приходили после полудня и явно не за овощами и фруктами, как вчера я видел своими глазами. Но здесь ни у кого нет охраны и все принимают его за одного из таких же слуг. К тому же такой вольный пройдоха с босыми ногами, затесавшийся среди бонз и господ, слишком выделяется, совсем как монашка в публичном доме.

Наконец его выбор стал очевиден и он начал неотступно следовать за молоденькой девушкой, прохаживающейся с корзиной вдоль овощных рядов. Видимо у него совсем плохи дела, раз решил украсть у такой жертвы. Но он даже не подозревал, что за его действиями внимательно следят со стороны. В какой-то период времени карманник приблизился к ней и если специально не наблюдать, то ничего странного не замечалось. Но я не спускал с него глаз и поэтому видел, как он ловко вытащил что-то у неё и очень быстро удалился.

А навстречу ему шёл ребёнок, девчушка лет девяти-десяти в грязном платье и с засаленными волосами. Воришка быстро и незаметно, не замедляя шага, передал ей украденное у девушки и они разошлись, словно обычные прохожие.

Но моя цель не пресечь попытку воровства, а поймать его самого, так что я продолжил следовать за ним. Но кажется день сегодня для карманника не столь удачный как вчера. И уже изрядно поплутав, воришка решил отправиться домой. Как раз то, чего я ждал всё прошедшее время. Здесь слишком многолюдно, а вот прижать его где-нибудь на тихой улице и выведать куда он дел моё золото, представлялось мне лучшим планом из возможных. Благополучно миновав вслед за ним Восточные ворота мы углубились в тень узких улочек.

Босоногий карманник даже не представлял, что его ждёт, беспечно петляя по дороге домой и взбивая пыль, под своими огрубевшими пятками. Улочки были слишком узкими, что бы преследователь долгое время оставался не замечен. Но предоставляли прекрасную возможность для преследуемого, в случае чего затеряться в бесконечных лабиринтах города

Я не отрывал от него взгляда, впереди как раз маячило подходящее место, что бы схватить негодя и приставить холодную сталь к его горлу. Оставалось лишь пропустить последних встречных прохожих. Лишние свидетели мне не нужны.

Но видимо у судьбы имелись немного иные планы, карманник вдруг остановился, обернулся и посмотрел назад. Наши взгляды встретились, по широко раскрывшимся глазам стало понятно, он узнал меня. Дальше изображать из себя пешехода, вдруг случайно идущего за ним уже не один квартал, не имело никакого смысла.

Недолго думая, лучшим решением для меня, вырисовывалось тут же стремительно сократить дистанцию между нами. Воришка кажется совсем не разделял моего мнения и завидев, как его преследователь с холодной яростью в глазах направляется к нему, тут же засверкал пятками, скрывшись в ближайшей подворотне.

Тихо выругавшись, я поправил сверток с шамширом за спиной и пустился бегом за ним, будто жених за невестой в первую брачную ночь. Теперь я хищник, а не вчерашняя случайная жертва. Желание справедливости и жажда отмщения, лишь придавали мне сил, окатив меня своим жаром волнения с головы до ног.

«Каким бы быстрым не был паренёк, в выносливости он очевидно уступал Асифу. Сразу видно, кто здесь городской рохля, а кто имеет тренированные в песках ноги. Когда ступаешь на песок, он всегда стремится провалиться и отвести ногу назад. И ощущая твердую поверхность под ногами, Асиф словно птица летел вперед, позабыв о столь привычной ему зыби песков.»

Пытаясь как-то оторваться, воришка пытался петлять, резко менять траектории, внезапно скрываясь за углом или перескакивая через ограды. Но это ему не особо помогало. Когда я вот-вот уже был готов схватить его и повалить на землю, как воришка начал верещать, от осознания своей беспомощности и того, что сейчас его вполне будут бить, возможно даже ногами. И в какой-то момент мы оказались в тёмном двореке, заканчивающийся тёмным тупиком.

Эмоция злорадства охватил меня до предела, всё, добежался мой сладкий зайчик. Высокие стены зданий вокруг, кидали густую тень и солнечные лучи практически не освещали землю, создавая приятную прохладу. Никто теперь не помешает мне расправиться с ним. Тут из живых свидетелей, только свиньи хрюкающие в загоне неподалёку.

— Ну что попался ворюга! — прохрипел я тяжело дыша и не сводя глаз с перепуганного мальчишки. Похоже он лишь ненамного младше меня.

Он оглядывался по сторонам, бежать дальше некуда, сзади и справа от него высокая стена, слева загон со свиньями, а впереди путь ему преграждал я. Он так же тяжело дышал, оперевшись руками на колени и ожидал, что предпримет его преследователь. Внезапно его лицо переменялось и больше не выражало испуг, а скорее некую радость или превосходство, словно он знал что-то неизвестное мне.

— Ну чё ты скалишься? Деньги мои, где, собака ты сутулая? — спросил я наконец переводя дыхание. Мне не нравились его перемены в лице, явно не к добру он вдруг стал таким весёлым.

Уж не надумал ли он залезть к свиньям в загон и утонуть в нечистотах, не желая возвращать украденные деньги.

— Какие деньги, нет у меня никаких денег, — наконец воришка подал голос с интонациями банковского менялы-процентчика.

Всем своим видом он показывал, что не боится меня и кажется даже пытается

издеваться. Хотя пару минут назад визжал, как та самая свинья в загоне.

— Не прикидывайся дурачком, — я уже терял терпение, — я видел, как ты сегодня ходил за несчастной служанкой и передал украденное маленькой девочке.

Мои длинные волосы выбились из-под чалмы, поэтому я размотал её за развязавшиеся концы и скомкав заткнул за пояс.

— А я вижу ты не из здешних рабов, — заметил воришка.

— Разумеется нет, откуда по твоему у раба такие большие деньги, — я убрал ниспадающую прядь волос со лба назад, — Честно говоря они не мои, мне нужно вернуть их нуждающимся.

— А мы тоже своего рода нуждающиеся, — неожиданно для меня раздался третий голос со стороны свинарника.

Я посмотрел по направлению голоса и увидел троих молодых людей старше меня, медленно направлявшихся в нашу сторону. Лицо воришки сияло от счастья, вот почему он вдруг стал так уверенно и нагло себя вести. Он заманил меня в западню, где меня поджидали его приятели, такие же воры и преступники.

— Нам твои деньги пришлись весьма кстати, — ухмыльнулся самый рослый из них, его лицо изъеденное оспой напоминало пчелиные соты, — Поэтому мы благодарны тебе, — он театрально отвесил поклон и все они засмеялись.

— Вы не понимаете, это не мои деньги, я не могу их потерять, — я не намеревался отступить, но пока пытался вразумить их словами.

— Да нет, это ты не понимаешь, — в руках бандита появилась увесистая дубина. Его прихвостни загыкали и вытащили ржавые ножи, безусловно выдавшие свои лучшие времена.

«Я конечно же готовился к тому, что дело примет такой оборот, но один против четверых я никогда не дрался и немного отступил назад. Честно сказать, я никогда не дрался в школе, а вот у моей второй личности, имелся большой опыт в подобного рода делах. В кланах Пустынников, обучение боевому ремеслу является столь же необходимым навыком, как и верховая езда тренируемая с детства.»

— Видишь какие толстые свиньи? — бандит указал дубиной на хрюкающих и копошащихся в жижее животных, — Обычно они едят более толстых, чем ты, но они так долго голодали, что сожрут тебя вместе с костями и не подаваться. И никто тебя не найдёт.

— Мы ещё посмотрим кто к ним на обед попадёт, — я вытащил свой шамшир из свёртка, попутно отступая к проходу, не давая им возможности обойти сзади.

Улочка ведущая в двор слишком узкая и им придется нападать по одному, иначе они просто будут мешать друг другу. К тому же оружие у них так себе, если только не брать в расчёт дубину этого придурка с оспой. Нужно всего лишь не попадаться под её удар, заблокировать её бессмысленно, она пробьёт любую защиту.

Дерзкая тройка никак не ожидала, что им дадут отпор, да ещё с таким клинком, слепящим глаза своим холодным блеском, даже под слабыми лучами солнца. Смелости у них поубавилось, но видимо главарь не хотел терять авторитет среди своих поделельников.

— Думаешь тебе поможет твоя сабля? — спросил он уже не так уверенно и пытаюсь придать своему голосу язвительные нотки.

— А ты проверь, — холодно ответил я, приготовившись отражать нападение.

Бандит зарычал и кинулся на меня, занеся над собой дубину и с намерением обрушить её на голову своему противнику. Двое других стояли на месте и молча смотрели на происходящее сжимая в руках свои бесполезные ножи. Я стоял в ожидании и в тот самый

момент, когда атака была неизбежна, резко нырнул в сторону и чудовищный удар, с треском врезался в землю, поднимая пыль и увлекая за собой по инерции бандита.

Он наверняка уже думал, будто сокрушил череп своего врага, когда в непонимании вновь попытался встать и повторить свою атаку. Но я не дал ему второго шанса, зайдя за его спину и длинным проходом прорезав подколенные сухожилия, от чего он уже не смог встать и лишь выл от боли и беспомощности.

Восторг ликования, на мгновение озаривший лица остальных, сменил безотчётный ужас и страх. Им еще не приходилось сталкиваться с таким умелым противником.

— Ну что, кто ещё хочет проверить остроту моего клинка? — я был вне себя от ярости, пелена застилала мне глаза и я не видел, но скорее ощущал их присутствие рядом, как расплывчатые силуэты вокруг.

И мне стоило больших трудов, не покрошить бандита на куски в порыве ярости, но мне необходимо узнать куда они дели мои деньги. Двое других видя как пал их главарь, побросали ножи и молча стояли ожидая дальнейших событий. Я сразу заметил, они не бойцы и не профессиональные убийцы. Просто сброд, при возможности, нападающий на более слабых.

Я подошел к бандиту, упавшему на колени и державшегося за кровоточащую рану на ноге.

— Ну так ты будешь говорить, где мои деньги? — я прислонил лезвие к его шее.

Добрым словом можно добиться многого, но добрым словом и холодным клинком можно добиться гораздо большего, как любил говаривать мой покойный дедушка.

— Да, да, я скажу, только не убивай, — взмолился главарь, растеряв всю свою молодецкую удаль, — Я всё скажу, только деньги не у меня. Вот он проведёт тебя к нашему главному, — он указал глазами на босоногого воришку с грязными ногами.

— Ну смотри, если попытаешься меня обмануть, я вернусь и отсеку твою никчемную голову, — мне вовсе не нравилось, что нужно опять куда-то идти, но всё же рыкнул в сторону воришки, — Что встал, веди меня к своему главному и не вздумай сбежать.

Карманнику не оставалось ничего другого, как подчиниться и он недолго думая перелез через ограждения загона, по колени забравшись в зловонную жижу.

Я с недоверием посмотрел на юнца, залезшего в загон свинарника и стоящего почти до колен в жидкой грязи, а затем перевёл взгляд на бандита и его сообщников.

— Это что шутка такая? — я лишь сильнее вдавил лезвие клинка в шею бедолаге, — В свинарнике? Какой там может быть главный?

— Я тебя прошу, просто иди за ним, — лицо бандита, изъеденное оспенными язвами, морщилось от боли, — Просто иди за ним и увидишь.

Вытерев кровь с клинка об его одежду я вложил шамшир в ножны. Придётся снять свои подаренные другом башмаки, а то негоже будет замарать и испортить их в нечистотах. Быстро разувшись я прикрепил их к ремню своей сабли за спиной, проходящей по диагонали вдоль груди.

Закатав штанины брюк, перелез через ограду и некоторое время сидел на ней, не решаясь прыгнуть в зловонную жижу. Мальчишка-карманник по-прежнему стоял на своем месте утопая в навозе и ждал меня. Свиньи вокруг не проявляли особого беспокойства, наверно они осмеливались есть только тех, кто неподвижен и не оказывает сопротивления.

Наконец я прыгнул легким движением и тут же ощутил, как липкая грязь с чавканьем плотно засосала ступни, обступив их черной жижей вокруг. Передвигаться удавалось с

трудом, и если бы те двое с ножами, до этого стоявшие в бездействии, решили бы напасть на меня, то я не смог бы отбиться от них при всем желании.

Поэтому я поспешил уравнивать шансы и подальше отойти от ограды, так если бы они всё-таки надумали, то им тоже предстояло залезть сюда. Но судя по всему им хватило зрелища победы над их главарём, эпично обломавшегося проиграв драку пятнадцатилетнему мальчишке. К тому же дубина не лучшее оружие против шамшира в руках ловкого и вёрткого подростка.

Как же Асиф был благодарен своему деду, не жалевшего времени и сил, обучая его тому минимуму навыков, необходимых в бою для любого жителя пустынь. Ведь их жизни часто сопряжены с риском, к тому же они лишь в недавнем прошлом, имели своим ремеслом благородный разбой и грабёж.

Поочередно отрывая одну ногу за другой и балансируя телом, я со скоростью улитки шёл за воришкой. Один или два раза, чуть было не потеряв равновесие и чудом не плюхнувшись лицом вперёд в зловонную жижу. А во второй раз едва не сел на задницу, вытаскивая одну из ног, никак не хотевшей вылезать из особо топкого места.

Да уж, лучшего места для остужения пыла нападающих не сыскать, можно всех перестрелять, как в тире на ярмарке и никто никуда не убежит. Так стоп, а если на то и расчёт и сейчас кто-то высунется из хлева и подло подстрелит меня. Я всмотрелся в щели покосившегося сарая, хлипко стоящего у городской стены. Но не обнаружил каких-либо подозрительных действий внутри, кроме входящих и выходящих оттуда свиней.

Наконец юнец добрался до входа в свинарник и старательно очищал стопы соломой. Мне хотелось скорее выбраться и я дошёл до него быстрее, чем он успел закончить свои гигиенические процедуры. Зайдя внутрь я также обтёр свои изрядно замаранные ноги и огляделся.

Под низкими потолками покосившегося здания не было никого, кроме меня самого, мальчишки-карманника и здоровенного хряка, лежащего в дальнем углу. Он обвёл нас обоих тупым взглядом, как бы оценивая степень нашей опасности для его тушки, отвернулся и продолжил лежать с безразличным видом. Мой поводырь явно не принадлежал к разговорчивым типам людей. Ни слова ни говоря и не пытаюсь объяснить своих действий, он молча направился к хряку.

Глава 20 День чёрных ног

Что-то совсем непонятное разуму начинало проскальзывать во всём этом цирке, напоминая затянувшуюся шутку с целью отвлечения внимания. Ну либо жирный хряк умеет говорить и он действительно главарь всех городских воров и бандитов. Я насторожился ожидая подвоха и прильнул к одной из щелей в стене, опасаясь как бы они не вызвали подкрепления, пока я тут прохлаждаюсь в сарае, как в западне.

Ведь выбраться отсюда быстро не удастся, и тогда меня точно подстрелят на пути через топкую жижу. Но нет, снаружи кроме тех троих никого больше нет и это меня радовало. Они помогли своему раненому товарищу, чьи подколенные сухожилия оказались так ловко перерезаны острым лезвием клинка.

Воришка же подошёл к хряку и недолго церемонясь отвесил смачного пинка своему «главарю». По крайней мере я так думал до поры до времени, пока не убедился в обратном. Когда он начал методично пинать нерасторопного свина — никак не желавшего реагировать на сыплющиеся на него удары. Тот лишь недовольно похрюкивал и наконец осознав, что от него не отстанут, вдруг резво вскочил с неожиданной для него прытью. И впечатал бы подростка в стенку хлипкого сарая, если бы он вовремя не подпрыгнул и не вцепился в выступающие балки крыши. Животное, потеряв цель, тут же успокоилось и снова улеглось, но уже в другом месте.

Парнишка слез с потолочной балки и посмотрел на меня с гордостью за свою ловкость, мол, смотри как с ним надо. А затем принялся рыться и копошиться в куче соломы, прежде служившей постелью для кабана. Ну что же, спрятать деньги под тушей такого неподъемного и к тому же свирепого животного умно — в смекалке босоногим оборванцам явно не откажешь.

Нужно будет пересчитать монеты, едва я получу их обратно, а затем отдать кузнецу. Но воришка как-то уж очень долго ковырялся разгребая солому, вот только не надо говорить, что деньги потерялись. Или кошель съел жирный свин, позарившись на вкус кожи, из которой он был выделан. Я вовсе не горю желанием испарывать ему брюхо и копошиться в его теплых внутренностях.

Я уже терял терпение, когда пацан тщетно пытавшийся что-то там отыскать, дал мне знак рукой подойти к нему. Подойдя поближе я увидел — под воришкой находится люк, спрятанный под слоями соломы. И открыть его ему одному не представляется возможным и он просит помочь ему. События принимали всё более интересный оборот, стало быть здесь находится потайной лаз, видимо действительно ведущий к их главарю. Ха-ха, как я мог подумать, будто свинья и есть их главный.

Теперь мы уже вдвоём ухватились за круглую металлическую скобу, выполнявшую роль складной ручки люка и изо всех сил потянули его вверх. Люк оказался очень тяжелым, но постепенно со скрипом, под наши совместные пыхтения, он начал поддаваться по чуть-чуть открываясь. Жаркий и удушливо-вонючий воздух из сарая начало с силой засасывать внутрь открывшегося прохода.

Отсюда виднелось начало вертикальной лестницы, уходящей вниз в пространство полное сырости и темноты. Мальчишка кивнул мне, намекая, что бы я первым туда спустился. Ха, нашёл дурака, я спущусь, а он тут же захлопнет крышку, так что не выберешься оттуда потом. Может быть они не одного простака сгноили уже в такой тюрьме,

но они явно не на того напали. Вроде, как я не создаю впечатления какого-то простофили, что бы верить всем на слово.

Увидев, что я не хочу лезть туда первым, шкет закатил глаза в немой пантомиме и полез туда сам. Я подождал некоторое время, пока он исчезнет в темноте и проверив шамшир в ножнах, стал спускаться по лестнице вниз. Тёплый воздух засасываемый сверху — уносился куда-то внутрь и сменился заметной прохладой. От неожиданной перемены температур у меня даже выступили мурашки по спине. Если есть сквозняк, значит здесь так же должен иметься другой выход. Мальчишка ожидал меня тут и надеюсь, что только он один, а не толпа голодранцев поджидающих в засаде. Не успел я опомниться ступив на пол, как он тут же полез обратно наверх по лестнице.

— Стой, ты куда? — прошипел я в темноте, схватив его за рваную штанину.

— Закрывать люк, что бы не нашли тайный ход, — кажется он снова обрёл дар речи.

Слабым светом наверху зияло круглое отверстие входа. И жирный страж тайного входа, весом в сотни килограмм, ещё не улёгся на охраняемое им место.

— А как же мы выберемся отсюда, если он уляжется на люк? — я умел не просто думать, но и думать наперёд.

— Не волнуйся, тут не один вход и выход, — успокоил меня босоногий, поднимаясь по лестнице.

Наконец добравшись до верха и уцепившись за веревку, свисающую с внутренней стороны люка, он потянул и повис на ней всем своим весом. Люк нехотя и медленно поддался, а затем всё с нарастающей скоростью, стремительно и оглушительно захлопнулся. Погрузив всё в непроглядный мрак, пока я в тусклом свете пытался натянуть свою обувь на ноги. Парнишка кажется, чуть было не навернулся с лестницы, при закрытии люка. И судя по звукам и матерщине, он едва успел ухватиться за поперечную перекладину.

Ну по крайней мере у него не было намерения оставить меня здесь, я подождал пока он спустится. И я всё ещё не мог привыкнуть к крошечной тьме, после дневного света. Мальчонка долго издавал рядом какие-то шуршащие звуки — как оказалось он искал спрятанный факел, когда тьма озарилась искрами, высекаемых огнём об трут.

Наконец огонь занялся и он поднес пламя к факелу — ткань сразу же вспыхнула и озарила темноту светом. Теперь стало виднее уже больше, что за место в котором мы оказались. Вперёд уходил длинный низкий туннель из красного кирпича со сводчатым потолком.

«Асифу(моей второй личности) никогда прежде не доводилось бывать под землей, если не считать природных пещер. Мне же это больше напоминало мини-метро или древние канализационные стоки. Над нами находился город и эти стены судя по всему в прошлом были построены людьми.»

Пламя огня порывами сквозняка захватывало в глубину туннеля — отчетливое движение воздуха, намекало на продуманную систему вентиляции. Мальчишка пригнувшись и вытянув руку с факелом перед собой, устремился в зияющую черноту туннеля. Мне не оставалось ничего другого как последовать за ним. Невзирая на то, что будучи привычным к просторам бескрайних пустынь, моё альтер-эго несколько беспокоила эта ограниченность пространства и отсутствие неба над головой. Приходилось лишь не отставать от паренька идущего впереди, когда он то и дело, куда-то сворачивал в бесчисленных поворотах новых туннелей.

Только сейчас до меня дошло, что случись потерять его из виду, то заблудиться мне в подземелье, будет также просто, как отобрать конфету у жеребёнка. И в этой тьме я буду

бродить бесконечно, плутая по лабиринту коридоров так и не сумев найти выхода. Так что я лишь прибавлял шаг, стараясь не отстать. Хотя от непривычки идти в полусогнутом положении, уже начала побаливать спина, требуя вернуть ей прежнюю прямую форму. Мальчишка же не выказывал каких-либо признаков усталости, быстро шлёпая босыми ногами по каменному желобу под нами, ведя только ему одному известными путями.

Когда мышцы спины перестали выдерживать, неестественного для них напряжения и я уже был готов проклясть всю эту затею с возвратом денег, парнишка шедший передо мной, внезапно исчез. Не то что бы он потерялся или сбежал, как сначала я подумал, просто он наконец-то вышел из тоннеля и спрыгнул вниз. Я выглянул за края выхода и увидел перед собой высокое и объемное помещение, выложенное крупными ровными глыбами камня.

На самом верху на потолке зияло отверстие, закрытое решеткой и оттуда проникал яркий солнечный свет, позволявший оглядеться вокруг. Спуститься или подняться к отверстию, очевидно возможно лишь с помощью веревки. Если только кто-то смог бы миновать большой резервуар с водой, непосредственно находящийся прямо под ним. По звукам доносившимся сверху и теням людей мельтешащих над отверстием в потолке, я понял, над нами находилась рыночная площадь в самый разгар торговли. Телеги с грохотом проезжали по мостовой и стук копыт отзывался гулким эхом под сводами потолка.

Я даже не подозревал, гуляя на поверхности, что под площадью есть такое пустое пространство. И видимо другие люди так же мало обращали внимания на это зарешеченное отверстие у себя под ногами. Оглядевшись по сторонам, во всех стенах, в разных направлениях, отходили точно такие же тоннели, похожие на предыдущий. Из них тонкими ручейками текла вода, в тот самый круглый бассейн в центре залы и уходила куда-то вниз, закручиваясь в мощную воронку.

Спрыгнув вниз вслед за мальчишкой, я наконец-то разогнул затекшую спину и принялся разминать ноги, утомленные ходьбой на полусогнутых.

— Кто построил всё это? — спросил я потягиваясь всем телом и похрустывая суставами пальцев сцепленных в замок.

— Всё это построено до нас, даже Джас не знает кто они, — ответил воришка исследуя одну из стен.

— Кто такой Джас? — поинтересовался я.

— Тот к кому я тебя веду, он дольше всех живёт здесь, — кажется ему наконец удалось нащупать искомое.

Тем временем я решил пройтись вдоль бортика водоема и понаблюдать, как водоворот шумно закручивает и уносит плавающий на его поверхности мусор. Честно говоря закручивающийся поток воды немного завораживал, так и хотелось испытать его силу, кинув туда что-нибудь покрупнее, чем жухлые листья и ветки.

— Осторожнее, не упади туда, иначе мне будет тебя не спасти, — не отрываясь от своего дела предупредил мальчишка.

Я вздрогнул от неожиданности — кто-то рвал и тянул меня за мои кожаные башмаки. От страха я рефлекторно потрянул ногой — нечто серое и мохнатое описав в воздухе дугу, с плеском приземлилось на водную гладь. Спустя мгновение показалась остроконечная мордочка с маленькими ушками — большая серая крыса. Она изо всех сил гребла к берегу своими маленькими лапками. Только течение водоворота оказывалось гораздо сильнее неё и вскоре её закрутило по периметру круглого бассейна. Серая тварь всё отчаяннее пыталась

зацепиться за край и каждый раз, когда она проносилась по кругу мимо меня, я видел в её глазах смесь лютой злобы и отчаяния одновременно.

Диаметр круга всё больше сокращался и ускорялся, вызывая в душе несчастного создания ещё больше паники и попыток выплыть. Силы были неравны и быстро потеряв всю свою энергию в бесплодной борьбе, крыса смирилась со своей участью. Она обреченно легла на концентрически сокращающиеся волны и оказавшись в центре воронки, лишь коротко пискнула, исчезнув в пучине пенящейся стихии. Да уж, воришка несомненно прав, от водной ямы стоит держаться подальше и я инстинктивно отодвинулся от её края.

— Не знал, что под землей могут жить люди, — я посмотрел на луч света, проникавший через отверстие в потолке, — Меня кстати зовут Асиф, я из пустынных племен.

— А меня зовут Малой, вернее меня остальные так зовут, — представился карманник, наконец найдя очередной факел в тайнике, — То, что ты пустынный я понял уже в тот момент, когда ты уложил Оспу, перерезав ему сухожилия на ноге.

— У вас здесь у всех прозвища вместо имён? — спросил я с болью глядя, как он поджигает новый факел.

Значит нам опять предстояла беготня, на полусогнутых ногах и со сгорбленной спиной, внутри одного из этих туннелей.

— Да, так проще, когда никто не знает настоящих имен, если кого-нибудь из нас поймают стражники или громилы-наёмники.

— Ну а вы не боитесь, что кто-то может привести их в ваше укрытие?

— Ты же видел наёмников наверху? — Малой вскарабкался в один из тоннелей, — По твоему они пролезут здесь?

Я ничего не ответил, лишь вздохнул и молча последовал за ним, пока он не успел уйти слишком далеко. В отличие от поверхности, где как я помнил в полдень, царил зной, тут же всегда свежо и прохладно. Мне даже подумалось, будто жить в подземелье вполне разумная идея, если отбросить все остальные минусы конечно же. Нынешний туннель, по сравнению с предыдущим, оказался довольно сырым, в первую очередь из-за влаги, текущей по каменному желобу у нас между ног.

Из-за этого я старался, как можно меньше касаться спиной шершавых потолков поросших плесенью, хоть и приходилось пригибаться больше обычного. Действительно головорезы, которых я вчера видел на площади, не смогли бы протиснуться в такие узкие коридоры. По правде говоря, кирпичная труба была мала даже для таких худых подростков как мы и тем более для взрослых людей. Так что, кем бы не являлись обитатели туннелей, место для своего логова они выбрали безопасное, пусть его и нельзя назвать уютным или комфортным. Да и запахи тут не слишком приятные, благо вентиляция работала хорошо,

иначе мы тут задохнулись бы не пройдя и нескольких сотен шагов.

Мое тело, не успевшее толком отдохнуть, вновь давало о себе знать, только теперь вместо ноющих ощущений — появилась боль и жжение в мышцах.

— Слушай Малой, долго ещё идти? — спросил я запыхавшись у идущего впереди себя.

На самом деле из-за согнутого положения, мне виднелись лишь грязные голые пятки Малого, шлёпавшие по краям желоба и освещаемые тусклыми всполохами факела.

— Ещё немного потерпи, — коротко бросил Малой.

Он то был привычен, почти к ежедневным передвижениям внутри этих труб и его мышцы приспособились к таким нагрузкам.

— Скорее бы, а то от такой ходьбы я скоро стану горбатым карликом.

Мне даже не приходило в голову, как-то запоминать многочисленные повороты и я решил просто довериться ему. По ощущениям мне казалось, как если бы мы поднимались по легкому склону. Но не имея неба над головой, трудно сориентироваться, идём мы вниз или поднимаемся. Разве только если судить по ощущениям напряженности в мышцах ног, но дело могло быть и в том, что они просто устали.

В конце концов только Малой знал все хитросплетения здешних ходов и если бы он захотел меня тут загубить, то наверняка, не стал бы так долго тянуть, сделав это пораньше. Впрочем, воришка не обманул, поскольку туннель закончился так же резко, как и предыдущий. Малой выкарабкался из трубы в просторную залу, а вслед за ним и я.

Перед моим взором раскинулось прямоугольное и вытянутое помещение похожее на то, где мы останавливались прежде. За исключением того, что здесь нет такого же бассейна с водоворотом. По своим размерам оно оказалось в три-четыре раза больше прежнего и на потолке имелось не одно отверстие, а сразу несколько и поэтому здесь было довольно светло. Канал по которой текла вода в туннеле, имела свое продолжение, протянувшись вдоль всей залы и заканчиваясь у противоположного края. Где на него чистейшим потоком низвергался водопад, вырывающийся из медной трубы, торчавшей из белокаменной стены.

От этого центрального канала отходили множество мелких канавок по направлению к туннелям, зияющих тёмными отверстиями в стенах по бокам от меня. И поэтому несмотря на вентиляцию, проделанную в высоких потолках, воздух ощущался влажным. К тому же шум водопада, наверняка, приносил некоторый дискомфорт, если пробыть здесь достаточно долго.

Но главное то, тут находились другие люди. И все они с нескрываемым удивлением смотрели на меня и даже с некоторой опаской. По всей зале висели развешанные спальные гамаки, связанные из старых рыболовных сетей и прикрепленных к потолку металлическими

крючками вбитыми в камень. Большинство из них пустовало, в некоторых из них спали, а в других просто покачиваясь отдыхали люди. И все они привлеченные появлением незнакомца, направили своё внимание на меня, вглядываясь и застыв в напряженном ожидании.

Первым опомнился маленький сухонький старичок с крохотным пучком бороды на шее, с длинной трубочкой во рту и в ярко-голубом халате, распоясанном по животу. Он лежал в своём гамаке и сверлил меня своими пронзительными глазами, похожими на два раскалённых угля. Убедившись, что все взгляды сосредоточены на мне, он пружинисто спрыгнул с лежака, оправил халат, почесал одной рукой под шапочкой на голове, а затем кашлянул в тонкую руку. Сразу же несколько голов повернулось в его сторону и кажется напряжение в толпе немного ослабло, но не до конца.

Глава 21 Гостеприимство безруких воров

Малой толкнул меня в бок, кивнул на канаву и не дожидаясь моей реакции, принялся полоскать свои ноги смывая грязь. Я понял, мне следует поступить так же и поспешно сняв обувь, принялся омыwać свои ноги. К тому же я обратил внимание — ни у кого из присутствующих не имелось обуви, все как один сверкали босыми пятками. Лишь после окончания водных процедур, все облегчённо вздохнули и занялись своими делами, словно это был какой-то ритуал, определяющий своего или чужого в их среде. Видимо враги наотрез отказываются мыть ноги, прежде чем напасть на них, подумал я про себя.

Мальчишка подождал, пока я закончу — и поймав мой взгляд, кивнул следовать за ним дальше. Проходя сквозь гроздь гамаков свисающих вокруг, он привёл меня к дальней стене. На самодельном троне, из полусгнивших от сырости досок, восседал пожилой мужчина. Татуировки в виде чёрных точек и черточек украшали его бледное и сморщенное от старости лицо, только глаза выдавали в нём неуёмный оптимизм и веселость, так быстро теряющийся при бессмысленности жизни. Он казался человеком лет пятидесяти или больше, но это было трудно определить, поскольку жизненные тяготы иногда старят гораздо раньше. Шершавый узколицый нос с горбинкой делали его похожим на ястреба, а кустистые брови выдавали в его взгляде нечто напоминающее от филина. Одет он был в длинный кафтан из козьей шкуры — перетянутый в талии цветастым кушаком. Истоптанные домашние тапочки, с торчащими в разные стороны загнутыми носками лишь дополняли образ, а низко надвинутая на глаза шапка — из мягкого чёрного войлока, никак не могла скрыть россыпь мелких шрамов на лбу.

Молодой воришка преклонил перед ним колени и застыл. Я сделал то же самое. Удивительная тишина повисла над помещением, лишь время от времени слышался тихий вздох или шорох. В моих ушах звучала лишь барабанная дробь моего сердца, потому что в случае чего я тут один и даже пикнуть не успею, если они решат разделаться с чересчур наглым юнцом. Но несколько секунд прошли в полной тишине, и мне стало казаться, что так может продолжаться вечно — а потом мальчик заговорил:

— Джас, я привёл к вам человека, — Малой обращался к нему не как к королю на троне, а как сын к своему отцу, почтительно и уважительно, — Он хочет поговорить с вами насчёт вчерашней добычи.

Джас выслушал его и посмотрел на меня, затем сложил руки перед собой и на мгновение задумался, будто размышляя, что предпринять. Только сейчас я заметил, что Джас имеет одну особенность, а точнее две — у него отсутствовали запястья на обеих руках. Вместо них были заросшие культи, выглядывающие из-под широких рукавов. Асиф знал, вора́м отрубают левую руку, если ловят их на воровстве в первый раз, и отрубают вторую, если это происходит во второй раз. Судя по всему, король подгорода — Джас использовал оба своих шанса и более убедительного доказательства трудно было предоставить.

— Я понимаю, что именно вы, тот самый владелец кошелька, который неосторожно умыкнул у вас вчера мой подопечный?

Он сразу же задал спокойный и уважительный тон разговора, такое себе мог позволить только человек уверенный и сильный в себе, не стремящийся к конфликту любой ценой. Вовсе не удивительно, что имея физические увечья, он занимал более высокую иерархию в

здешнем подземном сообществе. Его опыт, навыки и знания позволяли ему превосходно разбираться в сортах людей и умело подбирать отмычки к их душевным замкам. Можно подумать, что с момента потери обеих рук, он лишь переквалифицировался с физических действий на ментальные.

Это, в общем-то, было недалеко от истины. Скрытые под одеждой иссеченные шрамами руки явственно доказывали, что раньше он умел не только ловко выуживать содержимое из карманов зазевавшихся простаков, но также имел и боевое прошлое. Оставалось только восхищаться тем, как успешно он сумел приспособиться к новым условиям существования с такими увечьями.

— Да, это я Асиф, — честно я оказался немного удивлен такому радушному приёму, — Но это не мои деньги, на самом деле мне их отдал Хэиб, чтобы я передал его дочерям.

— Хэиб? — морщины на лице старика на мгновение разгладились, но ненадолго.

По наступившей вокруг тишине мне показалось, будто это имя им знакомо, и я буквально ощутил на своей спине десятки глаз — устремленных на меня. Мне стало не по себе, но я не знал, как поступить, и медлил с ответом. «Только время тянешь», — откуда-то из глубины прозвучал насмешливый голос, и я начал говорить как на духу, отчетливо понимая, что это мой последний шанс, ведь при малейшем подозрении меня просто прирежут.

— Да, Хэиб и Ахрас были моими друзьями, до той злополучной ночи, когда на нас напали..., — я запнулся, не зная какое подобрать слово.

— Кто на вас напал? — кажется Джаса заинтересовался этим больше, чем вопросами про деньги.

— Я...я не знаю, может разбойники, — я колебался нужно ли ему рассказывать подробно, — Но среди них я видел восставших мертвецов. И мне кажется, что они за нами следили, с тех самых пор, как наш караван разделился на две части перед пересечением Сердца Песков.

Глава 22 Визирь в голове Солтана (первое воспоминание)

Советник Адил очнулся, в голове какая-то неразбериха, всё вокруг очень мутное и расплывчатое. Он лежал на пуховых перинах, в воздухе летала пыль, переливаясь в солнечных лучах — проникающих через занавески на открытых окнах. На улице уже давно наступил полдень.

«Возможно меня перенесли сюда, когда я отключился в купальне».

Странное ощущение, словно внутри него оказалось две личности, будто в его голове существовало некое чужеродное присутствие. Сознание совершенно другого типа. И у этого второго я, существовали свои собственные мысли и их легко можно было спутать со своими.

— Эй! Слуги! Быстро принесите мне кувшин д'ихь! Да побыстрее!

«О ужас, это не мой голос» — подумал Адил, придя в неопиcуемый страх. Но он не мог ничего поделать, тело в котором он оказался, абсолютно не подчинялось его воле.

Руки потянулись к серебряному кувшину — в них обычно подавали д'ихь во дворце. Крепкие волосатые руки перевернули и потрясли кувшин, оттуда в кубок упало несколько капель.

— Побыстрее! Сколько можно ждать! — взревел чужеродный голос.

«Это точно не моё тело и не мой голос, я нахожусь в чужом теле» — промелькнула мысль в сознании Адила.

Поскольку на его руках не росли такие густые волосы. Так и есть, всё что от него в данном теле — это лишь его собственные мысли. А всем телом и всей волей владела другая личность. Адил даже не мог посмотреть куда-либо по своему желанию, а лишь наблюдать за происходящим, как молчаливый зритель.

Он начал припоминать события предыдущего дня, как тут отворилась дверь и в комнату вошла джарие, девушка-служанка. В руках она несла такой же серебряный кувшин, но уже полный до краев.

— Наконец-то! Сколько можно ждать!

«Ох, да он же узнает этот голос. Сколько лет ему приходилось выслушивать его владельца»

— О великий Солтан, прошу вас не гневайтесь, вот ваш д'ихь, — не поднимая взгляда девушка поставила кувшин на столик рядом с тахтой.

Волосатые руки потянулись и ущипнули её за задницу, она лишь ойкнула и смущенно затрепетала ресницами, по-прежнему не отрывая глаз от пола.

«Точно, вспомнил. Колдун-некромант, ритуал в купальне. Он — Адил, сейчас в теле Солтана, точнее в его воспоминаниях. Стало быть план сработал и он видит всё это из его головы и проживает заново события, произошедшие с мёртвым повелителем за его последний день до смерти».

— Ладно иди, — будущий мертвец отхлебнул большой глоток из кувшина, — И скажи там повару, пусть мне приготовят мои любимые блюда.

— Слушаюсь и повинуюсь о великий повелитель, — раскрасневшаяся девушка, так же не поднимая глаз на владыку, попятилась назад к выходу.

Не потому что боялась, будто сладострастный Солтан воспользуется ею, едва она повернется к нему спиной. Как раз таки многие служанки желали подобного, ведь это

возвеличивало её негласный статус во дворце. Просто поворачиваться задом к повелителю считалось оскорбительным для его светлости, если только он сам не попросит конечно же.

Хорошо быть Солтаном, все тебе подчиняются и слушаются. Делаешь что хочешь, спишь сколько хочешь, любая девица рада разделить с тобой постель, лишь только помани пальцем. Кстати нужно узнать у вербовщика, кого из новеньких он уже успел найти для утех правителя. А то старые рабыни уже поднадоели, нужно что-то необычное, чего он ещё не успел попробовать. За такими размышлениями владыка опустошил кувшин с д'ихь, накинул на плечи халат и всунул ноги в остроконечные тапочки с загнутыми носами.

Солтан встал с кровати и подошёл к окну, прищурившись от яркого солнца, вздохнул полной грудью и потянулся всеми членами тела. Как то приводить себя в порядок и наряжаться в одежды подобающие его статусу он не любил, слишком много возни со всем этими нарядами. Его дело наслаждаться жизнью и получать от неё все блага, какие только сможет себе позволить. И позволить себе он мог многое — такое, что другим даже и не снилось никогда. А государственными делами пусть визирь Адил занимается, не для этого он Солтаном становился.

Адила возмутили такие воспоминания будущего мертвеца о его персоне. Хотя их неприязнь всегда была взаимной.

«Ну да, ну да. Я только и делал, что разгребал за тобой дерьмо. Ну теперь я хоть посмотрю, что значит быть Солтаном.»

Почесав свою волосатую грудь, рука владыки наткнулась на что-то металлическое, он машинально сжал её в руке. Ключ, большой медный ключ на ремешке. Именно данному ключу он косвенно обязан своей властью. От времени и от влаги ключ весь покрылся зеленовато-синей патиной, но по-прежнему исполнял свои функции, открывая дверь в государственное хранилище.

Такой ключ есть только у повелителя и больше ни у кого. Никто кроме него не имел доступа в святая святых всего Солтаната — в личную сокровищницу владыки. Несметные богатства, золото, драгоценные камни, лишь малая часть того, хранящегося там ещё со времён Богов. Но главным сокровищем являлось кое-что иное....

— Всё готово мой господин, — в дверях вновь появилась служанка, — трапезный стол накрыт для вашего величества.

Самое время основательно подкрепиться хмыкнул Солтан, впереди ждет ещё много важных дел. Одной из самых сильных страстей в его жизни являлась еда, после женщин конечно же. «Еда, д'ихь и женщины,» усмехнулся он в бороду и запахнув полы халата направился к выходу.

Стражники перед дверями вытянулись по струнке, как только увидели его выходящим из своих покоев.

— Позовите мне визиря Адила, я хочу знать, что у нас там происходит, — бросил он не обращаясь к кому-либо конкретно. Солтан знал, его слово закон. Даже если он просто прошепчет что-либо, чуткие уши окружающие его, тут же устремятся выполнять прихоть владыки. Только этот визирь себе на уме, постоянно ему перечит, но что поделат, другого такого не найти — ч то бы все делал за него, а у Солтана и так дел хватает.

Усевшись на подушки за большим низким столом, он потёр руки и налив себе бокал сладкого шербета, принялся поглощать разнообразную еду. Повара постарались на славу, тут и запеченные перепела в соусе из трав и мясо зажаренных на огне туров. Столы ломились от диковинных заморских фруктов, привезенных на кораблях лично ко двору из далёких земель,

множество морских устриц и мидий, выловленных рыбаками рано утром. Придворный лекарь говорил, они полезны для мужской силы и владыка особенно налегал на них, ведь у него очень тяжёлая работа. А на десерт орехи с черносливом в меду и особый сорт д'ихь, с кусочками растворенного в нём «моми» — от чего в Солтане просыпалась неуёмная похоть.

— О повелитель, я прибыл по вашему приказанию, — визирь сделал несколько шагов и преклонился перед Солтаном.

«Это же я, как необычно видеть себя со стороны, я себя несколько иначе представлял» — удивился Адил, глядя из глаз Солтана на самого себя.

Ему было очень странно наблюдать за своими действиями в воспоминаниях Солтана. Так словно бы он видел себя во сне. Но сейчас это не сон, а события предыдущего дня перед смертью владыки.

«Всё таки я слишком согнут, я думал у меня ровная спина. Всё из-за постоянной работы, склонившись над бумагами. Надо будет исправить осанку, как только вернусь в свое родное тело. Хмм, я даже не знаю, когда я смогу вернуться». От страха перед неизвестным, его умом овладела тревога, однако он сумел сохранить хладнокровие.

— Ну что там с моим вчерашним указом на налоги, — владыка откусил приличный кусок с грудинки перепела, — Надо больше налогов, уже придумали как это сделать?

— Я всё ещё думаю над этим, великий Солтан, — визирь явно не хотел говорить на данную тему, — Вы же понимаете, нельзя так резко вводить новые поборы. Иначе можно вызвать чувство недовольства у народа, они итак взвинчены до предела, мой Солтан.

— Нифсего, нифсего, затянуть пояса потуже. Денех нет, пфусть держатся там, — повелитель с набитым ртом отпил из кубка и наконец-то проглотив прожёванное продолжил — Про налог за право носит усы, вы так же говорили. И ничего же, проглотили и не заикнулись. Будут платить как миленькие, куда они денутся.

— Да мой повелитель, но люди огорчены несправедливостью, — вздохнул визирь, — Они говорят почему простолюдины платят, а в войсках Солтана не платят, ведь там все воины носят усы. Усы гордость мужчины и их оскорбляют такие требования.

— Ваше дело не рассуждать! — резко прервал его владыка, — А исполнять мои приказания! Войска это моя безопасность, мои верные псы. Кстати вы уже начали перепись владельцев усов? — осведомился он отправляя в рот спелую виноградинку, — Я этих пройдох знаю, они тут же начнут сбривать все волосы на теле, лишь бы не платить, скупердяи несчастные.

— О повелитель, мы ещё не пересчитали тех, у кого по десять пальцев на руках. Всё же их гораздо больше чем тех, кто носит усы на своем лице. К тому же если они начнут отрубать свои пальцы, я думаю это скажется на производительности их труда. И как вы знаете крестьян руки кормят.

— Не знаю, кто там кого кормит, меня это не волнует. Вам думать меньше надо, а соображать больше, — перстодержец поспешил отмахнуться от назойливого советника, — И вообще вы меня утомили, у меня ещё много дел впереди. А теперь идите, мне нужно отдохнуть перед работой.

— Слушаюсь о великий Солтан.

— И пусть позовут вербовщика с главным Атга-маном, мне нужно с ними обсудить кое-что.

«Ну-ка, ну-ка, посмотрим что у тебя за дела»

Советник Адил наблюдал из глаз владыки за тем, как его собственная фигура удалилась

за дверью.

Тем временем Солтан закончил есть, громко рыгнул и вытерев руки о полы халата, поудобнее развалился на подушках. От сытной еды и выпитого д'ихь клонило ко сну.

Следующий момент, который советник Адил увидел из головы Солтана было то, как перед ним стояли двое человек. Один низкого роста, с хитрыми маленькими глазками и крючковатым носом; второй желтоволосый бородач с кривой кавалерийской саблей на боку. Такое оружие обладая длинным лезвием, позволяло на скаку наносить удары с оттяжкой — разрубая пеших бедолаг от плеча и до задницы.

Первого Адил узнал — главный вербовщик девушек в Солтанский гарем, крайне неприятный тип, с крупными зубами и большими волосатыми ушами. Одетый в чёрный плащ и шапку из лисьих хвостов — традиционной для представителей этого ремесла, что как бы намекало на характер данной прослойки людей. А вот второго амбала-силача советник видел нечасто, поскольку тот редко появлялся во дворце, пропадая со своей разношёрстной бандой за пределами столичного Кхан-града.

Глава 23 Из грязи в Князи

Мне на некоторое время показалось, что Джас знаком с Хэибом, раз он так заинтересовался им.

— Так вы знаете его? — спросил я, поддерживая официально-вежливый тон заданный Джасом.

Всё-таки, каким бы умелым бойцом Асиф не был, здесь он в меньшинстве. И в стесненном пространстве, его шамшир явно проигрывает их ножам и стилетам, коими они разумеется вооружены. Поэтому меня радовала перспектива мирных переговоров, ведь пока что мне открыто не отказывали в возвращении денег. К тому же, как я думаю, Джас знает кто такой Хэиб, а раз так, то я могу быть уверен в его порядочности.

— Да, кажется я знаю его, если он тот, о ком вы говорите, — словно прочтя мои мысли протяжно произнес Джас и хитро сощурил глаза, — Высокий и худой с одним глазом, а с ним ещё его болтливый мелкий дружок. Должен сказать давно не видел их в городе.

— Нет, это не те, о ком вы говорите. — запротестовал я. — Он наоборот невысокий, коренастый с плотным телосложением, и глаза у него все.... были. А друг его немой и вовсе не мелкий.

Джас оглядел толпу, собравшуюся вокруг, на его лице играла некая усмешка, было видно, что он испытывает некоторые сомнения. Однако он все-таки решил продолжить, отойдя в сторонку, старик обернулся и выразительно кивнул головой в мою сторону.

— И что он прямо так и просил передать золото его дочерям?

— Нет, он сказал разыскать кузнеца на площади. И я как раз направлялся к нему, — я покосился на рядом стоящего Малого, — когда ваш человек обокрал меня вчера утром.

— Хмм, — Джас будто бы впечатлился, — Всё ты ладно говоришь. Если всё так, то мы вернем тебе деньги, но при одном условии.

Вот мне никак не хотелось входить в какие-то новые обязательства перед такими людьми, но какой у меня выбор — либо мне отдадут украденное золото, либо нет. И не факт, что я вообще выйду отсюда живым — все-таки мне стало страшновато. Все же не каждый день приходится оказываться в такой обстановке. Лучше соглашаться, ведь ребята явно настроены дружелюбно. Но в любом случае у меня оставался только один выход.

— Ну хорошо, я выслушаю ваши требования и подумаю. — мне пришлось нехотя согласиться.

— Ха-ха, мне нравится этот малец, — Джас вскинул вверх свои культи, — Мне уже доложили, как ты расправился с Оспой, одним из наших охранников, — он указал на шамшир за моей спиной. — Не хочешь ли ты поработать на нас, нам как раз нужны такие люди. Ведь тебе нужен кров и еда, а человек ты здесь новый и многого не знаешь.

— И что мне нужно делать? — я почесал подбородок в раздумьях.

— Всего ничего, разбираться с теми, кто вдруг погонится за кем-либо из наших ребят и попадет в засаду, приготовленную специально для таких случаев.

— И скармливать их свиньям? — поморщился я, вспоминая того хряка.

— Ахха-ха-ха, ну это смотря кто попадется, — у Джаса от смеха выступили слезы. — Чаще всего мы предлагаем вступить в наши ряды, если они рабы, — Джас обвел рукой указывая на собравшихся людей, — а если из господ, то свиньи любят двуногих свиней, ха-ха-ха.

Все вокруг разразились громким смехом, стало быть они находили это забавным и смешным. Ну, это было правдой, но я не чувствовал себя счастливым от такой перемены в моей судьбе. Я попробовал расслабиться и присоединиться к общему веселью или переключить внимание на что-нибудь другое, например, на шутливые взгляды, которые кидал на меня Джас, явно давая понять, что он был не совсем серьезен.

— Не уверен, что я справлюсь с теми наемниками-громиллами, — я решил уточнить про свои обязанности. — Я имею в виду тех самых бугаев, продающих рабов на площади, если они погонятся за вашими людьми.

— А что касается этих петухов, — Джас вдруг стал очень серьезен, — Они привозят и продают пленников, мы не ворует у них, дабы не оскверниться.

— Почему вы называете их петухами? — удивился я.

— Заметил какие у них шлемы и шапки на головах? — Джас склонился со своего трона вперед, — Правда же они похожи на гребешок этой птицы? Они носят их в честь своего бога, которого уже давно нет в живых. По легендам он был настолько злым и жестоким, что для воспитания в своих поданных, такой же злости и ненависти к окружающим, он использовал их как женщин, а те никак не могли противиться его силе. И потом они мстили и унижали любого, кто оказывался слабее них физически, особенно они ненавидят женщин. А как ты наверно уже видел, они очень сильные, человеческое мясо даёт им много энергии.

— Ну допустим я согласен на ваши условия, — эта история с легендами и богами показалась мне слишком запутанной и вообще я пришёл за деньгами — Так как насчёт возврата украденного?

— Малой! — Джас окликнул своего ученика и указал на меня, — Принеси ему его золото, балбес! И как у тебя только хватило ума красть у пустытника.

Провинившийся Малой ничего не ответил, молча кивнул и растворился среди толпы. Предвидя, что самое интересное уже закончилось и больше ничего не будет, народ разошелся по своим местам.

Джас слез со своего деревянного трона и встал рядом со мной:

— Как ты думаешь, мы наверху или внизу? — он глядел на отверстия в потолке, через которые проникал солнечный свет.

— Ну когда мы последний раз останавливались в подобной комнате, там слышался шум рыночной площади, значит мы были под городом.

— Да, это верно, — Джас был в настроении шутить, — Ну а сейчас?

— Ну мы определенно под землей, — я никак не мог понять по солнцу, где же мы находимся.

— Не просто под землей, мы внутри горы, — и он указав на медную трубу с водой продолжил. — А это то, что питает весь город. Вся вода, используемая жителями города, поступает отсюда! — он начинал распалаться не на шутку. — Они считают нас побежденными и свергнутыми, босоногими оборванцами! Но знают ли эти рабовладельцы, что мы омываем свои ноги в воде которую они пьют!

— Но ведь рабы тоже пьют воду — попытался возразить я.

— Их личный выбор, они сами выбрали служение вместо свободы, — глаза Джаса сверкнули, — Среди нас есть место любому, кто пожелает сбегать и скинуть ярмо раба.

— Наверно они боятся или они не знают, — я пока что не совсем понимал здешних реалий.

— Знают, конечно же знают, — Джас посмотрел на меня и спросил — Видел ли ты

ужасный водоворот в комнате под центральной площадью?

— Я видел крысу, упавшую туда, — я вспомнил глаза крысы, полные отчаяния и беспомощности. — Её закрутило и засосало в мгновение ока, она только пискнуть успела.

— А решётку видел на отверстии над водоворотом?

— Да, я думал, что бы люди случайно не упали туда, — хотя я на самом деле не особо понимал к чему клонит Джас.

— Отчасти верно, — безрукий калека немного остыл, — но наоборот её поставили, чтобы люди сами не прыгали туда. Раньше когда «неприкасаемые» не сидели во власти, а юноши желавшие претендовать на роль правителя, должны были спрыгнуть вниз в этот колодец-воронку. Он имеет связь с морем, и тот кто сможет найти путь в подводном лабиринте и выбраться живым, вынырнув в морском заливе — имеет право на трон правителя. Такое под силу лишь самым смелым и самым выносливым, и что немаловажно крайне удачливым. Поскольку никто не знал, как выглядит подводный лабиринт и главное хватит ли дыхания на весь путь. Поэтому если кто-то хотел бросить вызов «Царю Благородных» — то сперва должен спрыгнуть в колодец, проплыть подводный лабиринт и вынырнуть в море.

— Хмм, невелики же шансы. И что? Его закрыли так, как желающих было слишком много? — я попытался пошутить, но видимо у меня не слишком получилось.

— После переворота нет, — Джас почесал глаз рукой-обрубком, — Но прыгать стали пленники и невольники, пригоняемые с кораблей на площадь. Хотя они и не знали о свойствах колодца и думаю многие из них просто погибли. По правде сказать большинство, кого ты здесь видишь, это такие вот смельчаки, выбравшие смерть, чем муки рабства.

— Что-то я не совсем понимаю, — я часто заморгал, — Так получается они все сумели проплыть через подводный лабиринт?

— Так да не так, — ухмыльнулся Джас, — Если бы не я, большинство из них утонуло бы, затянутые воронкой под толщу вод, ведь у них были связаны руки. А когда смотришь вниз через отверстие на площади, то не видно ничего, кроме черного водоворота, даже в самый солнечный день в зените. Знаешь, когда у меня уже отсутствовали обе руки и на третий раз мне грозило отсечение головы. Я стоял в окружении гвардейских псов и круг их постепенно сужался, норовя насадить меня на свои острые пики. На моё счастье за моей спиной оказался тот самый колодец, который ещё никто не успел закрыть. Я подумал, что мне же нечего терять кроме своей жизни, а так у меня был маленький, но все-таки шанс.

— Как же ты выбрался? — я не знал как спросить, так что бы не обидеть старика, — И значит, хмм, имея лишь часть рук проплыл под водой? — такое мне казалось более, чем удивительным.

— Хаа, нет конечно! — фыркнул Джас, — Я же не собирался претендовать на трон, когда на нем уже сидели «неприкасаемые». А они традиций «Благородных» не чтут и не соблюдают, даже если я выплыл бы с той стороны залива. Я поступил проще, когда оказавшись в колодце меня начало кружить и засасывать, я заметил — там есть туннели.

Дело в том, что в те древние дни мира, уровень воды поднимался выше и соответственно никто не знал о боковых туннелях, сокрытых под водой. А уже много лет прошло с тех пор, как выплыл последний правитель «Благородных». За этот срок появилось не так уж много тех, кто рискнул бы броситься в «Воронку Смерти», именно так она называлась раньше. Бедолаг чаще всего находили прибитыми к берегу, с вздутыми телами и с лицами изъеденными рыбой.

Но после переворота и захвата власти «неприкасаемыми», больше уже никто не соблюдал традицию. И многие позабыли про «Воронку Смерти», для вида обложив её наспех сооруженными оградами. И скорее всего никто и не знал, когда уровень воды в ней понизился настолько, что обнажились проходы в боковые коридоры. Сомневаюсь, что кто-либо ранее вообще знал про их существование. Разумеется кроме самих строителей, чей след простыл в истории, подобно утреннему туману над морем.

И когда я увидел их, в моей голове возникла мысль, ведь я могу спастись, куда-то же они должны привести меня. Признаюсь, мне стоило больших трудов преодолеть силу водоворота, каждый раз неумолимо проносящего меня мимо края. Но ведь я итак был готов умереть прыгая сюда, а теперь у меня появился шанс и я приложил все свои усилия что-бы выбраться. Думаю сыграло ещё то, что после снижения уровня воды, сила воронки уже не работала на полную мощность. Наверняка сами Семеро-Близнецов протянули мне руку помощи в тот день и мне удалось, хоть и не с первой попытки, зацепиться своими обрубками и вытянуть себя на каменный уступ.

Я улегся на спину и тяжело дышал, обдумывая своё положение. Долгие периоды времени я изучал каждый коридор ползая по ним на коленках. Питья у меня было в избытке, а вот с едой поначалу обстояло туго. Благо, что я оказался не первым жителем этих мест, тут до меня уже обосновались полчища крыс. И мне даже спать приходилось стоя, дабы не попасть к ним на ужин. Но зато харчей у меня теперь стало вдоволь, на первых порах конечно, сырое мясо крыс ужасно тошнотворное на вкус. Но знаешь, захочешь жить и не то съешь.

Раз за разом, я все больше разведывал боковые коридоры и туннели, постепенно запоминая каждый из них. И меня всегда интересовало, происходящее на рыночной площади наверху. И я подолгу сидел вникая в события и прислушиваясь к звукам оттуда. Ведь из друзей у меня тут имелись только крысы. В один из таких дней, в порт прибыли новые корабли с невольниками. Как раз тогда я сидел на краю «Воронки Смерти» и размышлял о своём будущем.

Кто-то на мгновение перекрыл солнечный свет наверху, это произошло так неожиданно, что я даже испугался. И кто-то плюхнулся в воду и исчез в пучине и я уже подумал, будто несчастный, ушёл с концами в воду. Но тут он вдруг появился, можно сказать совсем рядом у моих ног и его стало носить по кругу, увлекаемого течением воронки ближе к центру. Я видел его связанные руки за спиной. Он тоже завидев меня начал кричать и звать на помощь, естественно, в те периоды, когда ему удавалось вынырнуть на поверхность.

Я же не спешил ему помогать, так как его преследователи всё ещё стояли наверху, столпившись на краю отверстия на рыночной площади. Благодаря темноте они не могли увидеть меня, вскочившего и стоящего в полной растерянности у края колодца. Никто из них не рискнул прыгать или спускаться вслед за пленником и махнув руками они вскоре удалились. Тогда я размотал свою чалму, а ты же знаешь, что они у нас бывают по несколько метров. Зажав её в своих зубах, я кинул другой её конец, на проносящегося мимо пленника. Так как его руки были связаны, единственное, что он мог сделать, это также ухватиться за неё зубами.

Видимо удача в тот день благоволила нам, ему таки удалось и я вытащил его на каменный край колодца. Хоть и пришлось изрядно попотеть, но разумеется было бы легче, будь у меня обе руки в целости и сохранности. Теперь он один из самых верных моих соратников и позже мы с ним спасли многих смельчаков, выбравших смерть вместо рабства.

Каждый день мы ждали их внизу и с каждым разом, количество людей в нашем отряде всё больше увеличивалось. Вскоре мы знали здесь все входы и выходы, можно сказать мы основали свой подземный город состоящий из невольников и рабов.

Многие из них были захвачены и привезены сюда с дальних земель, но только лишь самые смелые и отчаянные из них, имели право входа в наш город. И этот вход стал многим известен, ведь утопших тел рабов в заливе не находили, а это значит они не утонули и их не вынесло в море течением.

Про нас стали ходить слухи среди простых людей и, что единственный способ попасть к нам — прыгнуть в «Воронку Смерти». Когда многие пленные начали прыгать сознательно, работорговцы не желали терять свой товар, а что-либо сделать с нами они не могли. Так что они просто закрыли вход в колодец решёткой.

— Но раз они знают про ваш город под землей, — я указал пальцем наверх, — разве они не пытались как-то разрушить ваше жилище или уничтожить вас самих?

— Конечно, как ты понимаешь, такие попытки осуществлялись. Но на наше великое счастье, — Джас подошёл к водопаду, — у нас есть козырь в рукаве, позволяющий держать их амбиции в узде.

Он поочередно подставил свои ноги под потоки падающей воды.

— Когда они начали нас доставать, — он распахнул своим культиями одежду на груди.

«Через веревочку на шее, у него висела большая деталь, отдаленно напоминающая ключ от двери туалета в поезде.»

— Тогда мы просто перекрыли им воду и не открывали до тех пор, пока они не обещали оставить нас в покое.

— Я заметил, что эти туннели слишком узкие, — я обвёл взглядом ряды коридоров уходящие из залы, — Узкие даже для таких подростков, как я и Малой. Я не понимаю, как взрослые люди передвигаются в них.

— Сначала мы имели ужасные мозоли на коленках, ха-ха-ха, — Джас пару раз демонстративно присел на корточки, — Пока один из наших умельцев не изобрел тележки на колесиках, на них можно лечь или сесть и резво гонять по коридорам. Но как понимаешь, нашими глазами и ногами является молодое поколение, успевшее родиться здесь, в этих камерах свободы, — старый калека развеселился и засмеялся. — Ха-ха, сколько раз меня сажали в темницы в дни моей молодости, но никогда бы не подумал, что подобный каменный мешок станет моим домом, где я свободен от оков!

Глава 24 Молви "Друг" и войди

За шумом водопада я и Джас не услышали, как вернулся Малой. Неизвестно сколько он тут стоял в надежде, что на него обратят внимание, но видимо не хотел прерывать воспоминания старика. В руках он держал тот самый заветный кошель с золотом, что привёл меня в подгород безрукого короля.

— Надеюсь, ты ничего не взял оттуда? — Джас принял его из рук Малого и взвесил покачивая на крюке, накинутом на свою культу, — А то выйдет неудобно перед нашим гостем.

Затем он повернулся ко мне.

— Вот, возвращаем деньги, мы ценим тех, кто предан слову, — Джас протянул мешочек, — Сыновья пустыни всегда желанные гости здесь.

— Мой отец был из племени «синелицых», — я принял кошель и спрятал понадежнее в полах одежды.

— Да? Надо же, — Джас удивленно вскинул брови, — В последний раз, я о них слышал десяток лет назад. Ну в любом случае, возвращайся, как только сделаешь, то что обещал. А пока Малой проводит тебя наружу.

Старик поднял крюк в знак прощания и удалился к своему трону. Я и Малой остались вдвоем у водопада.

— Ну что, знатно присел тебе на уши старина Джас? — Малого кажется совершенно не расстраивала потеря вчерашней добычи, — Он уже всем надоел рассказами о своих подвигах, но он прав, он положил здесь начало всему. А теперь идём.

Малой направился к одному из туннелей, у выхода стояли прислоненные к стене низкие тележки, грубо сколоченные из досок с четырьмя железными колесиками. Он взял одну из них и расположил внутри кирпичного туннеля.

— Поедем коротким путём напрямик, — он сел на деревянную перекладину, служившей сиденьем — Я сяду впереди, а ты сзади и не вздумай вставать, а не то тебе мигом башку снесёт.

— Ну что готов? — спросил он, когда я сел на свое место сзади, — Держись крепче! — скомандовал Малой и передвинул рычаг с колеса.

Тележка медленно покатила вниз по туннелю, освещая путь каким-то хитроумным фонарём — пробивающий лучом света далеко вперёд. И чем быстрее катилась тележка, тем ярче становился свет, испускаемый фонарём. Наконец скорость возросла до такой степени, что заглушала любой шум, кроме завывания ветра в ушах и грохота стремительно вращающихся колес. Я крепче ухватился за боковые ручки и вжался в спинку сиденья, зажмурив от страха глаза. Американские горки придумали еще в древности промелькнула мысль в моей голове и тут же исчезла.

Малой умело управлял подземной повозкой, несущейся вниз по наклонному коридору. Пару раз он с потрясающим мастерством сворачивал, в появляющиеся перед нами ответвления, придерживая рычаги то с одной, то с другой стороны колёс. И каждый раз сердце моё замирало от опаски, как мы сейчас куда-нибудь врежемся, и предпочитал не открывать глаза, дабы не опозориться, издавая вопли не достойные пустытника. И как будто этого было недостаточно Малой вдруг истошно завопил:

— Кабир'рат! Кабир'рат!

Он орал настолько истошно, что я оказался просто вынужден открыть глаза. Уж если Малого испугало, что-то в его родных туннелях, то я уже и не знал какой ужас может его напугать.

— Кабир'рат!!! — не переставал орать Малой.

В прыгающем луче фонаря из-за его плеча, я увидел какой-то темный бугор, преграждавший нам путь впереди. Комок сверкал парой огромных глаз, блестящие от отражённого в них света фонаря. Расстояние между нами стремительно сокращалось и я увидел крысу, но крысу поистине огромных размеров, наверное ростом с среднюю собаку.

Злобная тварь совершенно не боялась и даже не пыталась уйти с пути стремительно мчащейся повозки. Лишь шевелила усами и сверкала налитыми кровью глазами, потирая лапки с мощными когтями. Такую пинком в водоворот не отправишь подумал я про себя. Что-то предпринимать уже поздно, так что я просто зажмурился и стал ожидать неминуемого столкновения. На такой скорости удар смял бы не только кабир'рата, но и нас самих размазало бы по стенкам.

— Держиись!!! — закричал Малой.

А затем он резко дёрнул левый рычаг, колеса заскрежетали высекая искры. Тележка дёрнувшись в сторону, на скорости въехала в полукруглую стену туннеля и на мгновение мы оказались перевернутыми вниз головой. У меня всё внутри екнуло и замерло, а желудок подступил к горлу. Мне показалось, что эта тварь не ожидала такого манёвра и подпрыгнув вверх, стремясь достать нас в бессильной злобе, звучно щёлкнула пастью. Какое-то мгновение и тележка описав полный круг, вернулась по противоположной стенке на пол. Мы по-прежнему гнали по туннелю, только теперь кабир'рат остался позади.

— Аааааа!!! Получилось!!! — голос Малого звенел от восторга под сводами тоннеля.

— Дааааа!!! — я не смог удержать крика и присоединился к нему в своей радости.

Тележка начала постепенно замедлять свой ход, скорее всего мы уже внизу у подножия горы. Фонарик светил всё слабее и слабее, как будто его яркость как-то была завязана на скорости передвижения повозки. Наконец Малой постепенно затянул оба рычага и мы остановились. Впереди в конце коридора брезжил слабый свет и слышался плеск волн.

— Тебе надо торопиться, — сказал он — Нужно успеть до прилива, пока вход не залило водой полностью.

— А как же ты? — я думал, что он пойдёт со мной.

— А я вернусь по другой дороге, — Малой одним движением перекинул сидения и рычаги в противоположную сторону, — Надо рассказать охотникам про кабир'рат.

— Это же была крыса? — решил уточнить я.

— Он самый, матёрый крыс-каннибал, — шмыгнул носом Малой, — Ест своих же сородичей, но и для нас представляет угрозу. Ты иди, не тяни время. Как выплывешь, слева будет один из городских пляжей. Увидишь башню, она рядом, а там и до площади рукой подать. Мы тебя сами найдём, когда надо будет.

— Ладно, береги себя, — улыбнулся я в темноте.

— И ты приятель, не попадайся зря, — он закрутил педали медленно отъезжая в обратном направлении.

Я же развернулся и пошёл по направлению к свету в конце коридора. Стены здесь сочились от влаги и всё отчетливее ощущался запах моря, рыб и водорослей. Наконец-то я дошёл до выхода, представлявшего собой грот больше, чем наполовину заполненный водой. Через просвет между водой и потолком пещеры, виднелась бескрайняя гладь моря и солнце,

уходящее за горизонт.

Когда я выбрался вплавь на берег, городской пляж пустовал, только редкие прохожие и пьянчуги шатались в предзакатный час. Я проверил кошель с деньгами, искать их на дне мне вовсе не хотелось. Страшно подумать только, если они могли бы выпасть при выплывании из пещеры. Но хвала Семерым Близнецам, доверенные мне золотые монеты всё ещё на месте. Я спешно огляделся вокруг — справа от меня возвышались каменные опоры причала, а в гавани на рейде качались корабли пиратов и работорговцев. По обоим концам бухты, формой похожей на полумесяц, темнели очертания массивных строений и там горели огни. Изредка порывы ветра дующего с моря, доносили до меня оттуда крики и стоны людей.

Осторожно, не привлекая внимания, я снял с себя всю одежду, выжал насколько смог от воды. Проблему составляли только кожаные доспехи, впитавшие в себя соленую воду и от того изрядно отяжелевшие. Конечно, надевать обратно полусырую одежду несколько неприятно, но заявиться в город, оставляя после себя мокрые разводы я не мог. Всё-таки я же не Уак'х из морских глубин, чтобы являться к людям, облепленный тиной и водорослями.

«Из легенд, рассказанных Асифу бабушкой в детстве, истории про Уак'хов ему нравились больше всего. Они имели привычку по ночам выходить из морских глубин и похищать молоденьких девушек для своих утех. Поговаривают, что от таких союзов затем рождались необыкновенные дети, получавшие диковинные способности от своих морских отцов, навроде того, как долгое время находиться под водой. И некоторые даже становились царями людей»

Пока ещё солнце не зашло необходимо поторопиться, может быть я ещё успею застать лавку кузнеца открытой. Незаметно миновав набережную, отделявшую меня от первых домов, я прошмыгнул в тень малоэтажных зданий. Нужно вести себя осторожно, от Джаса я слышал, будто ближе к закату становиться очень опасно шляться по городу. И мне очень повезло, что первые дни в городе я прожил без происшествий. Тем более сейчас я представлял собой особо богатую добычу. Разумеется, я бы справился с одним или двумя грабителями, но привлекать лишнее внимание сейчас ни к чему.

Скрытно передвигаясь прижавшись к стенам, я старался как можно реже попадать на освещенные участки, залитые последними лучами солнца, перед наступлением сумерек. Впереди послышался какой-то шум, смех и разговоры — кажется кто-то идёт по проулку навстречу. Я тут же юркнул за груды ящиков, небрежно сложенных, возле покосившейся от времени хибарки рыбака. И как раз вовремя, тут же из-за поворота появились двое — наёмники, виденные мной накануне на площади.

Именно про них Джас говорил, обзывая их «петухами» и «собаками» и что их отряды именуют себя «Псами Войны», поклоняющиеся своему спящему богу Горгу Длиннорукому. Мне представился уникальный шанс взглянуть на них поближе, наблюдая в щели ящиков за приближающейся парой. Они громко хохотали, переговариваясь между собой неприятными и резкими голосами, их язык и говор мне был неизвестен. Надрывные и хриплые гортанные звуки, перемеженные мерзким гоготом, действительно напоминали собой собачье гавканье или звуки человека, безуспешно пытающегося избавиться от рыбьей кости, застрявшей у него в горле.

Я замер, не двигался и не дышал, дабы не выдать своего присутствия. Парочка прошламимо — невысокого роста, с широкими плотными и мускулистыми телами, продолжающиеся короткими кривыми ногами покрытые шерстью и такими же волосатыми

руками. Плоские лбы на квадратных головах, со сверкающими глазами из-под густых зарослей волос на лице, не выдавали в них особых интеллектуальных способностей. Остроконечные войлочные шапки, со сдвинутыми вперед концами, ещё больше усиливали их сходство с гребнем той самой птицы. Видимо они сейчас изрядно навеселе и не заметили бы меня, даже если я просто стоял у стены, изображая из себя египетского фараона в профиль.

Когда шумная компания удалилась на достаточное расстояние, я вышел из своего укрытия и поспешно зашагал в сторону площади. Думаю наёмники отмечали очередную выгодную сделку и сейчас направлялись к кораблям стоящим в порту. Замешкайся я на берегу немного дольше, то мы столкнулись бы нос к носу. Одолеть их в бою не представлялось для меня возможным. Слишком разные весовые категории. К тому же я не уверен, что моя сабля смогла бы причинить им хоть какие-то серьезные раны. А вот мне хватило бы одного удара их примитивного оружия, напоминающего прямую крестьянскую косу на длинной ручке.

Вскоре из-за рядов однообразных лачуг, похожих друг на друга как две капли воды, впереди открылся свободный простор рыночной площади. Дойдя до крайних домов я осторожно выглянул из-за угла, не рискуя выходить на открытую местность, прежде чем не разведу обстановку. Я не ошибся и вышел максимально близко к лавке кузнеца, маневрируя среди узких улочек между площадью и портом. Но вот только кузня уже закрыта, я опоздал совсем чуть-чуть.

Как и во всех местностях лежащих в экваториальных широтах, сумерки длятся совсем короткий период времени. Уступая право южной ночи, совсем чёрной, как кожа туземки с берегов Слоновой Кости. Уже достаточно стемнело, небо покрывали плотные слои туч, периодически закрывающие свет ночных светил.

И в один из таких моментов я решил, что пора и стремительно вышел из тени, бесшумными шагами приближаясь к зданию, прилегающей к кузне и лавке. Остановившись перед дверью я несколько раз оглянулся по сторонам, пытаюсь разглядеть в мраке присутствие посторонних и негромко постучал.

Ещё раз осмотревшись вокруг я чутко ловил каждый звук, готовый в любой момент сорваться с места. Никто не открыл мне дверь, я постучал снова, на этот раз сильнее, чем в первый раз. Стучать слишком сильно я боялся, поскольку Джас предупредил меня, что здесь все закладывают всех, в особенности это касалось соседей. И они привлеченные шумом от вечерних гостей, вполне могут донести куда следует за малую пайку, в надежде снискать благосклонность своих хозяев, словно покорные собаки выслуживающиеся за косточку.

Собрания были запрещены и соблюдался комендантский час, так все жители должны безвылазно сидеть по домам с наступлением сумерек. Господа опасались, что в свободное от работы время, остатки непокорных могут замышлять восстание и всячески пресекали подобное.

Наконец внутри послышались шаги, открылось окошко в двери и в свете свечи показалось лицо кузнеца. Во всяком случае он подходил под описание, данное мне Хэибом, перед той самой злополучной ночью. Мужественное и скуластое лицо, длинные волосы распущенные по плечам сливались с широкой бородой.

— Чего тебе? — недружелюбно спросила голова в окошке, — Ты разве не знаешь, что после сумерек запрещено ходить по улицам?

— Я от Хэйба, — тихо прошептал я, — Мне нужно передать деньги его дочерям.

— Не знаю никакого Хэйба, — кузнец нахмурил брови, — Проваливай отсюда пока

здоров.

Окошко захлопнулось так резко и быстро и я даже не успел что-то сказать от удивления. Как он его не знает? Я же не мог ошибиться, слева от башни находится лишь одна кузница. И она слывет самой известной в городе, если верить словам Хэиба, да и Джас это подтвердил. По описанию он подходил более чем, так что скорее всего кузнец просто-напросто осторожничал.

Я ещё раз постучал в дверь, прежде чем шаги внутри успели отдалиться. Судя по тому, что они вдруг затихли — кузнец остановился, а затем вновь послышались, но уже ближе и ближе. И едва только окошко в двери вновь открылось, я тут же выпалил заученную фразу:

«Гхеа ак Кхаа, асаал-ба-тан карр Мор-марес»

— «Кхаа Кхингу Ассар», — ответил изумлённый кузнец, поставил свечу в сторону и отворил дверь.

Некоторое время он вглядывался и прислушивался к звукам с улицы, а затем сильной рукой схватил меня за плечо и затащил внутрь. Он тут же закрыл дверь на засов и прислонив ухо к двери простоял пару мгновений. Убедившись, что преследователей нет, взял свечу и поднёс её к моему лицу.

— Ты житель племени, я вижу по твоей одежде, — в его взгляде читалось непонимание, — Откуда ты знаешь Хэиба, ты с ним работал?

— Работал? — удивился я, — Ну если это можно так назвать, то возможно.

— Так и почему же он сам не пришёл? — кузнец угрожающе наклонился вперед.

С такой комплекцией, как у него, он свернул бы мне шею раньше, чем я успею вытащить свою саблю.

— Он хотел передать деньги своим дочерям, — я уже был не очень рад тому, что здесь оказался, — Он сказал, что я напоминаю ему его сына.

— Ну про сына все знают, — буркнул кузнец, — Так почему он сам уже давно не приходит сюда?

— Он... он... думаю, что он погиб, когда на наш лагерь напали, — мне было горько вспоминать о той ночи, — Там была чёрная скала и это место называлось «Сердце Песков». Гиблые земли, как говорили многие в караване.

— Туда пришли кривоногие псы Горга? Ну те кто напали? — лицо хозяина дома приняло более смягченную мимику.

— Я не знаю, была ночь, и... нам показалось, что мы видели мертвецов. Мы сами похоронили их несколькими днями ранее в пустыне.

— Ну что ж, печально слышать такое, — со вздохом сожаления произнес кузнец, — Теперь некому будет позаботиться о его дочерях, надолго ли им хватит этих денег.

Наконец вспомнив про золото я вытащил всё ещё сырой от воды кошель, кожа разбухла и придала монетам дополнительный вес.

— Именем Семерых Близнецов, да ты что, малый, вплавь сюда добирался, — хохотнул кузнец принимая кошель у меня из рук, — Останешься у меня до утра, заночуешь в тепле. На улице всё равно не безопасно, да и простыть можешь. Я смотрю твоя одежда вся сырая.

— А что про сына? — заинтересовался я, наконец расслабившись, — Ну вы сказали, про его сына все знают.

— Аа, это давняя история, разве Хэиб тебе не рассказывал? — он зашагал в другую комнату, — Пойдём, ты наверно голодный, друг Хэиба — мой друг.

Мы прошли в простенькую комнату, где стоял каменный стол, несколько деревянных

стульев и кровать с соломенным матрасом. Кузнец раздул тлеющие в очаге угли и подбросил дров, а затем повесил над ним горшок с едой.

— Ну хорошо, присаживайся, — он указал на один из стульев, — пока греется еда я расскажу тебе.

Кузнец сел на второй стул и начал рассказывать историю про сына Хэиба.

— Когда всё это произошло, его сын был немногим младше тебя. Хэиб в то время жил в городе и вообще мы с ним с детских лет выросли вместе. Его жена умерла при родах последнего ребёнка, коим и являлся его долгожданный сын. Поэтому остался он один с пятью детьми. И мне кажется с тех пор он немного тронулся умом. Так как он никак не мог смириться со смертью своей жены и всё время считал её живой.

Глава 25 Визирь в голове Солтана (второе воспоминание)

Солтан сладко зевнул, потянулся от сна и наконец собравшись с мыслями, спросил у вербовщика.

— Надеюсь вы подыскали для меня что-то новенькое? — странный блеск в его глазах выдавал действие д'ихь смешанного с «моми».

— Г'азумеется мой госссподин, — напыщенно прогундосил носатый коротыш, — самые свежие товаг'ы и только для вас.

— Знаю я вас обманщиков! — перебил его владыка, — Хотя я и был не трезв, но в прошлый раз вы мне карлицу подсунули, выдав её за свежую молодку! — и гневно тряхнул головой так, что шапка-корона на его голове съехала на лоб.

Головной убор, конечно, великоват для него, но именно она обеспечивала ему, рабскую покорность своих поданных, наделяя своего владельца даром гипноза и подчинения воли.

— Это было недог'азумение, полное недог'азумение, — поспешил оправдаться вербовщик, — Ви же понимаете, не так легко найти чистую кг'овь.

— Я не за это тебе плачу! — взвизгнул его светлость, — Мне доложили, что вы утаиваете от меня часть золота, — и так стукнул кулаком по столу, что кубки с объедками подпрыгнули и покатались, — Я выделяю их вам на покупку новых наложниц со всего мира, а не для того что бы складывать в свой карман! Я могу и казнить!

Он конечно понимал, что найти другого такого ушлого вербовщика, весьма сложно и трудно. И в конце концов благодаря ему, Солтан регулярно имел разнообразие в своей постели. Белокожих с севера, жёлтых с востока, чёрных с юга, с тёмными и светлыми глазами, с волосами цвета вороного крыла и цвета пшеницы, и желательно молодых и не порченных.

Так что больше пугал для острастки, что бы не расслаблялись и он это знал. Знал это и вербовщик и слова повелителя для него звучали, как мамонту горох. Тем более у него имелся иммунитет к гипнозу излучаемой от шапки Солтана.

— Ну а вы, Тха-Ба-Кха? — обратился владыка к гиганту, — Сколько новых рабов вы уже поймали для меня?

Атта-Ман «Шхир-Кхан» Тха-Ба-Кха являлся воеводой захватнической армии Солтана или скорее шайки разбойников. Главе армии присваивался титул «Шхир-Кхан», что означало «Тигр — Убийца», в народе его все знали как «Владыка Крови», и это было не далеко от истины. Намекая тем самым, что он также беспощаден и кровожаден как тигр. Поскольку управлять такой ордой головорезов, под силу только наиболее подлому и безжалостному из числа таких же мерзавцев.

Тха-Ба-Кха шевелил длинными усами и теребил высокую шапку из шкуры чёрного волка, широко известным атрибутом клана «Кара Галбаки». То есть «Чёрные Шапки» или просто «караки», как они сами себя именовали, имея славу воров и жестоких убийц. Ещё во времена Империи, многие осужденные преступники предпочитали скрыться среди горных племен, от чего составляли чуть ли не половину их жителей. Земледельцы, часто страдающие от их набегов, называли их «качаки», то есть «беглецы» или «спрятавшиеся». Но сейчас в смутное время, они окрепли и осмелели, составив костяк наёмной армии Солтаната.

— Мы наёмники, дан, мы не ваши подданные, дан — начал он, не выказывая особого

уважения — Мы, дан, разорили города повстанцев к востоку отсюда, дан.

— Очень хорошо, — Солтан откинулся назад и поправил шапку-корону, — Вы же знаете нам нужно много рабов, для постройки новых городов.

Он действительно не лукавил, новые поселения строились к востоку за Трещиной мира, но города не для людей. На это у него существовал указ сверху от своих кураторов, иногда навещающих к нему с инспекцией. Сами кураторы подчинялись Йу-Бадам — небесным жителям с камня Йу, передающих свою волю через посланников Агглов.

На вопросы Солтана зачем, кураторы лишь отмахивались: «мол, так надо для истории». На что он лишь пожимал плечами, перечить им он не мог даже несмотря на свой статус. Являясь для них всего лишь одним из мелких земных наместников, которого легко могли поменять, а этого ему вовсе не хотелось.

Ему нравился этот суровый горец в волчьей шапке, когда-то ему удалось переманить к себе весь его клан, и служили они Солтану, пока тот щедро платил. Его клан являлся наиболее сильным из всех этих банд, во множестве кочевавших к северу от Белых Гор, по Великим Степям вдоль озера Расса. По правде сказать озеро кажется настолько огромным, что его больше называли морем Расса.

Вот только золота, так называемые защитники требовали слишком много, в связи с этим повелитель использовал их банду на полную мощь. Благодаря им он мог сдерживать все остальные племена, жившие по ту сторону Волчьих Врат. Протяженного ущелья между Белыми горами, являясь по сути единственным проходом к Великим Степям на севере.

— А что там с захватом Ай-Индара? Библиотеки не должны уцелеть, — Солтан опять занервничал и что бы придать больше властности своим словам добавил. — Это приказ сверху! Любые свитки и книги должны быть сожжены!

— Там слишком сильная защита, дан! — рыкнул гигант. — Мои воины теряют рассудок, дан, ещё на подступах к городу, дан, — он с силой водрузил на свою длинную голову шапку, украшенную значком черепа со скрещенными костями, оставив сбоку свободным специально отращиваемый локон волос на бритой голове. — А их башни, дан, сжигают наши ладьи, ещё до того, дан, как они причалят к берегу, дан. Саблями и луками их не взять, дан.

Когда он сильно волновался и злился, а это было почти всегда, то часто вставлял в свою речь одно из имен богини Дханы, которой они поклонялись с очень давних времён.

— Ну хорошо. Я спрошу у Агглов, чем они смогут нам помочь, может оружие какое дадут, — успокоил его Солтан, — А теперь вон отсюда все!

Солтан конечно блефовал, Агглов он даже в глаза никогда не видел, поскольку для них он слишком мелкая сошка, что бы они лично являлись к нему. И такую бравату он наводил лишь перед лицом своих подчинённых, желая лишний раз показать свою важность и значимость.

Когда все ушли, он посидел в некотором размышлении и решил отправиться туда, где любил находиться больше всего, если не считать купальни.

«Так-так, это уже интереснее» — подумал советник Адил, слышащий все мысли Солтана, находясь в его воспоминаниях. В сокровищнице ему ещё ни разу не удавалось побывать, по крайней мере находясь в своем теле визиря.

Солтан прошёл из залы в дальнюю часть дворца и остановился перед маленькой дверью, охраняемую двумя стражниками весьма свирепого вида, что даже он сам побаивался их. Но на него одета шапка Асур-Кхана и она придавала магическую силу, любому носящему её и внушала необъяснимый ужас всем, кто видел его в ней. Стража, почтительно расступившись,

смирненно ждала, пока он пройдёт.

По легенде, известной самому Солтану, она принадлежала самому знаменитому воину из Агглов, величайшему убийце всех времен и народов — Асур-Кхану Микелю. Известно, что в неё зашит рыжий клочок волос подлинного Асур-Кхана Микеля, после его трагической кончины в войне Богов. Так что в дальнейшем, среди его последователей, «Кханами» стали называть лучших из истребителей человеческого рода. Солтан даже в шутку любил проводить рукой поперек горла, сжатой в кулак с оттопыренным большим пальцем и говорить: «хана тебе», когда воображал своих врагов, в очередной раз напившись д'ихь с «моми».

Посему то она и была для него велика, да так что приходилось отрачивать длинные волосы и складывать их под шапкой, пытаясь хоть как-то увеличить размер головы под неё. Среди поколений Солтанов даже ходила поговорка «ох и тяжела же шапка Йу-маха», тем самым намекая на её размер и тяжесть не для людских плеч. У них было много забавных обычаев, восходящих к временам жизни Богов, а девизом их жизни, как они помнили, было: «Сон, нишха, пагуба».

Вот только сами Боги много веков спали в этих своих горах и под ними, не слушая ни чего из тех песен, что пели о них менестрели и трубадуры во всех уголках нашего мира. Большая же часть Богов просто покинула эти места, оставив всех своих «вещей», так они называли людей, в чьи обязанности входило обслуживать представителей божественного рода. И лишь изредка отправляли своих посыльных Агглов, для коротких инспекций, так что большую часть времени, «вещи» получившие свободу вели анархический образ жизни, но очень стараясь подражать своим прежним хозяевам.

«Махами» же на языке Агглов называли воинов или любую другую драку-войну. Кстати говоря, кланы того гиганта в волчьей шапке, давно поклонялись этому великому «Маху». И подражая Асур-Кхану Микелю носили высокие шапки, вот только объемы черепа под шапками у них были маловаты. Отчего у них повсеместно были распространены обычаи сжимать головы младенцев между двух перевязанных дощечек. Вынуждая череп такой деформацией приобретать вытянутую форму. Но вот мозгов от этого, к сожалению, совершенно не прибавлялось, а скорее даже наоборот.

Они жили в городах-крепостях в горах и называли их «Кала» — эдакие временные «Столицы Воинов», когда они не кочевали по степи в завоевательных войнах для Солтаната. Повелитель очень часто пользовался их услугами, поскольку лучших воинов и головорезов ему было не сыскать во всём известном мире.

Отстегнув от своего пояса связку ключей Солтан отворил дверь и взошёл на небольшую площадку, уходящую вниз по винтовой лестнице. Спуск настолько глубокий и окончание лестницы терялось в темноте. Он не стал зажигать факел так как знал, что спускаясь нужно лишь держаться за перила, а дальше уже будет свет. Лестница уходила на глубину превышающую, высоту самого дворца и вскоре Солтан оказался внизу.

Едва он ступил на пол коридора уходящего в даль, как всё вокруг засветилось мягким и приятным светом. Казалось светятся сами стены, пол и потолок, никто не знал откуда исходит свет. Солтан поначалу принимал свет за колдовские силы и сильно боялся, но потом вполне привык. Знал он только то, что тоннель построен богами, ещё до того как они оказались вынуждены покинуть Кхан-град. Тоннель проходил глубоко под улицами Кхан-града, протянувшись от дворца и заканчиваясь в подземном мавзолее Асур-Кхана Микеля.

Дворец назывался «Сары-Ай» в честь «жёлтой Йу» на небе и являлся земной

резиденцией Богов в прошлом. Многочисленные рабы, до восстания в Кхан-граде, с презрением именовали дворец «жёлтый дом». Так знали, что их сумасшедшие мучители живут в этом дворце на берегу пролива.

Длина подземного коридора не превышала шестисот метров и Солтан не успел запыхаться, прежде чем предстал перед массивными дверьми, обитыми толстыми листами металла. Он нащупал у себя на груди ключ и снял её со своей шеи. С ним он никогда не расставался и всегда держал при себе, даже когда мылся. В слабых потоках света исходящих от стен, на ключе блестели драгоценные камни, инкрустированные в затейливые узоры на его завитках.

Дрожащими руками вставив ключ в замочную скважину, символично сделанной в форме морской раковины, он с усилием провернул её. Затем нажал потайной рычаг на головке ключа и ещё раз провернул. Механизмы зашумели внутри дверей и стен, отпирая свои засовы, а затем с шумом отворился проход внутрь сокровищницы. Солтан каждый раз поражался толщине дверей и силе тех механизмов, двигавших такие неподъёмные створы ворот.

Сокровищница выполняла несколько функций, как место для хранения государственной казны, так же как и мавзолей-усыпальница для Асур-Кхана Микеля. Правда, хранилищем казны она стала гораздо позже, прежде всего она была местом погребения величайшего Небожителя в истории.

В хранилище вокруг него расположились тщательно укреплённые сундуки, наполненные золотыми монетами. В каждом сундуке их было ровно столько, сколько нужно для четырёх человеческих жизней с населением небольшого городка. При мысли об этом сердце Солтана сжималось от тоски, а глаза наполнялись слезами. У него было так много денег, но он уже не мог купить на них ничего, что могло бы принести радость и счастье для его души. Поскольку в мире уже не осталось ничего, чего бы он уже не попробовал. Ну разве что маленьких бородатых и волосатых карликов на краю империи, о которых он слышал во дворе, но никто ещё не мог поймать хотя бы одного из этих подземных жителей и предоставить его перед очами повелителя.

Здесь царил прохлада в любое время года, поскольку мавзолей-хранилище находился под толщей морской воды, приводимой через каналы из залива. А уже сверху над водой, был построен огромный купол из мрамора, куда все приходили почтить память своего хера-господина. Точнее туда всех стогнали насильно, дабы они пропитались энергетикой страха, источаемой мумией Асур-Кхана и прониклись трепетом и благоговением, уже перед мертвой мумией с огненными волосами.

Солёная вода не только предотвращала попытки проникновения в мавзолей, сверху через пол купола, но и являлась аккумулятором, собирающей эманации мёртвого Асура. И они в свою очередь, отражаясь от округлых стен и потолков надземного купола, превращали прихожан в отупевшее и блеющее от страха стадо.

Вот почему власть Солтана, имеющего на голове шапку Асур-Кхана Микеля, являлась настолько безоговорочной. Именно благодаря той силе, что по-прежнему хранили в себе кости мертвеца, симпатически поддерживающих связь с бывшими вещами Асура. Так что по сути Солтан являлся живым воплощением этого бога, можно сказать его земным аватаром. Ведь в «жёлтом доме» так принято, «кто первый надел шапку Асура, тот и Солтан» — любил оправдываться нынешний владыка.

Он затаив дыхание подошёл к золотому саркофагу, всё тот же мягкий свет вокруг,

освещал его высокие стенки. Солтану потребовалось бы сделать шесть-семь шагов, чтобы пройти вдоль неё от головы к ногам мумии. Крышка саркофага анатомически повторяла очертания тела Асура, копируя даже позу лежащего внутри. Солтан никогда не открывал крышку и не заглядывал во внутрь неё. Во-первых, она была слишком тяжёлой и запечатанной, а во-вторых он знал, что за наказание последует после такого проступка. Смерть представлялась самой лёгкой и желанной из всех возможных.

Руки на барельефе крышки были сложены на груди. В углублении в ладонях, мрачно сиял тёмный кристалл, озаряя вокруг себя переливающимся ореолом света. Насколько было известно Солтану от своих кураторов, именно этот неровно огранённый камень с матово-чёрным блеском, являлся ключевым элементом, высасывающим из мумии и распределяющим наружу излучения страха и подчинения.

Без камня вся эта архитектура оказывала свой эффект лишь в пределах купола. За счёт огромной силы сокрытой в камне, эманации скапливаясь под центром купола, выходили через излучатель на его вершине и покрывали собой огромную территорию. Тем самым обеспечивая властодержцу, овечью покорность и смирение жителей, со всех завоеванных территорий.

Только на местах требовалось построить такие же здания поменьше, своей архитектурной формой повторяющие стиль мавзолея Асур-Кхана. Разумеется копии действовали только лишь за счёт симпатического резонанса и волновой связи, между стержнями на вершинах куполов. Поэтому мавзолеи-копии являлись более слабыми и никакого магического камня под ними не имелось. Хотя под ними часто хоронили какого-нибудь Кхана из числа людей, для усиления силы подавления воли покоренных.

Здесь же, под водой в мавзолее, на пьедестале хранились особые атрибуты власти Асур-Кхана. А именно Жезл и Шар, символизирующий собой небесную Ёу — недоступную для смертных обитель Богов. По преданиям, именно с помощью жезла, их господин мог на расстоянии управлять своим восьминогим конём. Известного среди людей как «Скай-Патер», то есть «Небесный Отец». А самого Асур-Кхана Микеля за это нарекли именем «Юсвет Долгорукий», намекая на его дистанционное управление «Летающим Конём»

Солтан снял с головы шапку и провёл пальцем по фигурке на его вершине — птица символически изображавшая Петуха. Точно такая же птица украшала вершину надводного купола. Можно сказать, что шапка представляла собой копию мавзолея в миниатюре, только сделанную из золота и драгоценных камней.

Глава 26 История Хэиба рассказанная кузнецом

Тем временем кузнец продолжил рассказ:

— Ну вот, как я и говорил, мы с ним с детских лет выросли вместе. Его жена умерла при родах сына. Младший долгожданный мальчик, радость для отца и горе для мужа. Тяжело пришлось ему одному, надо их накормить, присматривать и ухаживать за ними.

Благо его старшие дочери уже подросли и могли хозяйство на себе тянуть, пока их отец уезжал на подработки. Но случилась беда, откуда её не ждали. Сын его вырос и вот однажды то ли по глупости, то ли по ребячьей шалости, залезли они в сад к одному баю (богач) по имени Эрлиак. Фруктов и ягод отведать, да много ли детишки съедят, сам знаешь скорее из детской любопытности, нежели от мук голода.

У нас старики обычно сами собирают яблоки или орехи и угощают дворовую ребятню. Детям вкусно, а для старых людей общение и досуг — с малышкой поболтать да жизненным опытом поделиться. Вот только не повезло им в этот раз, поймал их сторож и к баю приволок. А надо сказать, человек он был жадный и прижимистый, у него после песчаной бури песка не выпросишь со двора.

А дело в том, что бай этот происходил из самого древнего рода на юго-западе. Конечно, он знал, что все кругом такие же, как он сам, или даже древнее. На что также указывало платиновое ожерелье, которое он носил на шее, украшенное камнями из трёх львиных голов. Намекая на то, что он тоже не последний человек в здешних краях, как говорили предки. А раз так, то и власть у него в руках имелась немалая — богатый и властный, не терпящий возражений и много у него стало быть друзей среди местных шишек имелось.

Так вот, допросил он их и, как мог, на свои вопросы ответа добился. И чтобы неповадно было больше никому впредь покушаться на его владения, велел он своим слугам, выпороть мальчишек. Да не просто выпороть, а с особой жестокостью, с пытками и истязаниями. Били их прутьями, отрезали куски плоти и прижигали калёным железом. Но обо всём этом позже стало известно.

Никто не знал куда подевались мальчишки, пока слухи не донесли до Хэиба, что держат их в подвале дома того жадного бая. Чье же отцовское сердце выдержит услышав такие вести, пришёл он к дому богача и попросил отпустить ребят. Понимаешь, когда ты обычный «маленький человек» и вся власть в руках негодяев и подлецов, трудно уповать на помощь государства. Так как зачастую, рука руку моет и как раз таки худшие из худших и есть сама власть. А все, кто с ними сотрудничает, просто уголовные элементы. Ну и к тому же бай Эрлиак, ни с кем не советуясь, сам принимал решения — мог и повесить, и на каторгу отправить.

Таким образом Хэиб, как бедняк, мог лишь смиренно просить, надеясь на милость и снисходительность богача. И бай наконец велел слугам вынести тела несчастных истерзанных ребят. Мальчишек измученных и запятанных, просто выкинули перед воротами в кучу пыли и грязи. Затем Эрлиак велел выстроить напротив своего дома всех обитателей деревни, чтобы все видели этот отвратительный и чудовищный спектакль и убедились, как мается и мучается бедный и ни в чем не повинный народ, если они ещё раз посмеют посягнуть на его территорию. Мальчишек было двое: сын Хэиба и его друг — залезший с ним вместе в тот злополучный сад. Его друг оказался крепким парнем, хоть ему и отрезали язык, но несмотря на это он выжил. И ты его наверняка знаешь, раз ты общался с Хэибом,

его имя Ахрас.

— Хэиб сказал, что Ахрас немой, — новые подробности о них впечатлили меня. — Они не говорили мне, что у него нет языка.

Кузнец снял с огня вскипевший котелок с едой и выложил её в деревянную тарелку.

— Значит у них были веские причины не упоминать об этом, — он вручил мне такую же деревянную ложку. — На вот, поешь. Ты выглядишь уставшим и изнуренным, тебе нужны силы.

Я уже не помнил, когда в последний раз ел приличную еду, наверно с того самого дня, как Асиф отправился на поиски отца.

— Так вот, — продолжил свой рассказ кузнец, — Ахрас выжил, а сын Хэиба к сожалению нет. Его молодое тело не выдержало столь изощрённых пыток и он умер на руках у отца. Раздавленный горем отец, погрузил их тела в телегу и отвез домой. Сына он похоронил рядом с женой, Ахраса ему удалось выходить и вернуть к жизни. Парень все равно жил сиротой и Хэиб стал ему как родной отец.

Добиться какой-то справедливости и правосудия не представлялось возможности. Для таких людей, как тот бай, закон не писан. У них всегда развязаны руки и они творят что угодно, как хотят и где пожелают. Тогда-то у Хэиба и возник план мести. Вдвоем с Ахрасом — к тому времени успевшему окрепнуть и поправиться, они воплотили в жизнь свой замысел. Ахрас рос сильным не по годам и легко мог справиться в честном бою с тремя-четырьмя противниками. Так что месть была вполне справедливой и никто не мешал ей свершиться. Но месть всегда должна быть быстрой и неожиданной. С Ахрасом они договорились как сделать так, чтобы их жертвы ничего не узнали. Все было разыграно так, что бай Эрлиак и его люди ничего не заподозрили и не поняли, откуда им грозит опасность.

Как-то вечером им удалось проследить и подкараулить бая, возвращавшегося со своей охраной, с очередной попойки местных князьков. Вместе с верными людьми из засады они сначала подстрелили из арбалетов впереди идущих стражников, затем легко перебили подвыпивших охранников. А слуги несущие паланкин с баем, испугались и бросили своего господина ещё в самом начале битвы. Толстосум Эрлиак выбрался из оброненного паланкина и пытался сбежать, воспользовавшись суматохой боя и неразберихой. И он бы сбежал, но Ахрас метким броском камня в голову, выбил землю из-под ног бая и тот опал, как мешок с верблюжьим навозом.

А на утро слуги бая с ужасом обнаружили тело своего бывшего господина. Его бездыханный труп, пронзенный кинжалом насквозь и прибитый к тем самым воротам, перед которыми он велел выкинуть тела мальчишек. Он всё ещё был жив, но последние силы уже покидали его. Охваченные ужасом богачи подняли на уши весь город, везде происходили обыски и облавы. По команде подняли всю продажную стражу, избирательно работающую, лишь в том случае, когда дело касалось тех, с чьих рук они кормились. Ахраса и Хэиба никто не смог найти, если бы только не предательство одного из своих — продажная шкура прельстившись на объявленную за их головы награду, выдала гвардейцам Солтана место их укрытия.

Их схватили и наиболее худшим решением оказалось то, что их не казнили сразу, а захотели отправить в рудники. Поскольку местные рабовладельцы посчитали, будто такие крепкие работники принесут гораздо больше пользы на добыче золота в шахте. И теперь Хэиб вместе со своим другом Ахрасом и с пятёркой верных людей шёл в рудники вместе со своими товарищами. Говорят, что Арут, главный надзиратель города, лично вёз их на своем

хаузе — их охраняли, как самых известных преступников, поскольку они опасались, что возмущённые жители трущоб захотят отбить их у стражников.

Но у Хэиба и Ахраса имелось иное мнение насчёт такого недоразумения. И в один из дней, подговорив ещё нескольких каторжан, у них получилось совершить побег. Нетрудно догадаться, кто не имея оружия, легко свернул шеи конвоирам, словно имперским гусям и сбежал, попутно освободив многих других пленных. А затем, по наущению Хэиба, каторжане устроили настоящий бой у стен города — Хэиб со своими соратниками ещё месяц гуляли по близлежащим деревням и громили усадьбы местных баев, пока из ближайшего гарнизона не подросла армия Солтана.

Известно, что позже, вместе с ближайшими и преданными людьми, они организовали свою разбойничью шайку и грабили купцов, идущих караванами в город. Таким образом они вершили месть всем, кто пользуясь своей властью и богатством, угнетает и обирает более слабых. Среди простого люда о них ходили легенды, слагали песни и восхищались ими. Они стали своего рода народными героями, вставшие на защиту всех обездоленных, пострадавших от несправедливости и тирании властей. К ним было особое отношение, потому что даже в те времена почти никто не мог их одолеть. Они всегда нападали неожиданно и столь же быстро уходили с добычей. Вот с тех пор я ничего не слышал о Хэибе, пока ты не принёс печальную весть.

Тем временем я закончил есть и поблагодарил за еду.

— Заночуешь на кровати, — кузнец указал на дощатую лавку с соломенным матрасом, — мои жена и дети в другом конце дома уже спят. Я пойду к ним, а ты тут располагайся и чувствуй себя как дома.

Затем он убрал всё со стола и ушёл к себе, оставив меня наедине со своими мыслями.

Получалось, Хэиб и его отряд, вовсе не охранники каравана. Они просто нанимались под видом охраны, а затем в удобный момент обирали наивных и жадных торговцев до нитки, а то и просто убивали. Но что же тогда произошло ночью. Ведь я и Алиф видели нападение восставших мертвецов на лагерь. Кстати, было бы неплохо разузнать, где сейчас Алиф и чем он занимается.

Одежда моя уже почти высохла, мысли всё больше путались, согретый горячей едой и тёплым кровом, я не заметил, как провалился в объятия сна.

Проснувшись от шороха я сначала не сразу понял, где нахожусь, пока не вспомнил события вчерашней ночи. Кузнец уже встал и развёл огонь в очаге, но на улице ещё темно.

— Тебе нужно будет уйти, — он заметил, как я проснулся, — Через заднюю дверь, ещё до того, как наступит рассвет.

Сон в цивилизованных условиях придал мне сил и бодрости. Я подобрал со стула и повесил за спину свёрток со своей саблей.

— Я случайно увидел вчера рукоять твоей сабли, — подметил кузнец с любопытством профессионала, — Редкий экземпляр для наших краев, видно работу мастера с большой буквы.

— Шамшир моего отца, — гордо ответил я, ещё не отойдя от сна.

— Позволишь взглянуть? — его глаза горели неподдельным интересом.

Я вытащил оружие из ножен и передал ему, пламя очага заплясало и заиграло отражением на поверхности лезвия.

— О, вот так диво, — было странно видеть удивление на лице кузнеца, каждый день сталкивающегося с ковкой оружия, — Клинок из небесного камня, не иначе, клянусь

Братьями Близнецами.

— Вы знаете, что за надпись на нём, — спросил я, указав на неизвестные мне закорючки.

— Мне никогда не приходилось иметь дела с таким металлом, — кузнец приблизил саблю к огню, пытаясь прочесть надпись, — Но я знаю одного выдающегося мастера, живущего по ту сторону моря Мальх, возможно он сможет прочесть надписи.

Он вернул саблю обратно, явно потрясенный увиденным.

— Спроси у него, ведь ты вчера обмолвился, вроде бы собираешься уплыть за море, как только накопишь денег на корабль.

— И как мне найти этого мастера-оружейника?

— Знаю только, обосновался он в городе Таладо, — кузнец наморщил лоб, — Сейчас лучшее из известных и прибыльных мест для кузнецов. Поскольку там идёт война, ты наверно слышал про генерала Тарика?

— По правде сказать мне мало известно про политику властей, — честно ответил я.

— О, генерал известный воин, — кузнец явно симпатизировал ему, — Правда сейчас он впал в немилость Солтана, отправившего его за море, для покорения новых земель для Солтаната. Но я думаю нынешний правитель сослал его подальше от дворца, так как генерал не испытывал лояльности к новому Солтану. Все знали, не сыскать человека более преданного и верного, чем генерал Тарик. Но верно служил он лишь прежнему владыке, — и понизив голос до шёпота кузнец добавил, — Говорят, будто генерал со своим войском, обосновал новое государство за морем Мальх. Но всё это на уровне рыночных слухов.

Во дворе послышались первые крики петухов, те которые птицы, а не наёмники местного правителя. Значит скоро наступит рассвет и нужно поторопиться.

— Вот я собрал тебе тут поесть на первое время, — кузнец с отеческой заботой протянул мне кулёк с припасами, — Ты если что приходи, но только когда стемнеет и через заднюю дверь, соседи не должны тебя видеть здесь.

Я поблагодарил его за кров и еду, ведь в племенах Пустынников, закон гостеприимства считался одним из наиболее почитаемых. Даже если враг пришёл и попросил крова, то хозяин дома обязан принять его, как самого лучшего гостя. Гость личность неприкосновенная и ни один волос с его головы не должен упасть, пока он находится под крышей дома.

Кузнец отворил заднюю дверь и сперва выглянул сам, а затем убедившись в безопасности, дал рукой знак, мол, можно выходить.

Оказавшись на улице и вдохнув прохладную свежесть, только-только занимающегося дня, я зашагал прочь в утренний туман. Предстояло решить, идти мне сейчас на площадь, так как Малой сказал — они меня найдут сами. Или же просто побродить по городу и посмотреть на городскую жизнь. Я выспался, настроение прекрасное, а погода так и манит больше времени провести под открытым небом. А в «Логово Крыс», как в шутку называл Джас своё убежище, я всегда успею вернуться.

Кожаные сабаты, подаренные мне Алифом, в городе пригодились как нельзя кстати. В племенах Пустынников не носили обуви, поскольку мельчайшие фракции песка имели свойство забиваться в любые щели, вызывая ненужное трение внутри обуви. Они каждый день преодолевая десятки лиг, опытным путём выявили — лучший способ передвижения по пескам — ходить босиком. Даже сандалии, так популярные со времен империи, они не признавали, ибо в условиях пустыни они ещё хуже, чем закрытая обувь.

В результате чего, от постоянного воздействия раскаленного песка на кожу стоп, их пятки огрубевали и становились крайне нечувствительными. И некоторые из них, даже демонстрировали чудеса хождения по углям и острым камням, без каких-либо повреждений и на удивление городской публики.

Но есть одно но, в пустыне нет грязи и всегда сухо. А в городе, где так много людей и близко море, на улицах всегда лежит мусор. Гниющие очистки, тушки мертвых и разлагающихся крыс, люди справляющие нужду, где придётся. И вся эта смесь воняла и чавкала под ногами.

Особенно в районах порта, где ко всему прочему добавлялись ещё рыбные запахи. Исходящие как от лодок рыбаков, так и от немых продажных женщин, коих здесь развелось во множестве. Ведь здесь, в городе работорговцев, крутились большие деньги, оседающие звонкими монетами в карманах охотников за головами. Каждый желал откусить свой кусок от большого пирога, кто-то силой, другие хитростью, ну а эти женщины откусывали своим пороком.

«Но вот только меня они никак не привлекали, а скорее вызывали отторжение, в их глазах я видел лишь тоску и угнетающую пустоту смерти. И хотя за спиной Асифа уже шестнадцать Великих Засух, наступающих в оазисах каждый год в одно и то же время, у него ещё не было возможности познать женщину.»

К тому же он так никогда и не испытывал, того чувства влюбленности, о котором ему приходилось читать в стихах великих поэтов прошлой эпохи. Восхваляющих и восторгающихся, той нежной и неуловимой сладостью, исходящей от юных див, опьяняющих сознание своим ароматом. Как если бы они являлись самыми прекрасными и благоухающими цветками с забытых островов Рха'досса.

В их сундуке хранилось много книг, любовных поэм, баллад и песен в честь воинов. А также учебников по астрономии, остающихся для него самыми непонятными, в силу неизвестных названий и терминов, в изобилии раскиданных по тексту. Он лишь иногда находил по ночам, такие же скопления звёзд, виденные им на черно-белых картинках, нарисованных на пожелтевших страницах. Тем не менее он знал достаточно звёзд для ориентации в пустыне. Так что Асиф, обученный грамоте своей матерью, часто проводил время за этим занятием, читая по вечерам в своём шатре.»

Глава 28 "Игрушки" для богачей

Так продолжая бродить по улицам просыпающегося города и шатаясь с одной улицы на другую, я просто наблюдал за прохожими. Всё-таки местные отличались от меня своим видом, на большинстве из них простые льняные одежды, без каких-либо изысков и богатства. Никаких украшений или орнаментов, так присущие нарядам жителей пустынных племен.

По различным символам вышитым на ткани, можно было понять, к какому племени принадлежит тот или иной её представитель. По совету Джаса я взял с собой из убежища, тонкую холщовую накидку тёмного цвета, чтобы накинуть на себя и скрыть свои традиционные одежды.

«А скрывать есть что, грудь и спину Асифа защищал кожаный доспех, с искусно вырезанными на нём узорами. В центральной его части на уровне солнечного сплетения, рельефным тиснением выделялся символично изображенный знак Сура. Представлявший собой небольшой круг с отходящими от него лучами и вписанный в окружность. Сура являлся главным божеством Пустынников, помимо ночных звёзд, исключая лишь светило Йу, никогда не входившее в их традиционные верования.

Доспех составлял одно целое с наплечниками, усиленных бронзовыми и серебряными заклепками-вставками. Они несли, как функцию защиты от рубящих и режущих ударов, а также сообщали о социальном статусе своего обладателя.

Как я понял из его воспоминаний, для пустытника нет ничего дороже, чем его оружие и доспехи. Принцип «всё своё ношу с собой», являлся для них более чем актуальным вот уже на протяжении многих лет. Они не имели ничего, что можно отнять, прежде не одолев их в бою, честном или не очень.

К тому же серебро по их верованиям, служило защитой и оберегом от происков злых духов, коих в пустыне водилось больше, чем обычных людей. Нередки случаи, когда одинокий странник приняв их за себе подобных, бывал сбит ими с пути и терялся в бескрайних песках, обречённый на мучительную смерть от жажды и голода.

Духи очень любят вводить в заблуждение, как словами обращенными к человеку, так и насылая на него морок иллюзий, сводя несчастного с ума. Ворожеи-видящие из племен, состоящие только из жёниц, прекрасно видели суть духов и могли отличать их от людей. Именно с этой целью на шею Асифа, ещё при сбривании первых младенческих волос, повязали мешочек с текстами священных книг. Туда же укладывались и волосы, а также ногти состриженные с пальцев рук младенца.

Будучи прекрасными наездниками и всадниками, то Пустынники предпочитают конные атаки, нежели пешие формации. Поэтому защита бедер и ног, как наиболее уязвимые со стороны пеших солдат, делалась более мощной, чем на верхних частях тела. От пояса и до колен ниспадала ламеллярная фалда, скрепленная из кусочков металлических пластин, наподобие рыбьей чешуи. Благодаря чему защищала от скользящих и колющих ударов и обеспечивала приемлемую гибкость, так необходимую для уверенных манёвров в седле.

Единственное, что трудно скрывать всё время — наручи из сыромятной кожи на предплечьях, укрепленные бронзовыми заклепками. Все-таки невозможно постоянно держать руки под полами импровизированного плаща. Дополняли образ широкие синие

шаровары и длинный тюрбан такого же цвета, намотанный на голову в несколько слоев. Предостерегающий от солнечного зноя, и при случае гасящий своими слоями, силу удара от вражеского оружия.

Синий цвет являлся настолько популярным не только из-за того, что был любимым цветом одного из богов пантеона Пустынников. Но и потому, что это единственный цвет, который они могли добыть в пустыне из минерала под названием Азрак'х. В том числе служивший им какое-то время и обменной валютой, до прихода золотых и серебряных монет в повседневном обиходе.

По этой причине кланы, имеющие в своих землях самые богатые месторождения Азрак'ха, являлись наиболее преуспевающими и многочисленными в округе. Конечно, такое не всегда устраивало другие кланы Пустынников, обделенные и возмущенные такой несправедливостью. Результатом чего часто становились мелкие стычки, а иногда даже войны, вошедшие в устные предания как Азрак'ховая Сечь. Впрочем, ничего удивительного для столь воинственных кланов, закаленных в междоусобных битвах, вполне рядовые и обыденные события.

Впрочем, кое-где некоторые племена до сих пор нет-нет да используют Азрак'х, в мелких обменно-торговых операциях. Разумеется исключительно только между собой и одновременно отдавая дань уважения традициям своих предков. Продажа Азрак'ха чужим людям, не входящих в союз Пустынных племен, считается оскорбительным и недопустимым. Члены кланов уличенные в такого рода махинациях, навсегда изгонялись из племен, а в более древние времена, изгоем становился весь клан, даже если виновным являлся лишь один из них.

Так что найти Пустынника в городской толпе легче лёгкого, если только он не развязывал и не прятал свой тюрбан цвета Азрак'х, являющийся обязательным атрибутом любого уважающего себя жителя пустынь.»

Так я ходил погруженный в размышления и воспоминания моего альтер-эго, пока меня не окликнул один человек, мигом вырвавшийся из раздумий в реальность. Мужчина в плотном, тёмно-красном камзоле и перетянутый шелковым поясом в том месте, где у других людей талия, а у него больше напоминавшее бочку. Упитанный и холёный тип с пивным животиком. В общем он представлял собой типичный образ зажиточного горожанина или торговца.

Длинные волосы собранные в конский хвост, также выдавали его принадлежность к высшему сословию, так как рабов было принято обривать на лысо. Лицо мужчины, в народе называемое «кровь с молоком», обрамляла козлиная бородка, придающая ему какой-то ушлый вид сутенера.

— Молодой человек, — начал он речь словно поливал мёдом, — Пойдёмте, не стесняйтесь, я знаю, что здесь ищут юноши вроде вас.

От такого неожиданного обращения я даже немного растерялся.

«За долгие жизни в пустыне Асиф привык, что незнакомые люди, относятся с некоторой опаской друг к другу и поэтому всегда держат дистанцию.»

А этот напыщенный тип, вёл себя так нагло и бесцеремонно, будто для него не существовало каких-либо границ социального приличия.

— Пойдёмте, я покажу вам лучшее, что есть у меня — незнакомец начал назойливо тянуть меня за руку, — Лучший товар, только для вас, для такого молодого и красивого как вы.

«Наконец я оправился от его неожиданного натиска, сдобренного таким количеством сахара и мёда, что существовал риск получить диабет дистанционно, без регистрации и смс.»

Но сам приставаля не представлял угрозы и в целом вёл себя дружелюбно, но как-то очень уж не подобающе для мужчины. Ведь обычно, если кто-то настолько приближался, то как правило с намерением причинить ущерб здоровью или жизни. Он же пока не выказывал признаков агрессии и скорее даже наоборот.

«Ему не хватало только конфетки, для полного вхождения в роль, а нас ещё в детском саду учили не брать у незнакомцев угощений.»

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Ну как же, мой дорогой друг, я предлагаю то, — ответил он громко цокнув языком и подмигивая, — что ищут все молодые люди в вашем возрасте.

«Вообще-то я ничего не искал, а просто прогуливался по неизвестному для меня городу. И я даже не заметил, как оказался в районе порта, но раз уж я здесь очутился, надо бы узнать сколько стоит место на корабле.»

Всё же я собирался перебраться по ту сторону моря, как мне и посоветовал Хэиб. Там я буду в безопасности от гвардейцев Солтана, рыскающих в поисках меня, а также возможно найду человека способного вернуть меня в моё тело. Вряд ли солдафон в пещере выжил, когда Асиф полоснул его своей саблей между ног. К тому же кто поверит ему, будто капитан гвардейцев умер своей смертью, стукнувшись головой о камни во время падения. Но Асифу повезло, тогда он упал на капитана и не особо пострадал при падении.

И ещё загадочные письма на клинке отцовского шамшира. Почему отец Асифа сказал, что его долг исполнен, когда отдал его ему, а не стал обороняться с его помощью сам. Конечно, каждый „синелицый“ предпочтёт смерть в бою, а осознание факта отсутствия я цели — ради которой стоит жить, только подталкивает к такой кончине. Поэтому мой второй мотив — добратсья до мастера-кузнеца из города Таладо. Скорее это являлось целью Асифа, нежели моей собственной, но раз уж моё и его сознание оказались заключёнными в одном теле, стоило учитывать и его интересы тоже. В конце-концов мы уже стали одним единым целым.»

— Корабль, мне нужен корабль, — изрёк я одновременно стискивая руку незнакомца в своих пальцах, как в слесарных тисках. Он уже начинал меня порядком раздражать.

Кажется насилие подействовало на приставаля и он отцепил свою хваткую ручонку с моего рукава.

— Ай-й-ай, что же вы сразу не сказали господин, — проскулил он с видом побитой собаки и растирая проступающий синяк на руке с длинными ногтями, — Я смотрю у вас и оружие есть, значит любите насилие, ну тогда вам тем более понравится мой товар.

— К-о-р-а-б-л-ь! — прочеканил я, порядком уставший от назойливого спутника.

Возможно для жителей города в порядке вещей вести себя так по панибратски. Мне же было трудно понять, может я слишком жестко обошелся с ним и причинять ему боль оказалось лишним.

— Да, конечно же корабль, корабль, их есть у меня, — заискивающе заулыбался и закивал коротконогий пузан, — Я как раз являюсь владельцем корабля, ну почти владельцем.

«Мне кажется, спроси у него про янтарную комнату и библиотеку Ивана Грозного, я бы не удивился наличию оных у него в загашике. Крайне подозрительный тип и нужно

держат с ним ухо остро.»

Он повёл меня за собой, вдоль стены склада, расположенного у береговой линии, за углом которого слышался плеск морских волн. У него есть корабль, но нет оружия, более или менее прилично вооружены лишь наёмники и городская стража. И наверно он принял меня за сына какой-нибудь местной шишки, для которых закон не писан. Откуда он мог знать, что перед ним просто дикарь из пустыни, ни сном ни духом не ведавший о здешних запретах на ношение оружия.

Конечно же я носил свое оружие не на виду, а замотанным в верблюжью шкуру. Скорее всего часть сабли обнажилась, когда я показывал шамшир кузнецу в его доме. Я проверил рукой пощупав за спиной — она наткнулась на голую рукоять, предательски выступающую из-под шкуры. Не снимая со спины и не останавливаясь, я прикрыл рукоять сабли, пока шёл вслед за обещанным кораблем.

Холёный тип взглянул назад, прежде чем завернуть за угол склада и убедился — не отстал ли я идя за ним. Выглядело подозрительно, углы часто таят опасность, особенно когда идешь расслабленным. Вполне вероятно, этот лапчатый гусь ведёт меня в западню и за углом притаился его сообщник с ножом.

И пикнуть не успеешь, как окажешься с пером под боком. Вероятно у них схема такая, заманил простофилю сладкими обещаниями, потом тюк по башке — ограбил, а тело в воду и дело с концом. Так что я внутренне собрался и приготовился к худшему, прежде чем повернуть за угол вслед за ним.

Отойдя от стены на два шага, я закинул руку назад, нащупав заранее рукоять сабли и с осторожностью выглянул за угол. Подозрения оказались излишни, кроме удаляющегося мужчины в красном камзоле, за углом никого не оказалось. И пока я тут осторожничал, он уже успел достаточно прошагать и мне пришлось догонять его второпях. Иначе предвиделся риск его потерять в большом потоке людей — таскающих грузы от кораблей вдоль причала.

Наголо остриженные рабы разгружали тюки и бочки, из пришвартованной рядом ладьи, а затем несли или катили их по пирсу до склада. Изнуренные и замученные лица со страшной худобой от недоедания, некоторые из них едва волочили ноги. Их обнаженные и сгорбленные спины, сверкающие от пота и открытые зною палящего солнца, сгибались под ударами кнута надсмотрщика, неусыпно следящего за разгрузкой. И если ему казалось, будто они работают слишком медленно — тут же в воздухе раздавался свистящий звук кнута и сдавленный стон бедолаги, попавшего под хлесткий удар.

Единственная одежда хоть как-то прикрывающая наготу невольников, представляла собой кусок ткани в виде набедренной повязки. Что-то похожее на грубую мешковину, так щедро дарованную добрым и заботливым хозяином, не считая железных ошейников на шею каждого из них.

Тут же неподалеку, возле носа ладьи я увидел своего зазывалу, весело махавшего мне рукой, подзывая подойти к нему. В двух шагах от него стояли две молодые девушки. То что это именно они, я понял сразу, так как их абсолютная нагота явственно выдавали гендерные различия. Если не считать кусков материи со рваными краями, прикрывающих нижнюю часть тела.

«Нет, Асиф конечно и раньше видел девушек в своем племени, но вот только они всегда ходили одетые, а здесь они стояли практически в чём мать родила.»

Подойдя поближе, я заметил у них оковы на шее — значит они такие же пленники, как и разгрузавшие сейчас корабль. По возрасту невольницы выглядели как мои одногодки или

старше. Впрочем, я давно заметил, что женский пол взрослеет раньше, сильно опережая своих сверстников.

Их обнаженные и упругие груди с призывно набухшими вишенками, приковывали взгляд — отчего жар охватил меня с головы до ног. Они стояли склонив головы, сверкая глазами подобно молниям — из-под насуплено сдвинутых бровей и сбившихся прядей волос. Если бы не большой булыжник, пристегнутый кандалами к их ногам, наверняка, сбежали бы отсюда представься им такая возможность.

— Вот видите, я же говорил, вам понравится мой товар, — радостно произнёс зазывала, предвкушая денежную прибыль, — Капитан велел избавиться от них поскорее, так что отдам совсем недорого.

— Откуда они? — у меня пересохло в горле.

— Да разве имеет значения, вы только посмотрите, какие они свежие, — протянув свою когтистую руку, торговец ущипнул одну из них за острую грудь, — Совершенно нетронутые цветки, как раз то, что надо для такого красавца как вы, — с этими словами он запустил крючковатый палец под ткань прикрывающую бедра, отчего пленница подпрыгнула и издала писк, а негодяй залился смехом.

Мне было неприятно смотреть на то, как какой-то мерзкий ублюдок, пользуясь своей властью, издевается над беззащитными. С другой стороны меня охватывало незнакомое ранее приятное возбуждение, затуманивающее разум и перекрывающее способность адекватно мыслить.

— Ну так что, вы я вижу уже решили, будете брать? — торговец уставился на меня рыбьими глазами и облизывал мокрый палец, — Скажем так, тысяча золотых за каждую и мы договоримся.

Он всё больше становился неприятен мне со своей странной манерой общения. Пленниц конечно жалко, страшно представить, как унизительно они наверно чувствуют себя, даже если не могут понять нашего разговора. Впрочем, итак ясно, о чём ещё могут вести диалог двое половозрелых мужчин в их присутствии. Судя по их лицам, они точно не являлись уроженками местных земель и скорее всего их захватили в плен — во время набегов на прибрежные поселения.

А с другой стороны будь у меня куча денег, как у того пухлощекого из башни на площади, смог бы я удержаться от соблазна. Во всяком случае денег у меня уже нет, не то что полторы тысячи золотых, а даже двух серебряков в кармане не завалилось. Те две тысячи золотых от Хэйба для его дочерей, я уже успел вчера отдать кузнецу.

— Ну ладно, скидка только для вас, — решил приободрить торговец, видя мои размышления, — Последнее слово, полторы тысячи золотых за обеих и можете делать с ними всё, что только захотите и как пожелаете.

«Я уж подумал, не он ли являлся предком всех современных маркетологов из моего прежнего мира. Те тоже постоянно дают на низменные инстинкты в своей рекламе.»

— У меня нет денег, — буркнул я, теряя самообладание от смешанной бури чувств охвативших меня в тот момент.

— Эээ, ну я думал у тебя есть деньги, — вдруг разочаровался торговец и перешел с «вы» на «ты», — М-м-м, ну у тебя есть меч, я думаю моему капитану он понравится, а потом, — он звучно шлепнул ближайшую пленницу по ягодицам. — Они исполнят все твои прихоти, я верно говорю, это точно.

«Сразу видно не боец» подумал я. Спутать рукоять сабли с мечом может только полный

дурак. Оружие подаренное Асифу отцом, пожертвовавшего своей жизнью, чтобы дать сыну шанс спастись от Солтанских гвардейцев, а эта жаба пучеглазая предлагает обменять его. Пусть даже на таких привлекательных и смазливых девчонок.

Волна возмущения и несправедливости прокатилась по моему телу снизу вверх и кровь прилила к голове. Мне вдруг захотелось вытащить шамшир и разрубить его мерзкую самодовольную рожу от лба и до пояса. Такие люди как он не должны существовать и отравлять жизнь другим. И к тому же девушки бесплатно станут моими, а не за тысячу и даже не за пятьсот монет.

Но тут неподалеку на страже стоят двое наёмников-надзирателей. Ещё я заметил на крепостной стене напротив, прохаживался дозорный лучник. Одолеть даже одного из бугаев в открытом бою представлялось маловероятным и гиблым делом. Одно дело бандюган с дубиной, вылезший с перегаром из свинарника. И совсем другое мускулистый мутант в доспехах, постоянно тренирующий руку на обгоревших спинах рабов.

— Ну так берёшь или мне искать другого покупателя? — спросил торговец, не осознавая того факта, что полминуты назад стоял на волосок от смерти.

— Дома. У меня дома остались деньги, как раз полторы тысячи или даже две, — соврал я, не понимая зачем это сказал.

Может я надеялся тем самым отсрочить незавидную судьбу невольниц. Не дать возможности попасть в руки таких же негодяев, как эта жаба или подобные тем богачам, живущих в городской башне. Ведь у меня не было таких денег никогда в жизни, если брать в расчет именно свои, а не чужие. У меня даже крыши над головой нет и ем я не каждый день досыта.

Всё что у меня есть в этом мире — отцовский шамшир, мои доспехи пустытника, фамильный перстень и свобода. Совсем как в песне поется про одного.... Перстень... Точно... Я совсем забыл про фамильный перстень, спрятав его в подкладке одежды подальше от солдат Солтана.

Глава 29 По следу Лиса

Васур-Ла поближе пододвинул кресло.

— Я не видел лично места последнего преступления, но мне рассказали мои коллеги из Третьего Управления. Знаете, я до сих пор поддерживаю с ними связь. И от их рассказов волосы на голове встают дыбом, если бы они конечно у меня только росли, — ветеран нервно засмеялся, — Хе, хе, я даже рад, как вовремя я ушёл на покой и всё подобное в моей жизни уже позади. Теперь я получаю удовольствие от своей работы по-другому, и делаю своё дело очень тонко и аккуратно. Далеко не всем дано жить в довольстве и уюте, как мне сейчас. Раньше мне нужно было выносить на своих плечах всю тяжесть общества, особенно самого буржуазного общества из всех.

Улуун с удивлением заметил, как переменилось лицо пенсионера всего за несколько минут. Некогда красное лицо, излучавшее оптимизм, теперь выглядело как лист бамбуковой бумаги. Далеко не первого сорта, но такое же мятое, как в туалетных комнатах лучших домов Золотого Серпа. Глаза, которые при нормальной разговорной жизни выдавали ум и доброту, теперь источали тоску и страх. Иссиня-черные усы встали торчком, точь-в-точь как у того крысоеда, которого Улуун убил ещё на заре своей карьеры Магического Ловчего.

Старый служака дрожащей рукой налил себе чашку чая и выпил залпом. Казалось нервы его успокоились, и можно было не думать о прошлых воспоминаниях. Но покоя, к сожалению, не было, потому что где-то в глубине подсознания что-то смутно ныло. И лишь новая порция первосортного «моми» могла на время вырвать его сознание из плена ужасающих образов, что пришлось ему повидать за всё время своей службы. Но такого ужаса он ещё не видел, и никакими силами нельзя было заставить себя переключиться на воспоминания о сегодняшних днях.

Наконец Васур-Ла собрался с мыслями и начал говорить словно боясь что-нибудь пропустить:

— В горле пересохло, фух. В том доме всё, абсолютно всё преступник перевёрнул с ног на голову. Обычное дело, мы и сами часто такое устраивали при обысках, если бы только не одно но, — Васур-Ла судорожно сглотнул. — Вы же знаете здешний праздник в честь богини Даргху?

— Когда каждый год осенью приносят в жертву несколько сотен быков и буйволов?

Конечно же Улуун знал про ритуал, существовавший здесь с древних времён. На специально предназначенной для торжества площади, собирались сто обученных человек, с большими ножами имеющие кривые загнутые вперед лезвия. Словно серпы для жатвы зерновых культур, только с гораздо более толстыми клинками, для усиления ударов, наносимых сверху. А все остальные зрители собираются, вокруг, залезают на деревья, выглядывают из окон. Там же находятся и несчастные десятки сотен животных, обреченных на гибель в один день. Сотня мясников работают без устали, взмахивая своими кривыми ножами вверх и вниз. Со временем утопая по колено в теплой и липкой жиже, с плавающими вокруг рогатыми головами, принесенными в жертву богине Даргху.

— Ну так вот, можете себе представить, — продолжил шепотом Васур-Ла, — Все выглядело так, будто кто-то устроил свое личное жертвоприношение, только более ценное, если вы меня понимаете. Животные всегда ценились не так высоко, как человеческие жертвы.

— Постоите, но ведь тело купца так и не нашли?

— Нет, не нашли, но я уверен следы забрызгавшие все стены, потолок и залившие пол, определенно принадлежали покойному торговцу. С его расплывшимися размерами, крови в нем плескалось, как в доброй свинье из царского подворья. Наверно потому бедолага и не смог убежать. Но кто и куда унес такую неподъемную тушу никому не известно.

— Хмм... А что говорят свидетели, разве никто ничего не слышал? Где была личная охрана? — Улуун не мог представить, чтобы один человек смог сделать такое.

— Охрана? Хе-хе, а что охрана, — нервно усмехнулся старый ветеран, — они аккуратно лежали на своих местах, будто лиса пробралась в курятник и передушила их всех, — у Васур-Ла задёргался глаз и он быстро начал его потирать, — Такое не под силу ни одному человеку, а если он был один, то это и не человек вовсе. Может вуркалах какой или оборотень. И учитывая вышеизложенное, Третье Управление запросило помощи специалистов из Ордена Равновесия.

— Почему же вы удосужились на это только после четвертого похищения? Ведь как мне известно, ранее также были похищены один за другим, еще трое членов купеческой гильдии.

— Да, конечно Улуун-Ла, вы осведомлены верно. До того случая уже случались пропажи знатных купцов из их постелей или на улице по дороге домой. Мы все списывали на внутриклановые разборки. Ну знаете, представители знатных домов часто похищают друг друга, ради выкупа или в конкуренции за более выгодные торговые контракты. На такие инциденты мы закрываем глаза, так как весь город кормится с их рук. И, как правило, все остаются живы и здоровы. Конечно, я имею в виду членов знатных семей, а не их охранников. Они обычно служат расходным материалом в ходе таких матрасных войн.

— Матрасные войны? — Улуун Сагкх удивленно вскинул брови.

— Да, это так называется, когда отпрыски аристократических родов меряются молодецкой удалей. Сбиваются в стаи, гуляют пьяными по улицам, пристают и бьют прохожих, похищают девушек. Молодежь из кланов часто дерется друг с другом, убивают слуг и телохранителей своих противников. Только никто из низов не имеет права поранить или не дай бог лишить жизни кого-либо из высших сословий. Конечно, случаются дуэли среди знатных, но лишь в редких случаях — приводящих к летальным исходам. Таким образом они именуется «матрасными войнами», как если подстелить соломку при падении, что-бы не ушибиться и не пораниться. Когда одним можно всё, а другим ничего и в ответ сильно бить тоже нельзя. Даже если тебя заживо жгут, пытаются и режут.

— Неудивительно, что кто-то или группа людей начала на них охоту, — глаза Улууна засияли от скрытой улыбки.

Магические ловчие никогда не показывали своих лиц после выпускных экзаменов. Так что никто за пределами стен школы не знал, кто скрывается под платком — завязанным на голову.

Подумав некоторое время он решил уточнить у старого ветерана подробнее про про свидетелей:

— Но я слышал от гонца Ордена, будто очевидцы видели двоих возле дома на улице — нашего подозреваемого и еще какое-то человекоподобное существо.

— Ну вы же знаете у страха глаза велики, все же я склоняюсь к версии, что мы имеем дело с оборотнем. Парень этот всегда казался странным, как я уже говорил, я был знаком с его родителями. Совсем не такие люди, как большинство здешних торговцев. Его отца долго не хотели принимать в гильдию Золотого Серпа, отклоняя по причине недостаточной

знатности рода. Сказать честно, мне жаль бедного парня. Но вы правда считаете, что у него мог проснуться дар? Именно то, что превращает их в диких магов.

Васур-Ла попытался наполнить гостью чашку, но видимо забыл, что он уже в прошлый раз выжал последние капли из чайника. И уже было приготовился позвать госпожу Сунь-Вынь, но Улуун остановил его жестом руки, давая понять, что на сегодня ему достаточно. До деревенской таверны идти прилично, а городская мэрия не позаботилась о постройке уличных нужников. Вследствие чего углы и стены на первых этажах домов носили характерные жёлтые следы, оставленные вольными художниками жизни, возвращавшихся из кабака домой.

— Нельзя сказать определенно, но мне предстоит узнать, — Улуун выведал достаточно и уже собрался уходить, — Так, где вы говорите его видели в последний раз?

Васур-Ла махнул рукой в попытке показать направление и неосторожным движением, чуть не рассыпал драгоценные крупы порошка из размолотой мумии.

— Ааа, демоны небесные! Чуть не пустил по ветру месячную пенсию.... В общем на заброшенной ферме, неподалеку от города есть мельница. Пастухи рано утром видели огни в её окнах. Возможно, просто разбойники, мои люди не рискуют соваться в такие места после того случая. Ну вы должны помнить про того колдуна, любившего нырять в порталы. И он гад такой, закинул целый отряд моих ребят на вершину Тарунг-Баа, когда они не заметили и влетели в эти, как их там..

Старик поскрёб лысину пальцем, пытаясь вспомнить забытое слово.

— Квазикулярные флуктуации эфирного пространства, — Улуун ещё в школе изучал раздел этой дисциплины.

Васур-Ла многозначительно поднял указательный палец в небо и замер в таком положении на несколько секунд:

— Вот вот, эти самые ква. ква... пространства в общем, — затем отставной служака указал на вершину горы, виднеющуюся из окна, — Они потом неделю спускались оттуда, не все разумеется, а только те, кто не умер от недостатка кислорода в первые же дни. Так что их в эту мельницу теперь не загнать ни кнутом, ни пряником. Даже если, там раскинув ноги будет лежать сама богиня Даргху — раскрыв свою жаркую скважину и при этом подманивая пальчиком.

Васур-Ла вытряхнул пепел из трубки на пол и продул её, разметав по комнате прах погребенного. Интересно, при такой частоте, сколько святых останков он уже успел распылить по полу. Кажется, у него уже выработалась вредная привычка, от постоянного употребления кусочков мёртвой плоти. Однако как же иронична жизнь — могли ли мумии знать, что их конечный путь окажется в трубке одинокого пенсионера, проводившего свой досуг в обществе раскрепощенных девиц. А может их сила была настолько велика, что даже прах способен освятить любое место. И в следующий раз Улуун обнаружит здесь храм паломников, вместо публичного дома. И конечно же Васур-Ла станет главным жрецом, как субъект — наиболее пропитанный духом святых людей из прошлого.

— Тогда вы правы Васур-Ла, обычный человек туда не пойдет, — Улуун поправил свою форму и проверил боекомплект серебряных сюрикенов. — Разбойники хоть и беспутный народ, но точно не тупые. Кроме мага, чувствующего малейшие изменения в Море Линий, туда никто не рискнет сунуться.

— Но в городе его нет, по крайней мере мои агенты утверждают так. И если он сам еще может как-нибудь проникнуть за стену, то его монстровидного товарища стража точно не

упустила бы. Вот почему я склонен к версии ликантропии, человек не способен на события произошедшие в доме последней жертвы. И наверняка она не конечная и будут ещё похищения, помяните мое слово Улуун-Ла. Список членов торговой гильдии Золотого Серпа ещё не закончился.

Улуун Сагкх открыл дверь комнаты и вышел в коридор, в ноздри тут же ударил пряный и резкий аромат телесных выделений, перемешанных с запахом пота. Васур-Ла проводил магического ловчего до конца коридора. После ярко освещенной солнцем комнаты, здесь все казалось слишком тусклым и Улуун чуть не навернулся с лестницы, если бы вовремя не схватился за перила. Спустившись и различив в полумраке светлую щель, между входными дверями он направился к выходу. Улуун вежливо отодвинул в сторону какую-то, невесть откуда возникшую у него на пути полуголую тетку, и шагнул вперёд с намерением толкнуть массивную дверь наружу.

Сверху за спиной на прощание раздался напутственный голос Васур-Ла:

— Удачи вам друг мой, она вам ещё пригодиться. И я всегда к вашим услугам.

Он не стал оборачиваться в ответ, а лишь поднял руку в прощальном жесте.

Когда Улуун оказался на улице, залитой солнечным светом, и захлопнул за собой створку двери он усмехнулся. Поскольку внутри все еще слышался голос ветерана пенсионера:

«Госпожа Сунь-Вынь пришлите мне в комнату двух лучших своих учениц.»

Вышибала снаружи всё так же охранял вход в Дом Наслаждений, а пёс Азар верно лежал там же неподалеку от дверей. Солнечный диск нижней частью уже касался белоснежных вершин. Скоро в долине станет холодно и с наступлением сумерек городские ворота закроются. Так что ему нужно поторопиться, если он хочет завтра проведать заброшенную мельницу.

Проходя мимо стены — он заметил, что ближе к вечеру количество стражников на ней увеличилось и на улицах появились пешие патрули с факелами. Вряд ли наш таинственный гость сможет просочиться незаметным. Даже оборотню не перепрыгнуть стену высотой в четыре человека и толщиной с две повозки. Наверняка у него есть сообщники, местная аристократия уже успела изрядно попортить кровь простолюдином, так что такое не исключено. Нужно выяснить какие ходят слухи в деревенской таверне. И у него как раз будет такой случай за ужином, прежде чем он отправиться отдыхать в свою комнату.

Глава 30 Художник по призванию

Стоило мне отойти на некоторое расстояние от пирса, как ко мне подошли двое гвардейцев из солтанской стражи:

— Стоять гражданин, ваши документы! — нагло потребовал один из них, источая перед собой перегарный запах.

— Да какой он гражданин, — прервал его второй, — не видишь на нём синий тюрбан, этот из нелегалов будет.

— Лицензия на оружие имеется? — продолжил первый, указывая на свёрток за моей спиной.

И только сейчас до меня дошло — меня сдал тот подлый торгаш, предлагавший мне купить у него невольниц. Ведь он один видел мой шамшир, а до того я свободно ходил и никто не обращал на меня внимания. Я взглянул через плечо одного из гвардейцев и увидел, как торгаш вдали с нескрываемым любопытством наблюдал за происходящим. Поглядев в другую сторону я понял, что меня наверняка уже обложили: у подножия холма возле восточной стены города виднелся отряд в пять или семь человек.

— Какие вам нужны документы? — решил я изобразить из себя дурачка и потянуть время, раздумывая, что предпринять дальше.

Можно сорваться с места и побежать, так как никаких документов у меня разумеется нет. Догнать они меня точно не смогут. Можно попытаться отвлечь внимание, изобразив жертву усыпив их бдительность, а затем порубить их раньше, чем они успеют моргнуть. Но в какую сторону бежать? На восток мне путь закрыт — рубиться с толпой вооруженных саблями недоумками мне совсем не улыбается. Остаются Южные ворота и тогда мне только одна дорога — в Великие Пески. Хорошо, что день клонится к закату — в пустыне легко затеряться даже в редких тенях, я знаю. А когда восходит луна, можно пересидеть за барханом, и люди Кесаха-работорговца будут долго меня искать.

— Давай не придуривайся, сдавай оружие и иди за нами, — первый явно был настроен решительно, — Надевай на него кандалы.

— Ну или мы сможем договориться, — ехидно улыбнулся второй, взявший на себя роль доброго блюстителя закона, — Ну так как?

Ситуация принимала нежелательный оборот, пополнять ряды бритых рабов мне вовсе не хотелось, а денег откупиться у меня нет.

— Хорошо, сейчас я сдам вам своё оружие, — я потянулся к рукояти своей сабли за спиной.

Одновременно просчитывая маневры боя, с размаху полоснуть левого по шее и возвращая саблю снизу, вспороть правому подмышечную артерию, пока он в замешательстве будет доставать свой меч. И вот когда я уже готовился провести молниеносную атаку, в нашу интеллектуальную дискуссию вмешался кое-кто третий.

— Господа! Господа, минуточку внимания.

Все мы обернулись на вклинившегося в разговор незнакомца. Точнее незнакомцем он оказался для них, а вот я его знал в прошлом. Если можно так сказать о тех, нескольких днях проведенных в караване, вместе с этим молчаливым путешественником. Тот самый блондин собственной персоной, ехавший вместе с нами в караване на коротконогой лошади. И

неизменной книгой подмышкой, в которой он постоянно делал какие-то записи и зарисовки.

— Я вижу у вас какие-то разногласия господ, — блондин подошёл поближе, — Но смею вас уверить случилась какая-то ошибка.

Двое стражников посмотрели на него с некоторым удивлением. К иностранцам они относились с осторожностью и особо не трогали их. А то что подошедший чужеземец, сомневаться не приходилось, часто ли здесь появляются голубоглазые блондины, пусть и загоревшие до красноты.

— Позвольте представиться, — дружелюбно продолжил белокурый мужчина, — Моё имя Остарих фон Малер, я ученый и художник его величества короля Баббсбурга. — с этими словами он достал аккуратно сложенную бумажку с подписями печатями и отдал одному из стражников.

Тот молча взял её и принялся читать, напрягая последние извилины или по крайней мере усердно делал вид, не желая показаться тупым и неграмотным. Выражение лица его выражало крайнюю степень сосредоточенности, и Остарих дал стражнику еще несколько секунд для того, чтобы осилить текст, после чего вновь обратился к ним:

— Как вы можете прочитать из мой доверительной грамоты, подписанной самим Солтаном, — блондин указал на подпись и печать в документе. — Всем подданным Солтана указывается содействовать и помогать мне во всём, в противном случае это может привести к международному скандалу. — учёный поправил сползшие на нос круглые очки, — Я думаю вы понимаете, чем такое грозит лично вам?

— Ну а что вы от нас хотите? — подавленно буркнул гвардеец закончив читать.

— Видите ли уважаемые господа, — учёный положил руку на моё напряженное плечо, — юноша, которого вы остановили, находится под моей протекцией, он мой личный телохранитель из племени Пустынников. И наличие его оружия, гарант моей безопасности. Вы ведь не хотите, чтобы со мной что-то случилось и разразилась война по вашей вине? — Он выждал драматическую пазу и увидев мучительную реакцию на их лицах заявил. — Требую вас отпустить моего телохранителя и гарантирую, что я ничего не напишу в письме вашему владыке.

— А что такой чужеземец делал у Солтана? — спросил вдруг наиболее сообразительный из гвардейцев.

— Как что?! — громко возмутился Остарих фон Малер, вдруг напугавший нас своим резким тоном. — Я художник и я рисовал с натуры не только самого Солтана, но и весь его гарем, — он тут же вытащил и раскрыл свою книгу перед нами.

В отличие от букв, картинки оказались для стражи более понятливыми аргументами. Они уставились на них с неподдельным интересом и чуть не роняли слюну. Красочные рисунки множества девиц и женщин, как одетых так и полуголых, в окружении евнухов и придворных служанок. Я смог прочитать одну из надписей внизу: *«Фаворитки из гарема Солтана, пожелавшего запечатлеть их образы на веки.»* Должен признаться, у него прослеживался отменный вкус к женской красоте.

— Вот видите, я имел доступ в святая святых вашего повелителя. Как вы думаете? — продолжил психологическое наступление художник, — Что он сделает с наглецами, посмевших задержать человека, которому он доверил созерцать свои самые дорогие сокровища, а?

Весь былой задор и веселье исчезло с лиц стражников, они отдали учёному его доверительную грамоту и несколько потоптавшись решили отступить.

— Виноваты, ваша честь, простите нас. Больше мы смеем задерживать вас и вашего телохранителя. — Они выглядели жалкими, словно побитые псы. — Не держите на нас зла, мы просто не знали. Разрешите откланяться.

Склонив головы и не поворачиваясь к нам спинами, они отошли на некоторое расстояние, а затем поспешно удалились в закоулки. Работорговец на пирсе смотрел разинув рот, он явно ожидал другого развития событий — его торжествующая улыбка сползла с лица, а на скулах и в уголках рта у него заиграли желваки. И было с чего, вероятно он уже догадался, о том, что я знаю о его гнусной проделке и теперь стоял в напряжённом выжидании, прикидывая, что я могу с ним сделать. Я окинул его долгим взглядом и, не проронил ни слова, пока блондин не привлёк моё внимание к себе:

— Ещё раз позвольте представиться, — блондин протянул мне руку, — Остарих фон Малер, учёный, художник, путешественник и просто авантюрист.

Я удивленный тем, как он ловко согнал спесь с псов Солтана, пожал протянутую мне руку. Его рукопожатие было крепким и уверенным, намекая на его открытый и добродушный характер.

— Асиф, просто Асиф, из пустынных племен, — представился я, — впрочем вы это и сами знаете.

— Да, конечно, там в караване мы не имели возможности познакомиться поближе, но я вас запомнил, — улыбнулся Остарих, в уголках его глазах сверкали огоньки искренности. — Вы тот юноша, которого мы нашли без чувств неподалеку от тропы. Только наши пути разошлись ещё в пустыне. Вы пошли по короткому пути, а мы по длинному и как видите, мы лишь недавно прибыли в город, — он стряхнул пыль со своей одежды. — И теперь я ищу корабль, хочу наконец вернуться к себе домой.

— Вообще-то я здесь с такой же целью, — признался я, обрадованный тем, что у меня наконец-то появился кто-то из прежних знакомых. И к тому же наши цели частично совпадали.

— Да? Вот и чудесно. Так вы нашли корабль? Если нет, то мы можем поискать его вместе.

— По правде говоря ещё нет, мне попался только мерзкий работорговец, — процедил я сквозь зубы в направлении пирса.

— Да, неприятные люди, — нахмурился Остарих, — ведь они так скоро и до моих земель доберутся. Ну так если у нас общая цель, перебраться по ту сторону моря. То предлагаю отметить, у меня после пустыни ужасно пересохло в глотке.

— Ну что же я не против, если вы угощаете, — согласился я, — у меня к сожалению нет денег.

Честно сказать, от недавних событий, у меня тоже язык к нёбу присох и чашка зелёного чая будет весьма кстати.

— Конечно, ведь вы теперь мой телохранитель, — блондин усмехнулся, — Пойдёмте, я знаю здесь одно прекрасное место.

Он поправил свою книгу и зашагал в сторону от пирса внутрь города. Я пошёл рядом, в конце концов с ним ко мне больше не пристанет городская стража, о чем они все конечно уже были осведомлены.

Глава 31 Загадка чёрной статуэтки

Пройдя вдоль ряда домов, мы остановились перед зашарпанной дверью под выцветшей вывеской. Чайхана куда привёл меня Остарих, располагалась в тихой и неприметной улочке. Человек незнакомый с городом, вряд ли смог бы найти данное место вот так сразу.

Внутри чайханы царил полумрак и прохлада, как раз то, что нужно людям уставшим от жары и большого количества солнца. В высоких конусообразных потолках зияло множество вентиляционных отверстий и горячий воздух постоянно поднимался наверх. Увлекаемый потоками ветра, проходящего через них и создавая принудительную циркуляцию, за счёт чего здесь всегда ощущался приток свежего воздуха.

Казалось бы такое неприметное здание снаружи, однако оно пользовалось популярностью у местных жителей и путешественников. Практически все места в кабинках, отделенных между собой глиняными стенками, были заняты посетителями. За низкими столиками, откинувшись на кучи подушек, сидели или полулежали люди. Мужчины-официанты в красных колпаках разносили подносы с чайниками и чашками, а также всевозможными сладостями и фруктами. Никто не шумел, посетители тихонько попивали чай, покуривая кальян и вели негромкие разговоры на повседневные темы. В общем неторопливая и размеренная жизнь свободных граждан, чья жизнь не состояла в бесконечной работе и потаканиям воли хозяина.

У входа нас встретил радушный работник заведения и провел в одну из кабинок со столиком. Освещаемую слабым светом лампы, накрытой ажурно вырезанным колпаком из жести и висящей прямо над столиком. Отбрасывая причудливые узоры теней на глиняные стенки, привнося с собой неповторимую атмосферу таинственности и загадочности. Мы устроились на подушках и сделав заказ у официанта, стали с нетерпением ждать.

— Так чем же вы занимаетесь? — спросил я у Остраиха, пытаясь заполнить время в ожидании заказа.

— Я учёный исследователь, путешественник и просто любитель приключений, — тихо засмеялся блондин, — Новые земли, новые народы, истории и легенды мира, вот мои интересы. Вот ты знаешь, как звучит слово «Дом» на языке тех, кто в древности построил этот город?

— А разве не мои предки построили его? — спросил я, — Честно, не знаю, я же вырос в пустыне.

— Нет, Асиф, твои предки пришли сюда, когда города уже были заброшены, — и он добавил шепотом, — А ваших предков изгнали сотни лет назад в пустыню чужаки.

— Да, я знаю, мне дедушка рассказывал об этой войне, — так же прошептал я, стараясь не привлекать лишнего внимания.

— Так вот на языке построивших этот город «Дом» назывался «Уль», ну ты знаешь это сохранилось в слове улей, там живут пчёлы. Соответственно несколько домов в ряд назывались «Улес». Теперь по-современному они называются улицы. Что отличало города от деревень, так это наличие стен, защищавших «Улес». А буквой «Т» в древности обозначали «твердость». И значит например «Улес», окруженные стеной называли «Т'улес». Отсюда и пошло ваше слово «град, город», то есть «огражденный» стеной.

— Надо же как интересно, а я даже не знал, что такие обычные и привычные нам слова имеют такие древние корни, — я не помнил чтобы на уроке истории нам рассказывали

подобное.

— Честно говоря, я тоже долгое время искал загадочный город Туле, — Остарих нервно захихикал и постучал себе кулаком по лбу, — А оказалось, это было как масло масляное, то есть «город Город».

Тем временем официант принес наш заказ, высокий глиняный чайник с зелёным чаем, сдобные лепёшки и куски старого мёда. Остарих разлил в пиалы чай, поднёс к носу и вдохнул её аромат.

— Должен сказать, я уже давно в пути и как-то жил в тех краях, где выращивают все сорта чая. И был даже там, где горы настолько высоки, что касаются неба, а в груди спирает от высоты так, что нечем становится дышать. Но всегда нет ничего лучше, чем хорошая чашечка чая. Она утоляет жажду в зной и согревает в холод.

— А я нигде не был, кроме пустыни, — откровенно признался я, но мне было интересно познакомиться с таким человеком, — А в этих горах тоже живут люди?

— Конечно живут, — кивнул он и подул на чай, — Там бывает жутко холодно и много снега на вершинах гор.

— Снег? Что такое снег? — Асиф никогда не слышал про снег.

— Ах-хах-ха, ну если окажешься в наших краях, я покажу тебе, что такое снег, он падает с неба. И выглядит как песок, но только белый и холодный.

— Ну песок тоже падает с неба, — вдруг вспомнил я бабушкины сказки и легенды, — По поверьям моего народа, песок падал несколько месяцев и засыпал все земли. Теперь эти места известны как Великие Пески. В то время пришла сильная песчаная буря и замела под собой многие города. Сказать по правде, они и сейчас случаются иногда, но очень слабые и непродолжительные. Самая сильная буря из последних лет, была в день моего рождения и меня назвали Асиф, что означает «Ураган».

— Интересно, расскажешь мне потом поподробнее, я запишу в свою книгу, — фон Малер поправил сползшие очки.

Долгое время, мы просто ели и запивали горячим чаем, официант за это время уже успел принести нам второй чайник. Наконец-то подкрепившись и разомлев, Остарих некоторое время как-то странно смотрел на меня, будто гадал стоит или нет завязывать разговор.

— Честно говоря я не думал, что вы выживите, — вдруг произнёс художник, — Когда вы отправились в Сердце Песков. Я должен признаться, я виноват перед вами.

Тема разговора предложенная им, удивила меня самого, откуда он мог знать, про события произошедшие у чёрной скалы. Неужели выжил кто-то ещё, кроме меня и Алифа.

— В чём же? — спросил я.

— Когда мы зашли сюда через ворота, со второй половиной каравана. Мы узнали, что первая часть каравана, ушедшая в Сердце Песков, так и не появилась в городе, — весь его шуточный тон словно рукой сняло и теперь он выглядел очень серьёзным и собранным, — И каково же было моё удивление, когда я увидел тебя, препирающегося с теми двумя стражниками.

— Ну должен сказать, что я тебе благодарен за помощь, — хотя я всё ещё не понимал в чём он виноват перед нами.

— Право это меньшее, что я мог сделать, за свой промах, — он тяжело вздохнул, — Я испугался и смалодушничал тогда.

Я всё ещё не мог взять в толк, что же он имеет в виду. Прошла некоторая пауза прежде,

чем Остарих фон Малер собрался с мыслями и продолжил начатое.

— Мне кажется я привлёк, тех демонов пустыни, начавших губить людей по ночам. И виной всему стала, чёрная статуэтка, которую, дёрнул меня чёрт, я купил у одного голодранца в стране высоких гор. С самого начала мне показалось странным его поведение. Будто он распродал ценные семейные реликвии в надежде заработать денег на выпивку. Или что ещё хуже, выкрал их в одном из горных монастырей, о которых среди местных ходит ужасная молва.

Будто бы никто не видел их обитателей, но никто и не стремится к ним попасть. Так как по слухам они насылают снежные бури и лавины, на любого, кто осмелится заявиться к ним без спроса. Также под страхом смерти, они требуют к себе мертвые тела, всех безвременно почивших жителей долин. Неизвестно что они делают с ними, но поговаривают, будто съедают их. А тех что не съели, оживляют и заставляют служить себе на веки вечные.

Я очень сомневался покупать ли статуэтку или нет, но очень хотелось привезти что-нибудь на память. После долгих дорог я оказался в вашей стране. Всё было хорошо, я даже успел пожить во дворце Солтана и порисовать его наложниц с его разрешения. Знаешь он очень тщеславен и не смог устоять перед лестью, а у меня теперь есть уникальный материал для моих книг.

Потом я собрался домой и примкнул к каравану идущему до портового города. И все казалось в порядке до тех самых пор, пока не начались загадочные случаи смерти в караване. Тогда я и понял, проклятье чёрной статуэтки, она преследует своего владельца, за немыслимое святотатство и осквернение памяти древних Богов. И когда речь зашла о разделении каравана, я подложил её в седельную сумку верблюда, отправляющегося в Сердце Песков.

Я вспомнил, что видел Остариха в тот день, когда он поспешно отходил от верблюда Амина, словно стремился сбежать от чего-то. Значит он подложил статуэтку в сумку моего друга Алифа и после она оказалась у меня. От проскочивших мыслей у меня побежали мурашки по спине и зашевелились волосы на голове.

— Эта... эта статуэтка у меня, — только и смог я выдать из себя.

— Что?! — вскрикнул блондин, испугав половину посетителей чайханы и чуть не опрокинув стол с подносом и чайником.

— Ну то есть, она была у меня, пока я не припрятал её в надёжном месте, — я попытался его успокоить и внутренне порадовался своей сообразительности не таскать статуэтку с собой, — Уж больно она тяжелая, несмотря на маленький размер.

Учёный-художник кажется расслабился и уселся на своё место.

— Теперь я хочу заглядеть вину за свою трусость и помочь всем чем смогу, — он выглядел очень поникшим и угнетённым, — Позволь мне оплатить твоё место на корабле, я бы сделал большее из возможного

Вспомнив отвратное лицо мертвеца, возникшего перед нами в ту ночь, я промолчал. И пусть Хэиб с Ахрасом оказались бандитами и разбойниками, но ведь именно они спасли меня в пустыне, подобрав рядом с трупом командира Солтанских солдат.

Мне было горько осознавать, что причиной их гибели стала какая-то статуэтка, подложенная этим неплохим в общем то человеком. В сложившуюся ситуацию мне верилось с трудом и если вначале он вызывал во мне теплые и приятельские чувства, то теперь я не знал, что делать и как к нему относиться.

Комок подкатил к моему горлу, я налил себе чая и сделал несколько глотков. Остаток продолжал молчать и виновато смотрел в свою опустевшую чашку.

Глава 32 Смертельный оргазм

«Так вот куда Солтан постоянно пропал» — советник Адил наблюдал внутри его воспоминаний, как владыка наслаждался главными атрибутами своей власти, всячески кривляясь и воображая себя владельцем «Небесного Отца». Наконец вдоволь натешившись и наигравшись, самодержец вышел из склепа Асур-Кхана, вставил ключ в замочную скважину и провернул его.

Тяжелые двери, ведомые скрытыми механизмами, с шумом и лязгом пришли в движение. Когда створы захлопнулись, владыка вытащил ключ и повесил его себе на шею, запятив в зарослях волос под халатом. Прделав обратно тот же путь по которому пришел, он вновь вернулся в главный зал, налил себе бокал д'ихь и призадумался.

Его уже ничего не радовало, ни танцы и песни шутов, ни бои рабов в бычьих ямах, где их терзали львы и тигры. Изысканная и вкусная еда уже не лезла в горло, а всех женщин в гареме уже перепробовал. Не думал, что когда-нибудь ему всё надоест и он будет чувствовать усталость и уныние от своего положения.

Когда он был рабом всё выглядело гораздо веселее, даже миску похлебки и засохшую краюху хлеба, выдаваемую по вечерам, он ждал с великим ожиданием счастья. Вот дёрнуло же его тогда во время восстания «неприкасаемых» схватить шапку Ю-маха и натянуть на себя. И теперь он великий Солтан уже десятки лет, подумать только, где такое вообще видано.

Всё о чём только мог мечтать раб осуществилось и он уже не рад своей власти, воистину же тяжела шапка Ю-маха. Не только в переносном смысле, но и физически — он покрутил головой разминая мышцы шеи. Не придумав ничего интересного, владыка взял кувшин д'ихь и направился в свою опочивальню, напиться до бесчувствия и забыться сном.

Не успел он дойти до своих покоев, как его ноздри уловили слабый запах. Чувствовалось что-то волнующее в этом аромате, то что пробуждало в нём давно забытые ощущения. Сладость и пряность сливаясь в тонкий букет, достигали самых чувственных уголков его мозга. Словно лишённый ума он побрел ведомый шлейфом аромата, надеясь найти источник столь прекрасного благоухания, как если бы на мгновение раскрылись врата в Джаннат (Рай).

Вот он прошёл по коридору дальше, мимо своих покоев и он даже оставил, перед дверью на полу, свой кувшин. Теперь его волновала лишь одна мысль — найти средоточие запаха, взбудоражившего всю его основу до конца. След аромата вывел его из дворца и довёл до Солтанского сада. Тут к нему приплелось дыхание прекрасных цветов, разводимых лучшими садовниками, но повелитель лишь фыркнул носом, изгоняя их из своего обоняния. По сравнению с той сладостью, они казались ему испарениями гниющих на солнце животных. И он сосредоточился, стремясь уловить новую порцию очарования, исходящей из глубин сада.

Слабый порыв ветерка донёс до его, раскрасневшегося от возлияний носа, сладкое дыхание — обещающее ему неземное блаженство. Определенно центр всего этого великолепия располагался вон в том углу сада, возле беседки с фонтаном, скрытой в зарослях виноградной лозы.

Солтан поспешно направился туда, волоча за собой по земле полы своего кафтана. Непомерно длинные рукава болтались на уровне ниже коленей, высвобождая руки через

грубо сделанные прорези. Он не только носил шапку Асур-Кхана, но также и его одежду. И разумеется она велика по размерам, не укорачивать же в самом деле рукава, отрезая их под уровень запястий. Ведь так она потеряет весь свой статус божественного происхождения, такие раньше носили только Боги.

Ведомый запахом, он услышал в глубине сада женский смех, в беседке ощущалось чье-то присутствие. Неужели кто-то из его многочисленных наложниц или рабынь, но что бы они пахли так же прекрасно, да никогда в жизни. Владыка уже практически бежал, когда запыхавшись и путаясь в ветвях плетистых роз на перголах, ворвался в уютно устроенную садовую беседку.

Его встретили две пары глаз, недоумевающих и удивленных, молча уставившихся на него. Две юные девы, абсолютно одинаковые и похожие друг на друга, как две капли воды. «Близнецы» — подумал владыка, жадно оглядывая их с ног до головы. Они обладали на загляденье приятной внешностью и точёными телами, слегка прикрытыми, под полупрозрачными одеяниями. Ещё никогда ему не доводилось лицезреть столь красивых и волооких красавиц с белоснежным ликом.

Их кожа подобно бархату, на длинных ресницах блестели росинки, подобные мельчайшим камням драгоценных алмазов. За их ярко алыми, приоткрытыми губами скрывались ряды ровных зубов, сравнимые с лучшим жемчугом из сокровищницы Солтана. Свет полной Йуна на небе, пробиваясь сквозь лианы цветов, освещала их волосы — белые, точно снег на вершинах гор.

Они всё также молча и неотрывно смотрели на него, в их взгляде проглядывалось нечто особенное, заставляя его кровь вскипать, ударяя в голову похлеще любого д'ихь. Никто из женщин не осмеливался так смотреть в его присутствии, ведь он сам Солтан, властитель душ и владыка народов. Но сейчас он готов сам отдать душу, лишь бы это никогда не заканчивалось. Будто услышав его мысли, одна из них не вставая со своего ложа, где они полулежали на подушках, призывно поманила его пальцем.

Повелитель незаметно ущипнул себя под полой кафтана, всё это казалось ему неправдоподобным сном. Может быть он уже напился в стельку и теперь лежит в своих покоях предаваясь фантастическим грёзам. Но боль от щипка ощущалась вполне реальной и даже привела его мысли в подобие некого порядка. Вернув себе дар речи он даже пробормотал что-то, приближаясь к ним на ватных и сгибающихся ногах.

— Ааа, я знаю, сюрприз от моего вербовщика Нэсаба, — он оскалился улыбкой кастрированного осла. — Вот же лысый чорт, решил таки уважить меня и купил что-то стоящее, — взгляд его бегал от одной к другой и облизнув пересохшие губы он продолжил. — Зря в нём сомневался всё-таки, я даже готов простить ему воровство за такие подарки.

Девы продолжали молчать, лишь неотрывно продолжая смотреть на него, немигающим взором своих больших глаз. Ну что же, Солтана в некоем роде даже раззадоривала их безмолвность. И расположившись между ними, он вконец расслабился и в привычной манере начал распускать руки. И они тут же резко осадил его намерения. Но не успел он возмутиться их непокорностью, как сами стали ластиться к нему и прижиматься, будто кошечки перед кормёжкой.

Такое ему понравилось весьма, ведь обычно он брал наложниц силой, а они только молча терпели, пока он не закончит. Тут же всё происходило наоборот и он всецело отдался во власть новых для себя ощущений. Удивительно, но их прикосновения осязались

холодными для кожи и несмотря на их умелые ласки, Солтан не смог ощутить привычной ему теплоты женских рук.

Впрочем, ему могло показаться, всё-таки уже наступил вечер и в южной ночи ощущалась свежесть морского бриза, дующего со стороны залива Рог Ай-ван. Он немного продрог и решил умножить своё удовольствие, переместившись в тёплые купальни, так любимые им за приятную для тела негу.

— Ох, мои красавицы, — владыка уже совсем опьянел от нахлынувших на него ощущений, — Пройдёмте со мной, — позвал он и встав с каменной скамьи, направился к выходу из садовой беседки.

Он обернулся, кажется они вовсе не хотели идти за ним, словно не желали согреться от холода ночи. Наконец близняшки переглянулись друг с другом, как если бы посмотрелись в зеркало, настолько сильно не отличить их друг от друга. В их неподвижных очах блеснул огонёк, сопровождаясь лёгкой, едва заметной улыбкой на устах.

Солтан шёл во главе, предвкушая впереди ночь сладостных утех, в объятиях новоприобретенных красавиц. А они шли за ним будто лебеди, плывя едва касаясь земли под полами своих платьев. Только никто из них не видел, как из-за кустов в чаще сада, за ними наблюдает пара недобрых, горящих жёлтым огнём глаз.

Миновав коридор и покои, троица прошла в купальни, мимо ошарашенных стражников на дверях. На них, обделенных женским вниманием, так же подействовал аромат, тянувшийся шлейфом за девами. И если бы не боязнь гнева их господина, то они тут же набросились бы на них в порыве страсти.

Солтан хотел омыться прежде, чем предаться ночи удовольствий с сёстрами-близняшками, как про себя он окрестил их. Поэтому скинув с себя одежды прошёл в комнату с бассейном и нырнул в воду. Вода чистая как слеза, приходила с ледников, протекая через акведуки построенные ещё во времена империи.

Также она хранила в себе многие тайны и многие смерти. Отсюда стража частенько выносила бездыханные тела утопленных Солтаном наложниц. Поскольку он, пресыщенный от чувственных удовольствий, имел нездоровую склонность ко всяческим экспериментам в любовных развлечениях.

И одним из них стало обыкновение Солтана брать рабынь сзади, перекинув их через борт бассейна, в то время как их головы погружались под воду. От нехватки воздуха, тела их содрогались в конвульсиях снаружи и изнутри, от чего он испытывал неопишное наслаждение, двигаясь внутри них в такие моменты. И часто они захлёбывались ещё до того, как он успевал удовлетворить свою похоть.

Невиданные дивы не спешили оголиться и тем более заходить к нему в воду. Не говоря ни слова, они лишь смотрели и ждали пока он закончит с плаванием.

— Ну же идите ко мне искупайтесь, — он попытался подбодрить их, — водичка чудо как хороша.

Но судя по всему его слова не убедили близняшек и это неповиновение ещё больше раззадорило Солтана. Ведь на них не действовала даже сила шапки Ю-маха. Впрочем, он понял её бесполезность ещё в саду и снял её вместе с одеждой, положив на скамью в купальне.

Кажется вода их пугала, поскольку они даже не прикоснулись к ней и будто нервничали, что повелитель как-то долго не собирается вылезать.

Дальнейшее воспоминание советник Адил проскочил в беспамятстве. И следующее что

он увидел то, как они сразу оказались на каменном ложе под куполом. Солтан лежит на мраморном камне, точно в таком положении, каким его нашли слуги. А на нём верхом, как наездница сидит одна из див и ритмично двигается не издавая ни звука. Процесс находился в самом разгаре и в затуманенном мозгу владыки воспоминания смешались, превратившись в один сплошной сумбур и сбитый калейдоскоп.

В какой-то момент, приближаясь к финалу, он почувствовал на своей шее, прикосновение нежных рук. Ощущение затягивающейся петли, от которой наслаждение всё больше нарастало. Солтан не сопротивлялся, ведь он приближался к лучшей кульминации за всю свою мерзкую жизнь. Лучшая кончина какую только можно пожелать, так что он уходил с улыбкой благодарности к своим молчаливым палачам.

Глава 33 Приятного аппетита

Неизвестно сколько продлилось бы наше обоюдное молчание, если бы у входа в чайхану не послышался шум. Кажется хозяин заведения препирался с кем-то, выясняя отношения на повышенных тонах. По обрывкам фраз, доносившихся до нашего столика, как я понял, он возмущался наглостью новоприбывших посетителей. Он говорил, что его чайхана имеет лучшую репутацию в городе и здесь соблюдаются все законы восточного гостеприимства. Чужеземцы могут чувствовать себя как дома и любой посетитель здесь неприкосновенен. И все гости находятся под его защитой и опекой, кем бы они не являлись, пока пребывают под крышей его заведения.

Вот только его оппонентов эта позиция явно не устраивала, их выдавал чужеземный акцент, очень похожий говор, услышанный мною в порту, спрятавшись за ящиками от наёмников. Наконец кажется их терпение лопнуло, до нас донесся шум драки и бьющейся посуды. Похоже на то, что в ходе короткой потасовки победителями оказались именно они, когда в общую залу вошли громила и трое стражников.

Наёмник с наглым видом, надменно обвёл взглядом посетителей, будто выискивая кого-то среди них. Гости чайханы уткнулись в свои чашки, никто не желал встречаться взглядами с головорезами Солтана, нанятых им с дальних земель и прославивших своим дурным нравом. На голове у него красовался шлем, увенчанный наверху красным гребешком из перьев. Настоящий петух-забияка, вспомнились слова Джаса в моей голове, до чего же точными бывают народные прозвища. Данные им не только за их драчливость и конфликтность по любому поводу, но также за манеры броско и ярко одеваться. Напяливая на себя одежды, сшитые из разноцветных пёстрых лоскутов и заплаток, так что их всегда видно за версту по яркой расцветке.

Вот только под этим милым костюмом скрывалась лютая злоба и ненависть, по легендам воспитанная верховным богом из их пантеона. Они поклонялись ему и приносили жертвы в его честь, обходясь с пленниками точно так же, как с ними поступал их Небесный отец-покровитель. Так что в городе все их боялись и не перечили, никому не хотелось испытать на себе, то что ощущает женщина, когда в неё входит мужчина.

Несколько раз оглядев всех присутствующих, он наконец остановил взгляд на одном из них и направился к его столику. К нашему общему несчастью, заметив именно блондина — чужестранца, сидевшего в дальнем конце чайханы рядом со мной.

— Он идёт сюда, — прошептал Остарих, стараясь выглядеть непринужденным и не смотреть в его сторону.

Понимая что ничего хорошего не предвещает и пока глиняная стенка укрывала меня от взора этого петуха, я осторожно снял шамшир со спины и положил слева у своих ног. Тяжелые шаги медленной и вальяжной поступью приближались к нашей кабинке всё ближе и ближе. Остарих пытался вести себя спокойно, будто ничего не случилось, но кажется его спокойствие духа слегка пошатнулось.

Наконец верзила остановился рядом с нашим столиком и обвёл тяжелым взглядом маслянистых глаз.

— Ти абмануль маих подчиненых! — басом срывающимся на визг прорычал примат.

Понятно, что ничего не понятно. В чем же конкретно он обвинял Остариха? Кажется он имел в виду тот случай в порту, между нами и двумя гвардейцами.

— Послушайте, в чем вы нас обвиняете, у меня есть все разрешения и лицензии, — ответил Остарих стараясь сохранять спокойный тон и не провоцировать лишний раз, гормонально неуравновешенное существо.

— Ти и ти! — «наёмник-петух» тыкнул пальцем в каждого из нас. — Нарушат закон, нилзя аружие, нилзя свабодно ходи туда-суда!

— У меня есть все документы, подписанные лично Солтаном, вот ознакомьтесь, пожалуйста, — Остарих вытащил из своей книги аккуратно сложенную бумагу и протянул её капитану наёмников.

Бабуин взял протянутый ему документ, поводит носом и кажется даже не читая, демонстративно разорвал её на части, рассыпав клочки над столом. Лицо блондина застыло в немом изумлении с раскрытым ртом — такой наглости он не ожидал.

— Дакумен не настоящи! — брызнул слюной наёмник. — Солтан мертв, слов мертвеса — мёртвый слов!

От услышанного я даже не знал, радоваться или плакать. С одной стороны известие о смерти Солтана означало, что вероятно больше никто не будет меня преследовать, а с другой стороны указывало, на недействительность его прежней протекции.

— Но позвольте, я подданный короля Бабсбурга, — попытался возразить Остарих фон Малер. — Нельзя вот так вот просто взять и... — не успел он договорить, как громила хлёстко ударил его по лицу.

— Малчат, скатина, я тибе пась парву! — его глаза бешено вращались, готовые вылезти из орбит, а пена из рта капала на стол.

Стало очевидно, договорится по уму не получится. Наёмник готовился нанести второй удар и просто тупо забить безоружного человека в порыве ярости. Вот он уже занес руку, еще мгновение и сокрушительный удар проломил бы висок учёного художника. Если бы он только имел, чем наносить удар, поскольку наёмник вдруг с удивлением взглянул на свою руку. Его рука лежала на столе, подпрыгивая и сжимая пальцы, попутно сбивая всё чашки с тарелками.

Он хотел быть быстрым, но я оказался быстрее и мигом вытащив шамшир, сначала отрубил ему руку. А затем пока он таращился на руку, лежащую на столе, потом на то, что осталось от неё — я не теряя ни секунды полоснул по выпуклому и волосатому животу. Зловонный запах ударил в нос — бедный Остарих пару секунд глядел на всё происходящее, а затем не выдержал:

— Буууээээ!!! — тугой струей блевотины, с не до конца переваренными лепешками и чаем, он оросил еще теплые внутренности, сползающие со стола ленивыми бледными червями.

Верзила покачался, взглянул на свой живот и рухнул на спину, подняв пыль с земляного пола. Народ доселе сидевший молча — ломанулся со своих мест, сшибая с ног гвардейцев и задавив их под собой. Нельзя больше медлить, я быстро выволок Остариха за собой в общую суматоху, так мы смогли бы затеряться в толпе.

Со стороны наёмника было непростительной ошибкой прийти сюда одному, лишь с тремя шакалами из числа людей. Но приди с ним хотя бы ещё один соратник, попытка одолеть его в открытом бою означала бы проигрыш. Враги в лице людей мне были нестрашны, но эти генно-модифицированные «приматы», всё ещё оставались выше и сильнее любого человека.

Так что смешавшись среди кучи людей, мы рванули с художником к выходу из чайханы.

Глава 34 Поклонники Старых Богов

На ужин Улуун Сагкх заказал у хозяина корчмы традиционные для местных блюда, густой томатный суп, сдобные лепешки и ячменную кашу. Горцы особенно любили ячменную кашу — муку перемешанную с кипяченым молоком яка и сдобренную хорошей порцией масла.

По заверениям жителей долины, когда-то давно Боги научили их предков выращивать ячмень, печь из него хлеб и варить слабоалкогольные напитки. В условиях высокогорий ячмень прекрасно насыщал кровь медью, так необходимой для фильтрации углекислого газа. Разумеется никто из них таких сложных слов не знал, но опыт многочисленных поколений, вполне мог потягаться с лучшими умами из школы Ордена Равновесия.

Но это можно так сказать являлось одним из секретов здешних гидов — когда жители равнин, привыкшие к мясной диете насыщенной железом, сдавались от кислородного голодания еще на первых трёх километрах высоты. А горцы поднимались с десятком килограммов груза, на высоты более семи тысяч метров и не выказывали даже малейших признаков горной болезни. Не самые приятные ощущения, когда хочется разорвать одежду на груди от нехватки кислорода, а голову нещадно сдавливают невидимые тиски.

Улуун не всегда жил в горах, он родился в бескрайних степях, где его предки разводили лошадей. И кочевали с одного пастбища на другое, вслед за своими табунами. Он плохо помнил своих папу и маму, поскольку давно не жил с ними с возраста пяти лет. В один из дней незнакомые люди пришли к их юрте посреди степи. Его родители отдали им своего сына добровольно — он являлся одним из семерых детей в семье и самым младшим. Эти двое мужчин оказались вербовщиками из школы, расположенной далеко в долине, затерянной среди горных вершин. Один из них впоследствии станет одним из его лучших учителей. Магическая школа Ордена Равновесия — именно так называлось то место, где из мальчиков воспитывали Магических Ловчих. А своих родителей, братьев и сестер Улуун больше уже никогда не увидит.

Когда хозяин таверны принёс еду, Улуун поинтересовался, нет ли у него на примете знакомого проводника:

— Скажите уважаемый Ла, мне бы хотелось разведать окрестности. Можете посоветовать толкового проводника, — он решил изобразить из себя простого пилигрима. — Я сам не отсюда, меня направили из университета по изучению фауны предгорий, и я боюсь заблудиться собирая образцы растений.

— Ох непростое время вы выбрали Ла, — трактирщик поставил деревянные миски на стол. — Сейчас настали беспокойные времена, ужасные существа бродят по округе. В городе есть стража, а кто защитит нас, простых деревенских жителей.

— Вы что-нибудь слышали о последних случаях в городе или может здесь?

Трактирщик закинул полотенце на плечо, смахнул со стола крошки и сел на скамью напротив Улууна.

— Страшные вещи происходят Ла, — он перешел на заговорщический шёпот, — но хвала богам, мы простые люди не имеем вреда. Все эти случаи касаются лишь жадных и алчных торговцев, — он оглянулся по сторонам. — В некотором роде, народ тайно поддерживает и чтит этого таинственного охотника. В его лице они видят своего защитника и того, кто отомстит вместо них — за долгие годы унижений. Но всё это между нами, я этого

не говорил, если что.

— Разумеется Ла, считайте я ничего не слышал, — Улуун понимающе кивнул. — Значит проводник у меня будет, раз местные не боятся за себя?

— Да, конечно Ла, вы можете рассчитывать на меня, но сейчас все гиды заняты в поисках новых караванных путей, — трактирщик вытер полотенцем пот со лба. — У меня есть племянник, толковый мальчишка лет десяти. Я поговорю со своей сестрой, он как раз помогает мне по работе в моем заведении.

— Я буду вам благодарен Ла, — магический ловчий положил на стол серебряную монету с изображением дракона, словно по волшебству появившейся в его руке. — Если я буду доволен вашим проводником, сверху заплачу золотым драконом.

— Ох, конечно Ла, — хозяин таверны смахнул монету в мясистую ладонь. — Он очень толковый малый, знает все поляны и луга, где растут ваши цветы и травы. Даже куда никогда не гоняют скот. Так что там действительно могут быть редкие растения.

Улуун кивнул в знак согласия и принялся за еду — он не ел уже с самого утра, если не считать чаепития у Васур-Ла. Завтра ему предстоял долгий день, нужно выведать все потайные места в округе и к тому же разузнать, где расположена заброшенная мельница.

Рано утром постучали в дверь, владелец таверны, как и было оговорено вчера накануне, пришел разбудить к раннему завтраку. Улуун не спал и пребывал в медитативном трансе, заменяя им полноценный сон ещё со времён школы в Ордене Равновесия. Он умылся холодной водой из кувшина и быстро одевшись спустился вниз. Трактирщик указал на один из столов, где стоял приготовленный завтрак. За ночь общая зала успела остыть и хозяин топил печку в её центре.

Когда Улуун закончил с завтраком и встал из-за стола, хозяин позвал кого-то и из соседней комнаты вышел мальчик. Загорелый от постоянного пребывания на солнце, такой же худенький и жилистый, как и многие горцы закаленные в суровых условиях. Родственник сказал своему племяннику несколько фраз и тот послушно закивал, затем посмотрел на магического ловчего. По его виду можно было понять, что он немного боится незнакомца с замотанным лицом и увешанного странного вида оружием. Пока они переговаривались между собой, Улуун решил подождать снаружи, все равно он не понимал о чём они говорят.

Солнце еще не взошло над снежными пиками, но долина уже освещалась рассеянным светом. Пока прохладно, Улуун знал, что как только взойдет солнце, оно начнёт жарить, да так что им придется все время идти в тени. У всех местных здесь страшно обожженные рожи, солнечная радиация высоко в горах особенно безжалостна. И уже к сорока годам их лица напоминают сморщенную и засушенную курагу с темно-красным отливом. Возможно отсюда у них пошла мода на западные шляпы с широкими полями, некогда завезенные приезжими путешественниками. А сейчас кажется, у них налажено собственное производство шляп из шерсти яка и они даже торгуют ими на экспорт.

Ему не пришлось долго ждать, входная дверь отворилась и оттуда вышел мальчонка — его проводник на сегодня.

Он робко подошёл и протянул руку:

— Меня зовут Нхунг, мой дядя сказал вам нужен человек знающий здешние места.

Улуун осторожно пожал его руку, честно говоря он сомневался, что из мальчишки выйдет выносливый гид.

— Я надеюсь тебе известны интересные места в округе, — он присел на корточки

поравнявшись с ним в росте и добавил шепотом. — Меня интересуют пещеры и заброшенные здания, знаешь такие?

Мальчишка согласно кивнул.

— Но дядя сказал, что вы хотите найти места где.....

— Тсссс! — Улуун прервал его, не дав закончить. — Ты же хочешь помочь своей семье? Принести им два золотых дракона, которые я тебе дам, если покажешь все, что тебе известно.

Юный проводник снова кивнул и улыбнулся. Ведь дядя не говорил ему ни о какой награде. После упоминания о том, что ему заплатят, от его страха не осталось и следа. Тем более его просили показать не какие-то непонятные поляны и луга. А самые загадочные и пугающие находки, встреченные ему во время пеших прогулок. Сам он боялся близко подходить к ним, а этот человек выглядел сильным и смелым, так что с ним теперь не страшно. Он махнул рукой и весело зашагал в сторону от таверны. Улуун последовал за ним, улыбаясь про себя в ожидании к чему это приведет.

— Куда вы хотите сперва сходить? — спросил Нхунг, глядя снизу вверх на Улууна. — К пещерам или к старому храму?

Вот как, тут оказывается есть руины древних богов. Если дело связано с магией, то скорее всего оно также имеет привязку к оккультным реликтам прошлого. Нужно непременно наведаться туда, глядишь получится найти какую-либо зацепку.

— К старому храму? — переспросил магический ловчий. — Хмм, а что ты знаешь про заброшенную мельницу?

Мальчишка сразу напрягся, а его былая веселость слетела, как осенний лист с дерева.

— Я туда не хожу, дядя будет ругать, это плохое место, — он остановился и опустил глаза в землю. — Там пропадает скот и даже пастухи сторонятся его. Хотя там много травы растет, можно много коров прокормить.

— Хорошо не волнуйся Нхунг, — Улуун Сагкх попытался его успокоить и увел разговор. — Давай сначала сходим к храму, а потом ты можешь показать мне пещеры поблизости от мельницы. Они ведь недалеко друг от друга?

Нхунг взглянул на восходящее солнце, пробивающееся первыми лучами, сквозь зубчатые вершины покрытые снегом.

— За день должны успеть, — произнес он деловым тоном, — Не отставайте от меня.

Из уст десятилетнего мальчишки это звучало смешно, но Улуун отнесся к этому серьезно. Каждый день на счету и нет времени на поиски более подходящего проводника.

Довольно долгое время они шли молча по тропе вдоль ущелья. На их удачу, тени отбрасываемые горной грядой, надежно защищали их от беспощадного солнца. Навстречу им шли караваны из яков и мулов, груженные различными товарами. Также попадались деревенские жители, которых нанимали на переноску грузов через перевалы. Они несли на себе огромные тюки, весом по тридцать-сорок килограммов, отчего издали казалось, будто тюки двигаются сами по себе. Лишь короткие и очень мускулистые ноги, при приближении, выдавали человека несущего груз.

Наконец-то Нхунг остановился, затем подождал пока Улуун поравняется с ним:

— Вон видите тропинка уходит? — он указал на еле заметную линию между валунов, ниточкой протянувшейся по склону вверх. — Нам нужно туда, но так, чтобы никто не видел нас.

Мальчик быстро юркнул за ближайшим валуном, Улуун и Азар последовали за ним.

Подъём оказался тяжелым, почти отвесным, мальчик весил немного и легко поднимался, цепляясь за чахлые кустарники. Улуун весил в несколько раз больше и мелкие куски горной породы скользили под его тяжестью, вынуждая его прикладывать больше усилий и просчитывая каждый шаг — стараясь ступать как можно мягче, не давая сыпуче прийти в движение. Иначе он рисковал скатиться до самого низа, по пути расцарапавшись до крови об острые куски скал. Он обернулся назад, Азар полз почти припав к склону, но у него четыре лапы, так что ему было заметно легче.

Преодолев последние метры и поднявшись на уступ, они наконец оказались на небольшом плато. С трёх сторон оно заканчивалось обрывом, примыкая к скале четвертой стороной. Отсюда открывался великолепный вид на долину и дорогу внизу, справа же сверкал своими белокаменными стенами город Золотого Серпа.

Здесь же возвышались и остатки древнего строения, развалившегося под тяжестью прошедших времён. Тем не менее оно до сих пор сохраняло в себе энергетику — мощной тёмной магии, прошедшую сквозь века и до сих пор имевшую влияние. Улуун буквально ощутил тяжёлую волну вибраций, исходящих от старых развалин. Азар оскалил клыки и приглушенно зарычал, стало быть он тоже почувствовал что-то неладное. Он не сводил взгляда с круга из камней, расставленных вокруг крупного плоского валуна в их центре.

Мальчик проводник, как и подобает всем детям в его возрасте, хотел подняться на него, как тут же вскрикнул и отпрыгнув оттуда пугливой ланью, тут же спрятался за спиной Улууна. Ловчий бросил молниеносный взгляд на каменный стол — мертвыми глазами на него уставилась голова. Облепленная мухами, с высунутым языком, покрытая бурой шерстью и с длинными завитыми рогами.

Определенно она принадлежала горному козлу, во множестве скачущих по совершенно отвесным скалам, слизывая соль с камней. Даже если он был очень умным и ловким козлом, то никак не мог сам оставить здесь свою голову — совершив смертельный прыжок с высоты прямо на импровизированный алтарь и попутно отделив её от туловища. Такое могло означать только одно — здесь до сих пор продолжают молиться старым богам. Кто-то совершил обряд Чёрного Таинства — принеся кровавую жертву жутким исчадиям Запределья.

Улуун знал, старые места силы часто используются дикими магами для общения с Тёмными духами. Только для чего? Каких тварей с той стороны Завесы намеревались вызвать неизвестные прислужники древнего храма. Это и предстояло выяснить.

Глава 35 Защитник угнетенных

Оказавшись снаружи, у нас оставался единственный путь бегства из города. Раз уж всем гвардейцам известно про наши незаконные действия, теперь только в одном месте нас могли принять как своих. Больше стражников и наёмников на улице мы не увидели и засунув шамшир обратно в ножны, я старался вести себя, словно ничего не произошло. Остарих с бледным лицом шёл рядом со мной, кажется его все ещё мутило. Вероятно его шокировало увиденное и ему сейчас все равно куда мы идём. Вот ведь святоша, прям как и его философия, только в другой ипостаси. Хорошо хоть его нос уже перестал кровоточить. Вероятно, я бы тоже пропустил такой удар, если бы меня в свое время не учили основным правилам поединка.

До порта оставалось совсем немного, уже виднелись покачивающиеся мачты пришвартованных кораблей. В конечном итоге мы оказались в месте пересечения наших путей с блондином, неподалеку от морского причала. На своем месте стоял и наш работорговец, по чьей вине собственно говоря всё и случилось. Если бы похотливый пёс не сдал меня гвардейцам, нам сейчас не пришлось бы в спешке спасаться бегством. В противном случае, скорее всего нас ждала участь быть наголо обритыми и проданными в рабство на галеры. Избежать этого, как я тогда думал, было невозможно — особенно после всего случившегося в чайхане.

Но пока нам везло, не буду забегать вперед и гневить судьбу своими прогнозами. Сейчас передо мной стояла задача оторваться от преследователей и добраться до укрытия. А там, как говорится, уже всё будет зависеть от Альияха. Пока здесь ещё не объявились другие мальчишки для битвы, а их здесь, судя по всему, скоро будет предостаточно. Но особого страха не было. Впервые в жизни я начал постигать суть вещей.

И я безусловно обрадовался, застав работорговца на привычном месте — значит он ещё поплатится и за меня и за слёзы невинных. Но кажется он совсем не разделял со мной радости от нашей долгожданной встречи. И увидев меня, живым и в добром здравии, широко раскрыл глаза и засуетился. Но, как человек быстро привыкающий к неприятностям, он тут же собрался с силами и даже что-то про себя пробормотал, наверно, по-древнейшему орочьему. Во всяком случае, к такому же переводу я не привожу смысла этих слов. Наверно он прочитал на моём лице, что не свыражением благодарности я к нему направляюсь по деревянному пирсу.

Рядом с ним стоял потенциальный покупатель на его отменный товар и кажется он уже собирался расплатиться, вытащив увесистый кошелек со звонкими монетами. Как бы не прискорбно было срывать такую выгодную сделку, но мне пришлось сначала вырвать из рук покупателя кошелек, а после столкнуть его самого с пристани в море. Кажется, он даже не понял, что произошло — признаюсь честно, от души мне было его жаль, но я уже давно научился сочувствовать людям. Даже несмотря на то, что мне приходилось делать с другими людьми то же самое — в некотором смысле это был побочный результат стремления к собственному выживанию.

Торговец рабами попытался запротестовать и позвать на помощь, но всё произошло настолько быстро и молниеносно, что даже окружающие не сразу поняли происходящего. Раз — шамшир разрубил цепь, с прикованными к камню пленницами, два — обрубок цепи обвился вокруг шеи работорговца, три — пинком ноги камень улетел под воду — утягивая за

собой незадачливого торговца. Он схватился за цепь на шее, пытаясь освободиться и зацепиться за край пирса, но я лишь придал ему ускорения, пнув его под ребра. Хрустнули кости, и негодяй исчез в набегающей воде среди вспененных волн.

Я усмехнулся:

— Возвращайся домой, жаба пучеглазая! Тьфу! — и плюнул вслед за исчезнувшим в пучине.

Бывшие пленницы в страхе сжались и сидели на краю причала, закрыв лица руками и ожидая своей участи. Видимо их не так страшилась смерть, как возможные страдания в статусе рабынь. Одна из них испуганно посмотрела на меня — в её глазах застыл животный страх вперемешку с благодарностью.

— Эй! — крикнул я им. — Вы свободны!

Невольницы переглянулись друг с другом, вряд ли они понимали, но интонации и эмоции распознаются на любом языке. К этому времени на шум сбежались зеваки и в дальнем конце порта, за их спинами замаячили головы стражников и наёмников. Последний раз бросив взгляд на темноволосую рабыню, глядящую прямо на меня широко распахнутыми глазами я бросил ей короткую фразу:

— Держи! — и кинул одной из них мешочек с монетами, отнятый у их покупателя. — А теперь брысь отсюда!

Они не заставили меня повторять дважды и растворились в толпе прежде, чем на крепостную стену вбежали лучники. Я их и не заметил, если бы Остарих не стал тянуть меня за рукав, указывая пальцем в их сторону. На каменную стену, протянувшуюся вдоль пристани, один за другим выбегали лучники и занимали позиции для обстрела. Быстро пересчитывая их, я насчитал двадцать четыре человека — в большинстве своем вооруженные луками, но были и солдаты — строевые латные пехотинцы.

Щурясь от солнца, я разглядел шлемы с плюмажами, круглые щиты с прорезями для глаз и кирасы — все были из железа, но относительно недавно выкованы, если судить по толстым пластинам металла, в которые были забраны кольчужные рубахи. Похоже на какое-то особое подразделение, которое мне раньше не приходилось видеть на улицах. К ним подтягивались и другие солдаты с другой стороны — некоторые, чтобы встать рядом со своими товарищами, другие, чтобы занять другую позицию. Между рядами встали лучники наизготовку со стрелами наложенными на тетиву.

На крепостной стене появились офицеры, и один из них прокричал что-то, показывая рукой в нашу сторону. Ясное дело, что ничем хорошим для нас это не могло кончиться, как пить дать натыкают в нас стрелами, как студентка-гимназистка из швейной мастерской втыкает иглы в куклу-подушку. Значит, надо было что-то делать, пока нас не хватились. Впрочем, что еще делать, если мы уже оказались в центре внимания? Разумеется бежать и как можно быстрее и как можно дальше. Вот только бежать некуда, если только мы не научимся за короткое время бежать по воде.

— Что делать будем Асиф? Мы окружены со всех сторон, — в голосе художника звучало отчаяние.

Гвардейцы, расталкивая всех, уже пробивались к нам сквозь плотную толпу, давшую нам немного времени на раздумья. Ещё немного и мы будем окружены со всех сторон. Время работает не на меня, а я, в свою очередь, больше не могу позволить себе ни одной ошибки. Сейчас все преимущества были на их стороне, и оставалось только уповать на моё мастерство, щедрость и везение судьбы. Не следует пытаться переиграть историю —

слишком велики ставки, и тут я был бессилён... В последней отчаянной попытке вырваться из смертельного мешка я сделал интуитивное движение вправо, когда засвистели первые стрелы и начали втыкаться в дощатый пол пирса. Сейчас они подкорректируют траекторию по ветру и тогда мы точно превратимся в ежей.

— За мной! — скомандовал я и шепнул потише. — Делай всё как я, нам предстоит проплыть под водой.

Да, именно под водой, поскольку сейчас прилив и отыскать вход в пещеру, представлялось той ещё задачей. Но это наш единственный шанс на спасение. Краем глаза я заметил, как лучники вкладывали стрелы в тетиву и прицеливались, пока мы разбегались до конца деревянного настила и прыгнули в море. Под морской толщей стрелы нам уже не страшны. Проплыв в сторону пещеры, сквозь мутную воду мне показалось темное пятно в скале — вход в подводный грот. Не останавливаясь, я проплыл к стене пещеры и проскользнул внутрь.

Вынырнув в темноте по сторону, я принялся ждать Остариха. Он всё не выплывал и я начинал беспокоиться — он мог утонуть или его подстрелили лучники. Я уже хотел выплыть из грота вынырнув обратно с той стороны и посмотреть куда он делся, как послышался всплеск и шумное фырканье.

— Ааа! Шайзе! Я же чуть не утонул, ты не мог сказать куда мы плывём? — кажется чужеземец снова пребывал в добром настроении. — А то я чуть не обделался, когда пришлось плыть за тобой в эту чёрную дыру.

Он сделал несколько гребков и подплыв поближе к пологому берегу вылез из воды. Волны в гроте тихо плескались об берег, как стеснительно разбушевавшиеся девственницы — солёные брызги долетали даже до стен пещеры.

— Ну ты по крайней мере спас свои собственные дыры. Ха-ха-ха! Знаешь ли о наёмниках я слышал всякое.

— Да, но я не спас свою книгу, — сокрушался блондин отхаркиваясь от солёной воды. — Уфф! Она осталась там в чайхане, рядом с кишками того грубияна.

Я даже не знаю насколько ценна была для него эта книга, но если вспомнить, как он не расставался с ней, словно она была его возлюбленной, то становилось понятным, что он бы просто отдал за неё жизнь. В этом я мог не сомневаться. Вздохнув, я поглядел на опечаленного чужеземца:

— Но ты бы её точно не спас, окажись она в море, — попытался я его утешить в свою очередь.

Блондин страдальчески улыбнулся. Для разнообразия на этот раз в моём ответе не было сарказма, который только что раздражал его. Я знал, как ему трудно, и его улыбка была залогом симпатии ко мне. Он лишь отряхнулся и развязав попытался выжать свою мокрую чалму, отяжелевшей от морской воды и налипших водорослей:

— И что, куда теперь? Мы же не можем здесь просидеть всё время, как подземные кобольды, — прозвучал озадаченный голос Остариха, когда он наконец закончил отряхиваться.

— Что за кобольды? — поинтересовался я новым для меня словом.

— Ну так на моей родине называют народец, живущий под землей. Кстати что это за место такое?

— Ну можно сказать, здесь живут свои кобольды и я привёл тебя в их город, только дороги я не знаю. Во всяком случае нам нужно идти прямо и все время вверх.

— Да, вот только здесь темно и ничего не видно, — Остарих вытащил из кармана зажигалку и чиркнул колесиком, осветив тусклым пламенем один из коридоров.

«Удивительно, откуда у него столь технологически совершенное изобретение, для того времени, в котором я оказался?» — подумал я.

Несмотря на то, что сейчас был прилив и вход в грот был затоплен — здесь было достаточно светло, но не недостаточно для полного освещения. Стены коридора были как бы сложены из каменных глыб, частично покрытых краской, давно облупленной под воздействием времени и агрессивной среды солёного воздуха.

Остарих тем временем начал размахивать зажигалкой, все время исчезая в коридорах и появляясь вновь — кажется в нём опять проснулся дух авантюриста и искателя приключений. Когда я попытался встать, то тут же ощутил дискомфорт в левой лопатке и острую боль переходящую в нестерпимое жжение.

— Аайй! Больно!

— Ооо, приятель, — Остарих осветил за моей спиной, — Да у тебя из плеча стрела торчит, как ты только смог проплыть с ней?

— Лучники со стены всё-таки достали меня, — процедил я сквозь зубы и надеялся на их незнакомство с отравленными стрелами, так часто применяемые туземными племенами.

— Ну во всяком случае вытаскивать её нельзя, — блондин аккуратно осмотрел рану, — иначе может пойти кровотечение. Хотя мне приходилось видеть, — вздохнул он, — как такие раны начинали гноиться, если вовремя их не обработать.

— Спасибо, ты меня утешил, не плыть же мне за лекарем обратно. — усмехнулся я превозмогая острое жжение. — К тому же морская вода прикончит меня от боли раньше, чем я до него доберусь.

— Ну тогда нам остается надеяться, что у твоих подземных друзей, есть кто-то сведущий в медицине. — художник поднёс пламя ко входу в тоннель. — Ты как, идти можешь?

— Да уж постараюсь не отстать, — ответил я, стараясь делать как можно меньше движений.

Идти по тоннелям и раньше было не легко, все время приходилось продвигаться пригнувшись. А теперь всё и вовсе усложнялось тем, что об его низкий свод то и дело цеплялся конец стрелы, причиняя тем самым резкую боль. И каждый раз вызывая помутнение сознания и в моих глазах становилось светло как днём. Даже фонарь не нужен, если бы только я не сжимал веки и зубы изо-всех сил, стараясь превозмочь боль.

Но при этом я даже не думал о том, чтобы отдохнуть. Наоборот, я изо всех сил ускорял шаги. Мне хотелось оказаться у цели раньше, чем я в конец ослабею. Минут через сорок таких мучений у меня закружилась голова, и я остановился, чтобы восстановить сбитое дыхание. Увы, это не помогло. От напряжения у меня потемнело в глазах, и я понял, что медленно заваливаюсь на бок.

Остарих фон Малер шагал впереди, хотя ни я ни он понятия не имели, куда именно нам нужно идти, полагаясь лишь на мои доводы держатся направления вверх. И рано или поздно, все пути должны привести нас в общую залу, с фонтаном бьющим из стены. Он заметил, что я начала немного отставать:

— Ты как там, нормально? — Остарих не мог развернуться и толком посмотреть назад. — Думаю, нам нужно постоянно о чем-то говорить, тогда я буду знать, что с тобой всё в порядке.

— Да вроде неплохо, — отозвался я, раздумывая, как же он прав, за разговором меньше отвлекаешься на боль. — Но я бы послушал о твоих странствиях, мне всегда было интересно какие люди живут в других землях.

— Ну ладно, — согласился учёный, — только иногда подавай голос.

— Ладно. Так как ты оказался в тех землях, умудрившись купить там чёрную статуэтку?

— Знаешь, вот ты родился в пустыне. А я родом с совершенно иных мест, первые и самые яркие впечатления у меня связаны с горами. Наше королевство расположено среди изумрудных долин, зажатых между гор с белоснежными вершинами. Ещё мальчишкой я бродил с пастухами и куда-бы мы не направились повсюду были горы. Надо ли тебе говорить, что жители наших мест приспособлены к жизни в горах, лучше чем кто-либо.

И окружающие нас пейзажи настолько прекрасны, что мне всегда хотелось запечатлеть их в своей памяти, а ещё лучше писать с них картины. И когда мне стукнуло меньше лет, чем тебе сейчас, я сказал своему отцу, работающему фермером в наших краях: «Я хочу поехать в столицу и обучиться искусству.»

— Дай-ка подумаю, — прервал я его, — Твой отец сказал, что он планировал в своём сыне увидеть, такого же пастуха, как он крутящего хвосты козам?

— Знаешь, нет. — судя по тону Остарих будто немного обиделся. — Отец всегда хотел, что бы я стал кем то большим, чем он сам и поэтому не жалел денег на моё обучение. Тем более, как оказалось у меня страсть и способность к языкам. Очень скоро, живя в большом королевском городе, где множество разных народов, мне удалось за кратчайшие сроки выучить пять языков и поднатореть в других науках.

Проведя своё отрочество среди диких гор, город для меня стал невообразимым источником информации. Я стремился изучить всё, что только мог и до чего хватало моих финансов. Отец мой не очень богатый человек и денег мне часто не хватало.

Моё обучение в художественной академии хоть и радовало меня, но приемная комиссия с презрением относилась к моему происхождению. Ведь я не сын барона или графа, как же потомок пастуха может быть художником. И знаешь, я так и не окончил художественный университет, на который возлагал такие большие надежды. На экзаменах меня позорно завалили, раскритиковав мои работы, хотя они клянусь были лучше, чем у тех же высокородных отпрысков. Но рисовать я не перестал, даже несмотря на то, что мои картины не пользовались популярностью и мне часто приходилось жить впроголодь. Вот только живопись не радовала меня. Она не приносила мне ничего, кроме разочарования и тоски. Кроме того я никак не мог стать похожим на своих братьев, при моем скудном художественном вкусе я стремился к другому. И я однажды решил стать еще и последователем культа Кали о котором я слышал, что он находится где-то далеко на востоке.

Глава 36 Ограбление хранилища Солтана

Визирь Адил скорчился на полу, всё тело сотрясали спазмы, совместно с удушающим кашлем и рвотой. Он задыхался от всего того, что только пережил, находясь в воспоминаниях Солтана. Советник схватился за горло и хрипло дышал, ему не хватало воздуха. Он рвал на себе одежду в порыве отчаяния, поскольку ему казалось, будто сейчас умрёт от удушья. Фантомное ощущение, затягивающейся шёлковой петли на шее Солтана, передалось также на его физическое тело. В эти мгновения он настолько приблизился к смерти, что успел осознать, что у него нет выбора. Адил остался один на один со своим ужасом и мучением. Он орал и дёргался в своём уме, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь, что могло бы поддержать в нём жизнь. В какой-то момент он почувствовал, что его держат за руку.

Шаман всё это время находящийся рядом, поднял его и с силой надавив на живот, заставил изрыгнуть из себя тот самый кусочек мертвеца. Адил с шумом задыхался, со свистом втягивая в себя воздух, наконец его лёгкие наполнились живительным кислородом, оставив позади все мысли о неминуемой гибели. Несколько раз откашлявшись и выплевывая мокроту, он пару минут приходил в себя и пытался осмыслить пережитое. Тело болело, во рту чувствовался привкус крови и железа, а в черепной коробке звенело. Но со всем этим можно было разобраться позже. Он попытался подняться на ноги, и едва не упал — от слабости кружилась голова и очень хотелось спать.

Шаман сидел рядом с ним и внимательно наблюдал за его состоянием. Затем он снова дал выпить ему какой-то жидкости. Наконец физическое и ментальное состояние советника вернулось в норму. Определенно, колдун знал свое тёмное дело и сработал сегодня на славу. Немного придя в себя, он посмотрел в глаза шаману. Тот смотрел на него весело и дружелюбно, и советник понял, что он не был обманщиком. Он даже ощутил что-то вроде благодарности к нему. Но при этом подумал, что никаких разъяснений делать не надо. Знает шаман и сам, что пришлось пережить Адилу.

Советник встал со скамьи и огляделся, вся его одежда была пропитана бычьей кровью и засохла твёрдой коркой. На улице уже наступил день, судя по лучам солнца, пробивавшегося с отверстия на куполе купальни. Труп прежнего правителя все также лежал на мраморной лежанке, с той же неизменной улыбкой счастья. Только теперь Адил уже знал, как всё произошло на самом деле, ему открылись многие тайны связанные со смертью бывшего владыки. Он услышал голос, говорил не кто-то другой, но он сам. Или вернее было бы сказать, что Адил слушал не сам себя, а чей-то незнакомый голос, который эхом отзывался в его голове, как пережитые воспоминания Солтана.

Шаткой походкой подойдя к нему, он откинул затвердевшую и прилипшую от крови ткань. Не было смысла шарить руками по зарослям волос на груди мертвеца — итак видно, ключа на месте нет! Теперь уже волосы на голове Адила зашевелились от осознания фактов. Произошло нечто более ужасное, чем просто убийство владыки, его заказчики очень осведомлены в дворцовых тайнах и скорее всего, невероятно могущественны. Но многое для него ещё неизвестно и нужно бы выяснить остальное. Подавив отвращение, он взял влажную одеревеневшую руку мертвеца и осмотрел ладонь. Натруженные грубой и тяжёлой работой пальцы были изуродованы шрамами, мозоли кажется так никогда и не сходили с ладоней, несмотря на то, что он прожил во дворце уже больше нескольких десятилетий.

Главный советник вытащил, из своего внутреннего кармана, пояс светло-голубого цвета и поднеся к лицу вдохнул. Да, это тот самый запах из сада заманивший прежнего владыку во власть двух ангельский прекрасных убийц. Крайне тонкая и очень прочная, такой нет ни у одной наложницы Солтана, ведь он был очень скуп на такие дорогие подарки. И ни у кого, даже у жены казначея Мустафы не было такого. Но стоит такой пояс поистине миллионы. В Кхан-Граде за один такой пояс можно было купить весь гарем бывшего владыки и еще немного оставалось бы. Прекрасное знание закулисных дворцовых интриг — это не только один из военных талантов, но и одно из свойств, которым Адил был обязан своему положению.

«Ищите женщину, ищите женщину» — подумал Адил усмехнувшись и пряча пояс обратно.

— Ари'с! Ари'с! — он попытался закричать, но голос его срывался и больше походил на хрип.

Тем не менее его верный слуга, всю ночь не сомкнувший глаз охраняя дверь, по зову хозяина тут же вошёл. Своей крупной фигурой он заслонил весь дверной проем и молча ожидал дальнейших указаний. У Адилы он всегда вызывал восхищение — Ари'с умел быть одновременно незаметным и могучим. Причём в силу различных причин, кажущихся любому человеку случайными, его телохранитель был далеко не самым неприметным членом элитного отряда охраняющих царский дворец и особенно покой самого советника.

— Хмм! Хмм! — Адил прочистил горло, — Найдите мне капитана Шема.

— Я здесь, о великий визирь, — голос начальника тайной разведки прозвучал откуда-то из-за спины Ари'са. — Я жду вас с самого утра, у меня есть новости для вас.

— Надеюсь хорошие, — главный советник помассировал своё горло.

— И хорошие и плохие мой визирь, — Шем вошёл удивленно взирая на кровавую баню вокруг.

Адил находился в нетерпении, его раздражала эта манера капитана тянуть время и боязнь сказать что-нибудь не по нраву Адилу и поэтому он склонил голову, делая вид, что осматривает мозаичный пол, пока советник не поторопил его:

— Ну давайте не томите, выкладывайте что у вас там, время дорого.

— Хорошая новость, — просиял Шем, словно только и ждал, когда у него спросят, — стражникам, стоявшим у дверей купальни в ту ночь, удалось развязать языки.

— Ну я не сомневался в методах нашего палача, — Адил оглядывал себя с ног до головы, явно удручённый своим непотребным видом. — Иглы под ногти или прижигание калёным железом?

— Оскопление мой визирь, пришлось их отрезать, — произнес капитан с нескрываемой радостью на лице. — Только тогда они заговорили, ну что смогли вспомнить.

— Надо же, никогда не подумал бы. И стоило им упорствовать до таких мер. — Адил немного покосился на своего телохранителя, но кажется Ари'са такие разговоры не волновали. — Так и что же они вспомнили?

— Солтан вошёл в купальню с двумя ослепительно красивыми дивами. — воодушевленно начал было капитан, но видя реакцию на лице визиря, немного замаялся, но продолжил. — А вышли они только вдвоём и поцеловали их... А дальше уже мы нашли их без сознания.

Сказать по правде это было известно и самому Адилу, кроме того, что эти загадочные дивы ушли слишком незаметными. Ну уж если им удалось охмурить Солтана, столь

искушённого и изощрённого в непристойных развлечениях, то что уж говорить об этих бедолагах — сутками стоящих на страже и не знающих не то что ласки, а не достаивающихся даже взгляда от мимо проходящих служанок.

— Да уж, немного фактов, но и это неплохо, — Адил снял с себя грязную затвердевшую коркой одежду. — Боюсь тогда представить, что за плохую новость вы мне принесли.

— Да, мой визирь, — Шем колебался, как лучше сообщить. — В общем, охрана стоящая на страже сокровищницы Солтана в ту ночь... Они пропали, исчезли без следа, — капитан словно сам лично ощущал вину за произошедшее.

— Ну что же, это я и предполагал. — удивил его Адил, попутно накидывая себе на плечи длинный кафтан Солтана, висевшего на спинке стула рядом с дверью. — Найдите их, капитан. И ещё приведите ко мне этого хитрого пройдоху — вербовщика Нэсиба, у меня к нему есть серьёзный разговор.

Всё это время ожидавший наказания капитан Шем облегчённо вздохнул — глаза у него были полны радости, которая, впрочем, тут же сменилась печалью.

— Слушаюсь великий визирь, но что касается вербовщика. — капитан разведки наморщил нос. — Он отбыл из дворца накануне вечером в неизвестном нам направлении.

А вот это портило все планы Адила и единственная реальная зацепка, способная вывести его на след таинственных куртизанок, становилась тем более прозрачной, чем дальше отдалялся от дворца бывший вербовщик Солтана. И раз уж он так поспешно и тайно покинул солтанский двор, то явно замешан во всём этом деле. А советник крайне не любил, когда его планы нарушались — это было неприемлемо для него. И, к сожалению, не могло быть прощено.

— Так ищите его! — сорвался на крик Адил, но тут же закашлялся. — Кх! Кх!... Найдите его капитан, а не то я прикажу Ари'су оторвать вам ваше достоинство.

Телохранитель визиря довольно хмыкнул, похрустывая костяшками пальцев позади капитана, от чего Шем побледнел и как-то уменьшился в размерах. Неизвестно какие чувства он когда-либо испытывал к капитану Шему, но глава дворцовой разведки был уверен, что от лап этого гиганта его отделяет всего лишь один кивок солтанского визиря. Шем еще никогда не видел первого советника в таком бешенстве и очень ратовал за благополучный исход.

— Землю рыть буду, о великий визирь Адил, точнее новый Солтан Адил, — капитан надеялся лестью умиловить его гнев. — Из под земли достану, будьте уверены.

Визирь лишь устало отмахнулся от него рукой, всё равно большей частью он надеялся только на себя.

— Ладно, идите капитан. Я надеюсь на вас.

Капитан разведки по военному развернулся на пятках и бодро зашагал, а затем ему так хотелось побыстрее скрыться от пристального взора телохранителя визиря, что побежал звеня саблей по мраморному полу дворца.

Адил же некоторое время разглядывал шапку Ю-маха взяв её со стула, а затем задумчиво покрутив её в руках — вручил её своему телохранителю Ари'су.

— Храни его как зеницу ока, хотя я теперь не уверен, есть ли от него толк, если сбудутся мои худшие опасения.

Адил вышел и направился прочь от купальни, где он провёл непростую ночь, когда его окликнул вернувшийся капитан Шем.

— Повелитель, а что делать с этим дикарём? — спросил он указывая на старого шамана.

Адил недовольно наморщил лоб от того, что его вырвали из раздумий и теперь он потерял нить своих логических размышлений. Но после минутного замешательства воскликнул:

— Ах да, совсем забыл, — схватился он за голову. — Дайте ему дюжину коров с быками и пусть идёт с миром. И ещё отпустите вместе с ним того раба-переводчика.

— А что делать с телом бывшего правителя?

После всего пережитого, любое упоминание о бывшем правителе вызывало в нём смесь отвращения и неприязни. Он даже не пытался преодолеть это чувство. В какой-то степени это было понятно — воспоминания были слишком свежи и до сих пор вызывали в нём некоторую дрожь.

— Сожгите и развейте по ветру тело этого животного, — перед его внутренним взором всплыли образы с утопленными наложницами в бассейне.

Адил спешно прошёл до дверей в сокровищницу, видно сюда так никто и не удосужился поставить новую охрану. Хотя ни у кого во дворце никогда не возникало желания проверить, что там находится и стража стояла больше для острастки. Дверь была приоткрыта и оттуда веяло холодом. Из воспоминаний Солтана он помнил, вниз ведёт лестница в само освещающийся тоннель.

— Жди здесь, — приказал визирь своему телохранителю и нырнул в дверной проём.

Так же держась за перила, как и в своих видениях, Адил спустился по винтовой лестнице вниз. Коридор засветился мягким неярким светом и уходил вдаль. Стены невероятно ровные и гладкие, их поверхность походила на отполированный до блеска камень, но нигде нет ни единого стыка или щели. Пол покрывал тонкий слой вездесущей пыли и на ней просматривались лёгкие следы ног.

Они начинались от лестницы и шли по направлению к дверям подземного мавзолея. Так же были параллельные отпечатки обратно от мавзолея к лестнице, перекрывавшие собой более старый след. Судя по всему они принадлежали Солтану. Значит после него, сюда никто не заходил. Иначе они оставили бы свои следы.

Адил взглянул назад и посмотрел на свои собственные следы. Так и есть, он единственный, кто зашёл сюда после Солтана. Но из воспоминаний Адил чётко помнил, как будущий мертвец закрывал дверь на ключ и даже подёргал несколько раз для пущей уверенности.

Оставалось только дойти до конца коридора и выяснить, открыта ли дверь в мавзолей. И если так, то грабители либо умели летать не оставляя следов, либо Адил уже ничего не понимал в происходящем. Однако долго мучить себя догадками не пришлось, ещё не дойдя до конца коридора, в слабом освещении виднелись массивные ворота в мавзолей открытые настежь.

Нехорошее предчувствие прокралось в душу Адила, если до сей поры он всё-таки надеялся на лучший исход, то теперь уже точно ясно. Кто-то неизвестный пробрался в святая-святых всего государства и убийство Солтана лишь начало этой беды. Стараясь не издавать шума, он осторожно на цыпочках подошел к воротам, ключ торчал из замочной скважины. Внутри никого, если не считать мумию Асур-Кхана в каменном саркофаге.

И что бросилось в глаза в первую очередь — чёрный камень в ладонях мумии отсутствовал. Поскольку Адил знал из воспоминаний, комната была озарена равномерным сияющим светом, исходящим от чёрного камня. Теперь мавзолей освещал лишь свет от стен и потолка. И всё остальное осталось на месте, они не взяли даже Жезл и Шар, только

чёрный светящийся камень.

Советник приблизился к постаменту на котором лежали атрибуты власти. Жезл был длиной в три локтя и заканчивался навершием, в виде четырёх лепестков, напоминающих лапу птицы, с закрепленной в её основании драгоценным камнем. Шар же представлял собой довольно тяжелый предмет, с фигуркой на вершине, в виде птицы с расправленными крыльями. Скорее всего их не взяли либо потому, что они слишком громоздки и тяжелы, либо не представляли особой ценности для них.

В любом случае оставалось слишком много загадок, ведь о находящихся здесь сокровищах Адил узнал лишь из воспоминаний Солтана. Надо узнать больше о прошлом всей этой истории божественных артефактов. И наверняка какие-либо сведения сохранились в исторических архивах дворца. С этими мыслями он вышел из склепа и провернув ключ, точно так же как в воспоминаниях владыки, привёл механизмы в движение, закрывшие за ним вход в усыпальницу.

Вернувшись тем же путём и поднявшись по лестнице, Адил знаком велел телохранителю следовать за ним. Выставлять охрану у входа больше не имеет смысла, такие двери не открыть без ключа, всё равно теперь он принадлежит Адилу.

Шаги гулко отзывались эхом от гранитного пола и отражались в высоких сводах дворца. Ари'с следовал за своим хозяином, неся под мышкой шапку Ю-маха, как к ним вышел навстречу секретарь.

— Доброго здравия о великий визирь, да будут дни ваши долгими, — сказал он, и покосившись на шапку в руках Ари'са добавил. — Или мне следует величать вас по иному. — секретарь согнулся в низком поклоне.

— И вам того же уважаемый, — улыбнулся визирь, — вы как нельзя кстати попались мне на пути. — Адил хлопнул секретаря по плечу. — А теперь выпрямитесь, я не хочу что бы вы впредь делали так. И другим передайте этот указ, времена старого Солтана прошли.

— Чем могу вам служить о повелитель? — секретарь встал в полный рост.

— Передайте всем, что старый правитель скончался от смертельной болезни, а так как у него не было наследников, то править буду я. Отмените последние указы старого владыки, касающиеся новых поборов с населения, — визирь почесал бороду в раздумьях. — Также пошлите гонцов к войскам осаждающих Ай-Индару, пусть прекращают осаду и возвращаются сюда. Скоро я напишу письмо для обороняющихся, кажется прошлого главу города убило камнем из требушета. Теперь там остался один из известных командиров гарнизона, он должен быть сговорчивее, передадите ему письмо через парламентёра.

— Слушаюсь, о повелитель. Будет исполнено, — секретарь было дёрнулся отвесить поклон по привычке, но вовремя вспомнил просьбу нового правителя.

Глава 37 Зверь или Человек

Улуун, Азар и проводник Нхунг сидели на краю уступа свесив ноги. Наступил полдень и солнце перешло в зенит, озарив долину внизу ослепительным светом, придавая пейзажу необыкновенную яркость и насыщенность цветов. Всего лишь несколько минут назад, сидя на одном из склонов горы Нгранек-Баа и любясь видом на раскинувшийся внизу город, Улуун думал о богах. Сейчас он вспоминал об их сути — их алчности и властолюбии. Они были падшими созданиями, но самыми гордыми из них. Ни в чем не знавшие отказа, они хвастливо говорили о своем могуществе, и люди в своих песнях восхваляли их величие. Неудивительно, что в их честь воздвигались величественные статуи, красивые усыпальницы, рощи и парки.

— А вон там слева от мельницы среди сосен, — Нхунг болтал ногами, указывая рукой на противоположный склон ущелья. — Это пещера, когда мой дядя был маленьким, там жил пещерный медведь-людоед.

Кажется мальчик уже успокоился и снова пришел в бодрое расположение духа. К нему опять вернулось чувство юмора и в голосе звучало нескрываемое удовольствие от жизни.

— Ваша собака похожа на медведя, — он с восхищением смотрел на Азара. — Вы могли видеть шкуру того медведя, она висит в таверне моего дяди. Как он говорил, тогда вся деревня вышла на охоту. И его дедушка добыл себе шкуру, как трофей.

Улуун призадумался, так как помимо головы козла, на кустах рядом с кругом камней, он обнаружил тёмно-рыжие клочки шерсти. Словно кто-то тёрся об них и судя по тому, на какой высоте он её нашёл, медведь или подобное ему животное, обладало весьма внушительными габаритами. Значит помимо размеров он также должен обладать соответствующим весом. Учитывая, как он сам с трудом сюда поднялся, то либо существо легкое как мальчик-проводник. Или оно появилось в первый раз здесь, а потом спустившись отсюда, уже больше не поднималось никогда.

«Странное животное», решил Улуун. Но нельзя же бегать по лесу и заглядывать под каждый куст. Было бы хорошо, если бы кто-нибудь из местных узнал о таком необычном звере и дал бы о нём более подробную информацию. Мало ли что. Если животное достаточно редкое, то охотники могут случайно его найти. А вдруг оно связано с тем самым кровавым приношением в жертву на алтаре.

И весьма вероятно обоих случаях не обошлось без применения магии. Вполне возможно, некромант-самоучка сумел возродить и призвать дух убитого медведя-людоеда. И теперь с его помощью терроризировал городскую гильдию купцов, неизвестно чем насаливших ему в прошлом. Вот почему стражники не заметил его, ибо дух бесплотен и существует только в моменты призыва с той стороны Лимба. Как бы то ни было, основным подозреваемым оставался всё тот же юноша, дикий маг не пожелавший предстать перед советом трибунала, явившись с чистосердечным признанием о проявлении своего дара.

Согласно выкладкам судьи Лобьяда и гильдейских старост, на празднике лунного цикла юноше удалось вызвать духа какого-то демона и после этого он исчез. С тех пор никто из видевших его людей не видел этого юношу, и даже не помнит, как он выглядел. Возможно, эти сведения являются ложными. Могло случиться и так, что юноша на самом деле умер в тот же день, причём без видимых причин. Такие случаи нередки и спонтанную инициацию силой не каждый способен пережить. Но если всё таки он выжил, и если это правда, тогда

представляется возможным, что юное дарование сумело воспользоваться своим новообретённым могуществом для того, чтобы жестоко убить многоуважаемого Маркаса Кворана — одного из самых первых жертв нашего таинственного мстителя.

Следующий же покойный граф Рибальд, четвёртый по счёту из убитых таким образом — был найден задушенным на балконе на одной из башенок своего фамильного замка. Возможно, юноша обладал какой-то разновидностью искусства психического уничтожения, недоступной обычным живым людям. Эти возможности используют такие демонические культы, как Чёрная Ка, и есть основания предполагать, что наш убийца был знаком с техникой жертвоприношения — или, возможно, к этому его подтолкнули сами боги, научив внезапному выбору жертвы из многих сотен людей.

Если бы Улууна не забрали с пяти лет в школу, то он точно так же пополнил бы ряды диких магов. Таким сильным и могущественным, что провидцы Ордена Равновесия заранее озаботились о выявлении детей с таким даром. Но в последние времена их способности провидения ухудшились и находить таких уникальных детей становилось всё труднее. Всё что он знал от послушников из факультета Провидцев, они связывали ухудшение своих способностей — потерей контакта с огромным чёрным Кристаллом, спрятанного внутри горы-пирамиды. Срок его существования сокрыт занавесом времени ещё до создания Орден Хранителей на первом созыве Капитула после Мирового Потопа. От них собственно и пошли все остальные ответвления множества других Орден.

Впрочем, он знал и ещё одну вещь. Как и все некроманты, которые к настоящему времени существуют, они умеют контролировать мысли других существ. Именно поэтому тёмные маги могут незаметно управлять людьми во сне, когда они не способны сопротивляться их воле. Также они могут подслушивать разговоры непосвящённых. Они могут заставить передать в своём сознании в пространство человека любую мысль, независимо от того, откуда она пришла к нему — сам вспомнил или будто бы случайно наткнулся на неё во время обычного разговора. Как известно, маг-ренегат, на котором от природы лежит печать Хаоса, способен не только управлять мыслями других, но и даже может усилием воли сообщать им кое-какие идеи и управлять их физическими действиями. Но всё равно их сила остаётся неполной и, чтобы управлять другим человеком, нужно обладать чудовищным уровнем энергии, для того чтобы быть способным загипнотизировать живое существо и полностью подчинить его действия.

Даже Провидцы поверхностно используют силу Кристалла, рискуя получить недуг безумия до конца жизни, если Адепт проигнорирует многие запреты работы с его силой. У самого Улууна отсутствовала предрасположенность к данному виду проявления сил Хаоса. Пройдя ряд несложных испытаний тестировщики школы определили его на факультет Чувств. И теперь он слышит ничуть не хуже, чем его верный пёс Азар. Когда к ним обращаются ученики в поиске наставничества, Улуун руководствуется не столько своим долгом наставника, сколько состраданием к ним. В этом также заключается одна из причин его неофициального статуса в ордене.

Превосходный слух являлся его преимуществом практической в любой ситуации. Начиная игрой в кости и заканчивая поединком — с несколькими противниками в полной темноте. Замечая на слух каждый шорох и неровную задержку дыхания противника — приготовившегося нанести удар, он всегда опережал их действия на несколько шагов вперёд. К тому же, лишь ученики из его факультета достигали мастерства в искусстве управления сознанием животных, подчиняя себе их волю и внедряясь в их психику. Так что они

становились способными управлять действиями животного, как если бы находились внутри них. Разумеется это зависело от размеров и уровня интеллекта подконтрольного существа. Их ментально-эмоциональная связь с Азаром, во многом существовала благодаря давним доверительным отношениям, как между хозяином и питомцем.

— Скажи мне Нхунг, как часто ты приходишь сюда? — ловчему не терпелось выяснить, как можно больше подробностей про странный храм.

— Ну в последний раз мы приходили с моим другом три месяца назад, — мальчик задумчиво вскинул глаза вверх. — Но тогда здесь не было так страшно. Если бы не вы и не ваша собака, я уже давно бежал бы со всех ног в сторону деревни.

Он погладил квадратную и мохнатую голову Азара, пёс зажмурил глаза от удовольствия. Обычно он никому не позволял дотрагиваться до себя, кроме своего хозяина Улууна. Но видимо он не считал ребёнка опасным и не ожидал от него подлости. Пёс поднял морду, поглядел в небо, вздохнул ноздрями воздух словно вынюхивая что-то, а затем повернулся к хозяину и громко и протяжно зевнул.

Значит культисты активировались недавно, забавно получается, как раз совпадает с началом исчезновения членов торговой гильдии. Всё может быть связано и нельзя исключать даже малейшие подозрения и не соответствия. Похоже они не могут засиживаться тут допоздна, закат в горах наступает раньше, чем на равнине. Нужно ещё успеть дойти до мельницы, чей силуэт виднелся вдали по ту сторону реки. Никаких деревень рядом с ней нет, так что возможно даже придется заночевать неподалеку от неё. А мальчика нужно отпустить, дорогу к мельнице он уже найдёт сам.

Спускаться оказалось гораздо легче, зыбкая почва под ногами буквально несла вниз сама, как если бы они скатывались по снегу. Внизу он вручил Нхунгу два золотых дракона и хотел отправить домой, но мальчик-проводник вдруг попросился остаться.

— Можно я останусь с вами до вечера? Я знаю дорогу, я покажу вам, — в его взгляде читалась мольба невинного ребенка. — Если я вернусь так рано, дядя заставит меня работать по хозяйству, а мне больше нравится гулять с вами и вашей собакой.

— Ну ладно, с твоей помощью я доберусь быстрее, — согласился Улуун. — Но знай, что я могу остаться там на ночь и тебе придется возвращаться одному.

— Но это лучше, чем работать на кухне до последнего клиента таверны.

— Хорошо, идём тогда вместе.

Они тронулись в путь втрём, мальчик-проводник, Улуун и пёс Азар. Предстояло спуститься к реке вниз по ущелью, а затем подняться на противоположный склон к пастбищу на широком плато. На плато перед их взором предстала широкая равнина с зелеными лугами и фермерскими угодьями, известными на всю округу своими фруктовыми садами с яблоками и грушами. Сейчас весна и рододендроны распускались красными цветами, источая умопомрачительный аромат на тысячи шагов. Пахло также и свежим ячьим навозом, которым был посыпан луг возле огромных каменных построек. То и дело появлялись и исчезали огромные стайки птиц, стремительно пикирующих к земле. А пёс Азар задирает морду и нюхал воздух, словно выискивая среди запахов добычу, способную оказаться съедобной.

Знаменитый яблочный сидр «**Мадху Амрэта**» производился именно здесь — в этих садах с золотыми яблоками наполняющихся силой солнца. Правда, когда Улуун последний раз пил его в гостях у Васур-Ла, то их обоих знатно пронесло. И дверь уличного туалета хлопала так же часто, как оконные ставни в ненастную погоду. Должно быть технологи

халтурят и не соблюдают процессов производства сидра, и ему больше не подходит столь лестный эпитет, как напиток богов. А скорее как лучшее средство для тех, кто страдает от твёрдого стула после обильного застолья.

Они всё время шли вдоль горной речки, берущей свое начало с тающего ледника вдалеке и падающей оглушительным рёвом в ущелье. На ней и должна стоять искомая мельница, так недолюбливаемой местными жителями. Ещё не наступили сумерки, а Улуун и его спутники уже видели на горизонте её обветшалые очертания. В это время на юге изредка показывалась яркая жёлтая луна Йу, изредка скрываемая тёмными облаками гонимые ветром. К мельнице вела заросшая дорога, и путь по ней не обещал каких-либо трудностей. Она выглядела заброшенной и обветшалой, но Улуун знал, что по ней иногда кто-то проезжает и она уже много веков является единственной пригодной дорогой до некоторых здешних мест.

— Я пойду проверю, что там, — он обратился к мальчику. — А вы с Азаром оставайтесь здесь. Если со мной всё будет в порядке я вернусь. Но если Азар сорвется со своего места и понесётся ко мне, то ты должен бежать отсюда.

Нхунг послушно кивнул, кажется он был немного напуган.

— Ты же знаешь дорогу к городским воротам? — продолжил магический ловчий и вытащив из кармана свёрнутую бумажку, передал своему проводнику. — Вот, эту записку тебе нужно будет передать стражникам у ворот. Они поймут что нужно делать дальше.

— Хорошо, я сделаю как вы просите, — голос Нхунга уже не звучал так же уверенно как раньше. — Только вы возвращайтесь, мы будем ждать.

Он сжал в своем маленьком кулаке записку и положил другую руку на загривок Азара.

— Ничего не бойся, просто сделай это, если будет нужда, — ловчий подмигнул ему. — Я в тебе не сомневаюсь, ты лучший проводник в здешних горах.

Уже смеркалось, когда Улуун Сагкх отошёл на достаточное расстояние от своих спутников. Он оглянулся назад, их одинаковые по высоте фигуры почти не различались: неподвижно сидячий пёс и стоящий рядом мальчик. Стараясь ступать бесшумно, он потихоньку пробирался к водяной мельнице, благо шум воды заглушал его движения. Она сводила на нет все его годы тренировок в Зале Чувств, когда приходилось ходить по полу усыпанному яичной скорлупой. И надо сказать, он сдал этот экзамен на отлично, ступая настолько мягко и нежно, не дав проснуться ни одной слепой собаке, призванных выявить нарушителя тишины. Но шум воды так же мешал и ему, окружающие звуки предательски сливались с журчаньем воды и скрипом колеса мельницы.

Улуун подкрался на достаточное расстояние и сидя в высокой траве, сколько ни прислушивался, так и не смог обнаружить явного присутствия кого-либо. Никаких огней в окнах заброшенного здания или звуков исходящих изнутри мельницы, кроме бесконечного скрипа колеса, ведомого потоками горной реки. Слабый ветерок со стороны гор, доносил лишь слабый запах дыма, по его интенсивности Улуун понял, костёр затушен не так давно. Неужели кто-то находящийся внутри, почуял его приближение и теперь затаился в темноте заброшенного здания.

Его магическое чутье никоим образом не намекало ему о присутствии здесь сил Хаоса. Ничего даже близко похожего на то, что он ощущал сегодня на руинах храма. Обычное заброшенное здание из каменного известняка, максимально магическим сейчас в нём была лишь подкова, на удачу прикрепленная над дверным косяком.

Он осторожно отворил дверь, на ширину достаточную для того, что бы тенью проскользнуть внутрь. Но ловчий не спешил входить, он закрыл глаза и замер прижавшись

спиной к стене. Сделав глубокий вдох, а затем долгий выдох Улуун прислушался сквозь шум мельничного колеса, если внутри кто-либо есть, то он непременно услышит его дыхание или бешено колотящееся сердце. Но нет, внутри ни одной живой души, даже мышей или крыс, наверняка обитавших здесь раньше в изобилии.

Улуун наложил на себя Малый Рунный оберег и одним быстрым бесшумным движением ворвался внутрь, готовый отразить любое нападение от кого угодно. Как он и ожидал, никого, здесь нет никого. По крайней мере сейчас, поскольку он точно увидел, как костер жгли именно здесь. При лунном свете падающем из окна, тонкие струйки дыма поднимались из кучи золы в камине. Значит преследуемый ушел всего за несколько минут до его появления здесь. Кто-то очень искусный, с великолепным слухом и маскировкой, такой кто почти равен ему по мастерству.

Сагкх зажёл поясной фонарь и решил осмотреться на месте. Тусклый свет кусками выхватывал из темноты непритязательную обстановку: грубо сколоченный стол и лавку. В дальнем углу валялось что-то похожее на мешковину набитую соломой. Но самым странным ему показался запах, странный мускусный запах, режущий его тонкий нюх. Он был настолько въедлив и постоянен, что им пропитались даже бревенчатые стены здания. Проходя мимо дверного проема, ему бросилось в глаза, то от чего исходила максимальная концентрация запаха. Он посветил поближе — так и есть, клочок шерсти. Точно такой же он нашёл в заброшенном храме сегодня. Неужели Васур-Ла оказался прав и это действительно ликан. Днём наверняка обитал здесь как человек, а ночью выходил на охоту. Вдруг Улууна молнией пронзила мысль — Нхунг и Азар теперь остались там одни в поле. Нужно поспешить к ним пока ещё не поздно.

Глава 38 Незнакомка во сне

Последнее запомнившееся мне в бреду, длинные коридоры и туннели, протянувшиеся в бесконечность. Мерцающий свет вперед и дальше мрак. Затем я ощутил себя лежащим на мягкой постели и не чувствовал ни рук, ни ног, но знал, что они имеются. Мое тело не было моим физическим «я» — в нем просто не было никакой сущности. Это, если угодно, была некая абсолютная точка бытия, к которой можно было обращаться для приведения в порядок какого-нибудь из аспектов моей души. Эта точка могла быть и чем-то другим — я сам. Но в моей вселенной не было ни сторон света, ни направлений — только этот свет и я, слитые вместе в невообразимое число зеркал, и только бесконечное пространство.

— Кажется он очнулся, — раздался рядом голос Остариха фон Малера.

Интересно где я и с кем он тут разговаривает? Сознание понемногу возвращалось ко мне. Я слышал шум падающей воды... подземный водопад? Так значит мы дошли. Почему я не помню этого. Я открыл глаза. Надо мной нависало что-то белое и непроглядное. Слабый свет впереди меня не просто проникал, он был здесь повсюду. Камера! Не пещера, не что-то другое, а именно какая-то камера с абсолютно гладкими и белыми стенками. Это я понял с первого взгляда.

— Лекарь сказал, ещё немного и мы бы его потеряли, — я также поблизости услышал голос Джаса. — Солёная вода обеззаразила рану.

Получается мы всё же смогли добраться до убежища, наверняка я потерял сознание по пути сюда. Мне с трудом удалось разлепить глаза и поначалу моё зрение всё ещё оставалось размытым.

— Ну мы с тобой теперь квиты, — художник заметил мои телодвижения. — Ты спас меня от стражи, а я тебя донёс сюда, когда ты перестал отвечать на мои вопросы. Я обернулся проверить, а ты лежишь плашмя растянувшись на полу.

Мы находились совершенно в другом месте, чем в прошлый раз, но по звуку доносящегося водопада, вероятно весьма близко от него. Здесь было совершенно темно, но наша комната освещалась какими-то шарообразными камнями, по своему виду очень похожими на хрусталь. Равномерный и холодный свет, абсолютно безболезненный для глаз, при взгляде на эти лампы. Они стояли в нишах, выделанных в стенах и освещали пространство достаточное лишь для хождения не спотыкаясь. Но света было недостаточно для возможностей чтения или шитья, совсем как приглушённое освещение в салоне самолёта ночью. На первый взгляд лампы выглядели совсем простыми — с продолговатыми стеклянными вкраплениями по краю, изнутри них не было видно ни проводов, ни трубок, а каждый элемент представлял собой просто какое-то мистическое образование из жидкого стекла, окружённое не то сеткой, не то прозрачной дымкой.

— Правда, это невероятно, — восхитился учёный, поймавший мои взгляды на светильники. — Подумать только, всё сохранилось с тех самых пор, как Боги покинули мир людей. Никто не позаботился ни о сохранности чертежей, ни о размерах, ни о выборе материала, а лампы стоят себе здесь всё время. Это настоящий подарок богов. Я долго искал, кто мог такое сделать по всему миру и представляешь, нашёл в совершенно неожиданном для меня месте.

— Что сохран....? — спросил я слабым голосом, сорвавшемся на полуслове и не совсем понимая о чём он тут распинается.

— Ну ты посмотри, Асиф, — Остарих обвёл рукой вокруг. — Это же всё Артефакты богов. Знаешь сколько я рыскал по миру, по приказу моего короля разыскивая остатки их технологий.

Что до его восторженных рассуждений, меня больше волновало моё собственное самочувствие. Я лежал на спине, значит стрелу вытащили. Раны мои перевязаны и обработаны. И самое удивительное, подо мной первоклассная перина, по ощущениям гораздо более комфортная и не сравнимая с соломенным матрасом. Моя постель так же находилась в углублении стены. Как маленькая комнатка без дверей, размером с тело взрослого человека, совсем как капсульный отель в японских гостиницах. Прямо надо мной, на расстоянии вытянутой руки, нависал белый каменный потолок с совершенно гладкой поверхностью. Я несколько раз провел рукой и на ней осталась белая пыль или порошок. Казалось, что на самом деле это плотный гранитный монолит и никаких трещин или неровностей на нем не было.

— Соляные копи, — Джас стоял чуть в стороне и я его не сразу увидел. — Если кому-то нужно поправить здоровье, то нет места лучше.

Вокруг, насколько позволял увидеть свет, располагались множество таких же мини-комнаток. Большинство из них оказались пусты, не считая моей и ещё нескольких. Я снова улёгся на ложе, позволившее ранее немного восстановить моё истощённое состояние.

— Вам повезло, что вы наткнулись на охотников раньше, чем вас нашли кабир'рат по запаху крови. Если бы не твой друг — притащивший тебя волоком, суждено было твоим костям быть растащенными по крысиным норам. И очень жаль, ведь у нас каждый человек на счету, тем более такие воины как ты. К тому же, как только ты поправишься, есть один человек здесь и он хочет поговорить с тобой.

— Что это за человек? — моментально спросил я, так как интерес третьих лиц к моей персоне меня уже порядком напрягал.

— О ты не волнуйся, — поспешил успокоить меня Джас в своей традиционной манере. — Ты же знаешь, здесь ты в безопасности. А человек этот приплыл из-за моря. Кажется он работает на важную и знатную персону и у него есть дело. Очень важное дело касающееся тебя и всех нас вместе взятых.

Я ничего не ответил, поскольку такие формулировки мне не очень нравились. До сих пор существовал только один человек проявлявший интерес ко мне — им являлся Солтан, хотя я его в глаза даже не видел, да и он меня наверное тоже. Но конечно это были только мои предположения. Если ему было наплевать на покалеченного солдата и случайно убитого командира Солтанской гвардии, то может и не искал меня никто. Тем не менее, если верить словам того наёмника, чьи кишки вчера выпали на стол чайханы, то Солтан сейчас мертвее мёртвого. А стало быть и приказы его больше не действуют. Если я и находился в розыске, то теперь уже мне ничего не грозит. По крайней мере я очень надеюсь.

Однако за мной уже закрепилась репутация опасного человека с саблей — выпустившего кишки наёмнику в чайхане и утопившего работорговца на пирсе. Так что неприятности меня в будущем ждали всё равно. Хотя, с другой стороны, я не испытывал по этому поводу страха, по крайней мере здесь в Подгороде я находился в безопасности. Но всё же не следовало терять бдительность, ведь люди Солтана или его приспешников могли оказаться совсем рядом.

— Но пока тебе нужно отдохнуть и набраться сил, — в свете ламп фигура Джаса отбрасывала длинные тени на поблёскивающие стены. — Мы тебя тут оставим, — затем он

подмигнул Остариху. — У нас для тебя есть сюрприз, это поможет твоим ранам затянуться быстрее.

Я взглянул на Остариха, ища понимания в его глазах и прояснения ситуации. Но он с улыбкой отвёл взгляд и переглянувшись с Джасом они вместе захихикали. Кажется они уже успели подружиться, безусловно старик Джас умел располагать к себе людей. После чего они оба молча сдвинулись со своих мест и вышли из соляной пещеры в коридор. Мне казалось что сложившаяся ситуация слишком абсурдна и странна чтобы произойти в реальности, но с другой стороны в моей душе была некоторая ирония к происходящему. До сих пор во мне теплилась надежда, что происходящее — просто бред больного воображения, но теперь я ощутил какую-то томную тоску, которую даже не пытался объяснить. Словно в это мгновение я знал что оно реальнее, чем стены и свод соляной пещеры.

Оставшись в одиночестве я какое-то время просто тупо глядел перед собой, пытаюсь собраться с мыслями и понять, что происходит. Мне стало казаться, что все неприятности последних дней были лишь болезненным капризом человеческой судьбы, которая решила посмеяться надо мной. Я с горечью подумал, что у неё есть какое-то непонятное, но, несомненно, страшное и могущественное предназначение. И иногда жизнь преподносит нам такие сюрпризы, которые могут сильно изменить нашу жизнь.

Тишина и покой были здесь моими единственными спутниками. Если не считать ещё одного пациента этого госпиталя, периодически кашлявшего как туберкулезник и тем самым нарушавшего здешнюю идиллию. Мое состояние оставалось слабым и вскоре, убаюканный равномерным шумом падающей воды, я погрузился в исцеляющий сон. Сквозь дрему мне слышался кашель бедолаги, не дающий провалиться мне в более глубокие уровни сна. И мои сновидения больше носили характер повторяющегося бреда на основе предыдущих событий пережитых накануне.

Вот только эпизоды эти совершенно не связывались между собой. В них были и крики, и удары, и резкая боль, и отчаянные попытки спастись. Они были насыщены эмоциональными проявлениями и потому похожи на разрозненные кадры из мультфильма. Их происхождение для меня так и осталось загадкой. Не берусь сказать, что это было на самом деле. Может, мне показалось, что я действительно несколько раз слышал звуки и хрипы из реальности, хотя могло быть и так, что все эти сюрреалистические видения порождено больное воображение утомлённое общей слабостью организма.

"В какой-то момент я ощутил себя стоящим на вершине высокой пирамиды с усеченной вершиной. Я поднимал руки к небу, а надо мной сгущались дождевые тучи, со вспышками молний внутри облаков. Сверху до меня доносился грохот грома или может быть, кашель больного соседа превратился в фантасмагорические звуки, накладываясь на сюжет моего сна. Мои пальцы и запястья украшали множество драгоценных камней, оправленные в золото и серебро. И что показалось самым странным — это цвет моей кожи, гораздо более тёмный загар с медно-бронзовым отливом.

Я перевёл взгляд с облаков вниз, рядом возвышались похожие пирамиды, только меньшего масштаба. Не знаю, кто и для чего строил эти пирамиды, но казалось, что они выполняли некий величественный мистический ритуал, что-то вроде магических церемоний высшего порядка — в мире, где не осталось места ничему иному, кроме как огромного количества живой и пульсирующей энергии. Я попытался отследить откуда она исходила и каким-то внутренним ощущением понял, что этот поток энергии исходил от огромной человеческой массы внизу перед основанием пирамиды. В самом внизу копошились люди, их

было там очень много — они заполнили всё свободное пространство между пирамидами. Они поднимали руки вверх, точно так же как я и синхронно покачивались, как если бы они представляли собой волну из живых тел. Во мне существовало ощущение, будто наши сознания соединены и люди находясь в трансовом состоянии подчиняются мне.

Только сейчас до меня дошло осознание факта, что всё это время на вершине пирамиды, мои губы шептали какие-то слова на неизвестном мне языке, похожее на повторяющиеся заклинания. Тучи всё больше сгущались и темнели, гром и молнии участились, усилился ветер, а интенсивность окружающего звука нарастала с пугающей скоростью. Пока все наконец не превратилось в один сплошной ревущий гул, похожий на рёв турбины среднемагистрального самолета. С неба закапали редкие капли дождя, быстро превратившиеся в сплошной поток воды. И я уже не мог различать фигуры людей внизу, но по той волне, что исходило от них — кажется они радовались и прыгали от счастья. В тот же момент во мне что-то произошло, слова потеряли всякий смысл, а движение стало бессмысленным. Пропасть в моём сознании опять стала легкой и податливой, всё вокруг меня закружилось и я полетел вниз."

Сильный кашель моего соседа вырвал меня в повседневную реальность, думаю его здоровье оставляет желать лучшего и вряд ли он сможет поправиться в ближайшие дни.

Проснувшись на некоторое время я прислушался, вокруг всё было относительно тихо и спокойно. Попытавшись перевернуться на другой бок и позабыв о своей ране, я тут же зашипел от боли и вернулся в прежнее положение. Спустя время дремота вновь одолела меня и утащила в свои объятия. Перед глазами замелькали какие-то картины, сначала неясные, как сквозь разноцветное стекло. Постепенно они стали чётче и я увидел самого себя, в конце концов сумевшего разглядеть свои руки.

" На сей раз мне снилось очень солнечное место, очень светлое и насыщенное по яркости своих красок. Мои босые ноги утопали в ковре из мягкой и прохладной травы. Мое обоняние бомбардировали сотни запахов и ароматов, разнообразие цветов на поляне поражало воображение своим ассортиментом. Неподалеку впереди шумел водопад с кристально чистой водой падающей с горного склона. Наверно опять звуки из реальности сформировали сюжет сна. Осязание воспринимало собой все, что попадало в поле зрения — то, как ветерок касается моего лица, то, как мимо пробегают маленькие зверьки и листья в траве. И все это в какой-то невероятной гармонии.

И к моему удивлению, я там находился не один. Рядом со мной шла девушка и мы вместе направлялись к водопаду, мы держались за руку, словно какое-то время уже знакомы. Она взглянула на меня сквозь свои чёрные локоны и звонко засмеялась. Её смех показался мне настолько заразительным и я не выдержав переполнявшего меня ощущения счастья присоединился к её веселью. Мы оба неожиданно почувствовали, что мы где-то уже были знакомы и я понял, что мы точно так же смеялись друг с другом и при этом знали, кто мы на самом деле. Но нам не хотелось думать об этом и мы снова взялись за руки. Мы чувствовали, что познали самое лучшее в нашей жизни, а теперь просто наслаждаемся этим мгновением.

У водопада мы спустились к холму, поросшему мягкими фиолетовыми цветами.

Мы начали кружиться по полянке, взявшись за руки и только сейчас увидел её во всей

красе. Я ощутил её близкое присутствие. Она приблизилась и подняла руку, словно собираясь коснуться моего плеча. Наконец, моя спутница остановилась, повернулась ко мне лицом — наши взгляды встретились и я увидел её чудесные лучистые глаза. Она не переставала улыбаться мне, будто была безмерно рада меня видеть. Я увидел, что ее лицо странно и прекрасно, и подумал, что никогда не встречал ничего подобного. Но больше всего меня поразили и приковали к себе её глаза. Они сияли огнём зелёного изумруда, сквозь которое светит самое яркое солнце и она сказала мне всего лишь одну фразу: «Найди меня Асиф.»

Тут я реально ощутил её прикосновение ко мне.... Хотя нет, погоди... Что это? Кто-то действительно меня касается и не во сне, а вполне себе здесь, в этой самой соляной пещере. Сон улетучился весьма быстро, а вот реальность чьего-то теплого тела под моими боками ощущалась всё с большей явью. Так и есть — я с испугом обнаружил, что в моей постели под холщовым одеялом, прижавшись ко мне лежат два юных девичьих тела. Тут меня осенило — вот о каком сюрпризе говорили и ехидно пересмеивались Джас с Остарихом. Те самые пленницы, освобожденные мной накануне вечером в порту города работорговцев и они были, как безумные, исполнены желания близости со мной. Это, надо понимать, мне и было обещано под словами о сюрпризе. Не сказать, что я был против, наоборот, было бы как-то совестно отказать им в таком удовольствии. Но что-то меня смущало. Я уже был уверен, что вижу сон, когда одна из девушек положила ладонь мне на грудь и промурлыкала: "Я знаю, что ты не против". Как бы я не отбрыкивался от таких объятий, мне всё же пришлось их принять. И, что самое ужасное, я совершенно не мог им помешать. Теперь я совершенно точно знал, что это не сон.

Но кто эта прекрасная незнакомка из моего сна? И почему мне кажется, что я когда-то знал её.

Больше книг на сайте - Knigoed.net